

В ЭПИЦЕНТРЕ
БУРИ

Один день из жизни Мисуса

Макс Лукадо

Макс Лукадо

В ЭПИЦЕНТРЕ ШТОРМА

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ИИСУСА

Originally published in English under the title:

**In the Eye of the Storm
A Day in the Life of Jesus**

by Max Lucado

Published by WORD PUBLISHING

All rights reserved

Published by <http://vk.com/maxlucado>

ISBN 0-8499-0890-6 (англ.) © Max Lucado, 1991

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Под гнётом требований

1. От спокойствия к хаосу
2. Бог и стресс
3. Материнская любовь, дружеское сочувствие
4. Если рыбаки не ловят рыбу
5. Радость путешествия
6. Удивительное рядом
7. Спасибо за хлеб
8. Размышления в Миннеаполисе
9. Вторя голосам
10. Фотография и папка для бумаг

Бури сомнений

11. Когда видишь Бога через треснувшее стекло
12. Два отца, два праздника
13. Бури сомнений
14. Плотницкое чудо
15. Мудрость дровосека
16. Законы маяка
17. Он говорит сквозь бурю
18. Размышления пилигримов
19. Наш шторм - Его дорога
20. Они непременно поступили бы так опять

Торечь неудач

21. Замки печали
 22. Страх, который становится верой
 23. Чему улыбается Бог
 24. Пришедший принести жертву
 25. Святость в банном халате
 26. Выбор
 27. Без трусов, но с высоко поднятой головой
 28. Лимонад и милость
- Заключение
Примечание

Прежде, чем начать...

ПОПУГАЙЧИК ЧИППИ ТАК НИКОГДА И НЕ УЗНАЛ, что же всё-таки произошло. Вот он мирно сидит в своей клетке, и вдруг его что-то засасывает, моет и обдувает.

Неприятности начались в тот момент, когда хозяйка Чиппи решила почистить клетку пылесосом. Сняв насадку со шланга, она просунула его в клетку, и в это время зазвонил телефон. Повернувшись, женщина взяла трубку, но, едва успев сказать “привет”, услышала “чпок” - это засосало Чиппи.

Охнув от изумления, она бросила трубку, выключила пылесос и открыла его. Там в мешке лежал Чиппи - всё ещё живой, но оглушённый.

А так как птица была покрыта слоем пыли и грязи, то женщина, схватив её в охапку, рысцой помчалась в ванную. Там включив кран, она сунула Чиппи под струю воды. Но видя, как дрожит мокрый Чиппи, сделала то, что сделала бы любая сердобольная женщина: потянулась за феном и направила на своего любимца струю горячего воздуха

Бедняга Чиппи никогда не узнал, что же обрушилось на него.

Через несколько дней после происшедшего, репортер, описавший этот случай, связался с хозяйкой птицы, чтобы узнать, как чувствует себя попугай. “Ну, знаете ли”, - сказала она, - “Чиппи больше не поёт - просто сидит, уставившись в пространство.”

Не трудно понять почему. Побывать в пылесосе, под холодным душем и под струёй горячего воздуха - этого достаточно, чтобы лишить песни даже самое отважное сердце.

Можно ли нас сравнить с Чиппи? Многих - да. Вот мы находимся в знакомой обстановке с песней на устах и вдруг... Получаем уведомление об увольнении. Приходит письмо с отказом. Происходит тяжёлый разговор с доктором. “Дражайшая” половина сообщает о своём решении развестись. Подскочили цены и полисмен стучит в дверь.

Чпок! И нас засасывает длинный черный тоннель сомнений. Раз! И нас окунают в холодную воду реальности, обжигают горячим воздухом пустых обещаний.

Жизнь, бывшая такой спокойной, теперь становится похожа на грозу. Сыпется град требований. Нападают сомнения. Вопросы, как кулаки, обрушиваются на нас. И в какой-то из этих моментов мы лишаемся радости. Где-то в грозу мы теряем песню.

Вы когда-нибудь попадали в бурю вашей жизни? Если это так, то история Чиппи - ваша история, и я рад, что вы взяли эту книгу. Я написал её, думая о вас. Я написал её потому, что в жизни Христа есть день, о котором вам нужно знать.

Помимо дня Распятая это - самый напряженный день Его жизни: плохие новости и их угрожающие последствия, требующие своего люди и сомневающиеся друзья. Двадцать четыре часа, в течение которых Иисус противостоит страстям той же штормовой силы, с которыми встречаемся вы и я. Его хлещут волны стресса. Бьют ветры тревог. Пред ним вздымаются облака безнадёжности.

И среди всего этого Иисус продолжает сохранять спокойствие. Он выдерживает день, не теряя песни. Мне бы хотелось помочь вам увидеть, как Он это делает.

Сначала мы поговорим о *гне́те требований*. Ведь Иисус справлялся со многими часами хаоса.

Что делал Он, чтобы оставаться спокойным?

Что такое Он знал, что давало Ему силу?

Если вы на пределе своих возможностей, и дни ваши очерчены всё сметающими крушениями, тогда это - ваш раздел книги.

Вторая часть называется “*Бури сомнений*”. Вы когда-нибудь попадали в шторм? Хотелось ли вам узнать, почему Иисус не приходит к вам на помощь? Ученикам хотелось. Они вышли в море, а в это время Иисус поднимался на гору. Начался шторм, лодку швыряло, а их оставили на произвол страха и долгой ночи с многочисленными вопросами: “Иисус знает, что мы попали в шторм. Почему Он не идёт?”

Звучит знакомо?

И последняя часть книги расскажет ещё об одном источнике тревог - *горечь неудач*. В сумраке той ночи, когда Пётр пытался пройти по воде, нам раскроется нежная история милосердия и первого шага веры, окончившегося падением в воду от страха. Если вас когда-либо интересовало, что делает Господь, когда мы терпим неудачу, тогда читайте этот раздел и пусть Рука, спасшая Петра, коснется и вас.

Налетают ураганы. Они движутся быстро и набрасываются свирепо. И если вы застигнуты ими, вы знаете, что я имею ввиду. И если сегодня этого не случилось, то вы так же, как и я, знаете, что завтра в них может попасть любой из нас.

Я молюсь о том, что после прочтения этой книги вы будете лучше подготовлены. Я молюсь о том, что вы найдете в ней слова, историю, стих или мысль, которые убедят вас, что Господь очень близко. Я молюсь, чтобы чтение этой книги напомнило вам, что Голос, успокоивший Галилейское море, может утишить шторм в вашем мире.

Друзья, читайте дальше и будьте уверены - Он ближе, чем вам когда-либо казалось.

Под гнётом и требований

1. ОТ СПОКОЙСТВИЯ К ХАОСУ

МОЖЕТ БЫТЬ, И ВЫ СУМЕЕТЕ ПРИПОМНИТЬ утро похожее на пережитое мною.

Было воскресенье. Для меня воскресные дни всегда хлопотные. Для меня воскресные дни всегда начинаются рано. Тот день тоже не сулил исключений.

Проснувшись, я поехал в церковь с полным списком запланированных дел. В шесть утра движение на дороге небольшое и она была в моём распоряжении. Золотистый рассвет вот-вот должен был разорвать очарование ночного, тёмного летнего неба, всё ещё искрящегося звёздами в эти предрассветные часы. Меня обдувал прохладный ветерок.

Припарковав машину за зданием церкви, я задержался там, на минутку: положил книги на землю, налил кофе, и, прислонившись к машине, наслаждался тишиной.

Никого... только я и усыпанное звёздами небо. Кое-где в городе поблёскивали фонари. В предутренние часы спали в полумраке деревья. Ночь была тиха: ни шума, ни спешки, ни требований. Всё это очарование обычно кончается часа через два. И пусть звенят тысячи будильников, открываются двери тысяч гаражей, и безмятежность уступает место суете просыпающегося города. Но пока он спал.

Я думал: как это напоминает нашу жизнь. В путешествии по ней есть безмятежные прогулки, когда всё гладко, как зеркальная поверхность ночного озера в безветренную ночь. Ни шороха, ни суеты, ни криков. И музыку нашей жизни исполняет только флейта, которой дирижёр позволил петь, заставив замолчать большой барабан.

И она действительно поёт. Несчастья кажутся не такими страшными благодаря очарованию её песни. Смерть кажется далёкой. Милые вам существа рядом и любят вас. Нет облаков страха, затмевающих всё, нет сомнений и сердитых телефонных звонков. Какое-то время наш мир освещен луной.

Так было и в тот день. Я сидел на радиаторе машины, прихлёбывая кофе, и поднимал тост за звёзды, а они подмигивали мне в ответ.

Была безмятежность. Но у неё есть способность обернуться хаосом.

С портфелем в одной руке и чашкой кофе в другой, насвистывая, я пересёк место стоянки машин, направляясь к дверям своего офиса. Для того, чтобы войти внутрь мне нужно было миновать спящего сторожевого пса двадцатого века - охранную систему. Я поставил портфель, открыл дверь, а потом подняв его, вошел.

Лампочка на пульте поблескивала красным светом.

Я не сильно разбираюсь в электронике, но даже я знаю, что означает красный свет сигнальной системы. “Введи код, приятель, или приготовься к музыке.” Я ввел код. Маленькая красная лампочка продолжала мигать. Я ещё раз ввел код. Уходило время, а маленькая лампочка смеялась надо мной. Я представил себе, как по проводам к неоновоглазым злобным гномам-сторожам посылаются сообщения. “Всем занять свои места. Какой-то умник вновь вводит не тот код!” Я продолжал вводить код, часы продолжали тикать, лампочка продолжала мигать, а злобные гномы всё больше нервничали. “На старт! Отсчёт пошёл: десять, девять, восемь...”

“О, только не это, - простонал я, - Сейчас сработает сирена.”

И она сработала, обрушавшись как пума. Мне показалось, будто взорвалась ядерная бомба. Вспыхнув, свет прожекторов залил холл. Я продолжал нажимать кнопки, а сигнал тревоги продолжал оглушительно звенеть. Можно было подумать, что из тюрьмы Алькатраса совершен побег. Сердце моё бешено стучало, лоб взмок; да, положение было отчаянное. Из холла я рысцой помчался в офис, рывком открыл ящик стола и нашёл номер телефона охранной компании.

Я едва мог слышать, что говорил служащий, отвечая на мой вопрос. Но, разобрав слова, я не поверил собственным ушам.

“Что вы хотите сказать своим “в чём дело?” “А вы что - не слышите?” - воскликнул я.

“Да, вводил код, - прокричал я, - “но это не сработало! Ну, никакого толку!”

Следующие двадцать минут были крикливые, вопрошающие, бессвязные и раздражительные. Я разговаривал со специалистами, которых не мог видеть, об оборудовании, в котором не разбирался, пытаюсь понять слова, которые не слышал. И вот тогда пришел полицейский. Он постучал в окно. Открыв его, я проорал: “Мне нечем её заткнуть!”

“Вы здешний священник?” - спросил он.

“Да” - снова прокричал я.

Он просто покачал головой и удалился, вероятно, бормоча что-то по поводу того, чему же их обучают на курсах теологии. Наконец, по неясной причине, сирена замолкла. Лампочки погасли. То, что было убежищем от воздушных артолетов, вновь стало офисом. Вернувшись к столу, я сел и вздохнул. *Что за манера начинать день.* На

жертвеннике лежал конспект моей утренней проповеди. Подняв его, я прочитал первую строчку: “Когда безмятежность становится хаосом.”

“Подходяще” - пробормотал я. С вами когда-нибудь случалось такое? Когда в последний раз ваша жизнь за несколько секунд из тихой и спокойной превращалась в хаос? (Я слышу ваш вопрос: «Сколько примеров вам надо?»). Давно ли вы оказывались в ситуации, когда безрезультатно нажимаешь кнопки, сражаешься с правилами и инструкциями, о которых не слышал, или работаешь с системой, которую не понимаешь? Представьте, вы вводите неверный код и за считанные секунды теряете то, что стоит полутора лет работы. Спокойствие взрывается хаосом как вулкан. Или, с автоответчика приходит сообщение о том, что доклад, который по расписанию надо представить на следующей неделе, должен быть готов завтра. Прощай сон, привет ночное бдение. Прощай спокойствие, здравствуй беспокойство. А вот ещё. Механик, обещавший, что машина будет готова в срок, говорит: “Я знаю, что обещал, но всё оказалось хуже, чем я думал. Привод бьёт, от этого трамблёр сбивает зажигание, т.к. всё это сделано вручную в Нижней Танзании.”

“Prrrrrrrrr.”

Бывало ли с вами такое, чтобы вам на работу звонила супруга и говорила: “Дорогой, только что пришло письмо из налоговой инспекции. Они собираются проводить ревизию наших счетов...” Или ваш начальник начал разговор с таких слов: “Вы хороший работник, но в связи с этими разговорами о сокращении штатов нам придётся расстаться с вами...” Или, может быть, ваш подросток как-то приходит домой и спрашивает: “Пап, а страховка нашей машины покроет расходы на ремонт машины одного приятеля?” Если это так, тогда вы знаете, как мгновенно жизнь может от тишины и спокойствия перейти в хаос. Без предупреждений. Без объявлений. Без подготовки.

Мигают маленькие красные лампочки, и вы начинаете нажимать на кнопки. Иногда вы заставляете тревогу замолчать; иногда она вспарывает тишину как демон. Всё может закончиться паникой или покоем. Всё может закончиться хаосом или миром. Для меня утро кончилось хаосом. Будь я готов... помни я код... знай, что нужно делать, когда включается сирена..., тогда бы торжествовал мир и покой. Следующие несколько страниц представят вам один день из жизни Иисуса, когда спокойствие могло бы перейти в хаос. У этого дня были все элементы беспокойства: худое известие и смертельная угроза, за которыми последовали толпой требования, вмешательства, бестолковые ученики и блистательный соблазн последовать за толпой. Двадцать четыре часа до краёв заполненные стрессами, провели Иисуса от встречи с прославлениями в долину крушений.

То был второй наиболее тяжелый день в Его жизни. Не успела утихнуть одна тревога, как возникала другая. Угрожали правители. Настаивала толпа. Сомневались ученики. Народ требовал. Когда вы поймете, что Он вытерпел в тот день, вам захочется узнать, как же Он сохранял спокойствие. Ведь как-то Он сохранял его. И хотя люди оказывали на Него давление, а проблемы обрушивались как муссонные дожди, Иисус не взрывался и не выходил из себя. Фактически Он поступал как раз наоборот. Он прислуживал людям, благодарил Бога и спокойно принимал решения.

Я хочу помочь вам увидеть, как Он это делал. Мне бы хотелось поделиться несколькими “кодами для себя”, в которых вы отчаянно нуждаетесь. Возьмите себе на вооружение эти внутренние коды, вводите их в действие, когда начнут мигать

аварийные лампы вашего мира, и вы будете удивлены, как быстро обезоруживаются тревоги.

Несколько слов пояснения:

Если вы будете искать внешние регуляторы, здесь вы не найдете их. Я ничего не скажу о том, как одеваться для успеха, или о языке власти или схемах популярности. Вы можете купить много книг, которые помогут вам с вашим внешним видом, но эта книга не из их числа. Отношения... благочестивые отношения... способ увидеть проблемы людские и самих людей, какими их создал Творец - вот, что вы откроете в этой книге. Если вам нужны внешние изменения, ищите где-нибудь в другом месте. Если вам нужно внутреннее развитие, продолжайте читать. Если вы хотите увидеть, как Господь справлялся и справляется с ситуаций, как Он преодолевает трудности, тогда у меня есть несколько соображений, которыми можно поделиться с вами. Давайте сделаем хоть что-нибудь. Давайте в нашей повседневной круговерти требований и решений воспользуемся принципами, сформулированными Иисусом. Давайте задержимся на несколько минут и понаблюдаем за Богом, на которого оказывают давление. Давайте всмотримся в Его лицо. Прислушаемся к Его словам. Посмотрим, что Он выбирает. И подумаем о том, чему мы можем научиться. Давайте последим за Христом, на которого оказывали огромное давление, и попробуем ответить на такой вопрос:

Что такого знал Иисус, что давало Ему возможность делать то, что Он делал.

2. БОГ И СТРЕСС

ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ИИСУСА.

Он похож на холст, сотканный из суматохи, или скорее на кричаще иллюстрированный журнал. День, в котором сплелись золотые нити триумфа и черная измочаленная пряжа трагедий. Назовите этот день симфонией переживаний, оркестровкой крайностей с восхода до заката. Здесь и партитура медных для избытка чувств; следом за ней - плач печали. Вот лист с нотами, где музыка переполнена поклонением. А вот баллада одиночества, которую Иисус исполняет соло. Как бы вы ни назвали этот день, он был истинным. Это - день, когда Иисус пережил больше, чем в какой-либо другой день - помимо дня Распятия. Прежде, чем утро сменится вечером, у Него будут причины рыдать... спастись бегством.... проклинать... восхвалять.... сомневаться.... стенать.

От спокойствия к хаосу. От умиротворенности к замешательству. В считанные мгновения Его мир переворачивается вверх дном.

И всё же в этом хаосе есть одна сверкающая нить. В этой симфонии есть песнь, парящая высоко в небесах. В этой истории есть сюжет, который успокаивает. Вы слышали его и раньше, но, вероятно, забыли. Подойдите ближе, вслушайтесь внимательно. Напомнить?!

Иисус знает, что вы чувствуете.

Если когда-либо вы пережили день, в котором вас внезапно атаковали претензии других, а печаль и радость раскачивали вас как качели, если вы хотя бы раз задали себе вопрос, может ли Господь там на небесах иметь отношение к вам здесь на земле, тогда

прочитайте и перечитайте о том чрезмерно тяжелом дне из жизни Иисуса. Мужайтесь. Иисус знает, что вы чувствуете.

* * *

Его утро начинается с известия о смерти Иоанна Предтечи: это Его двоюродный брат, Его соратник, Его друг, тот, кто предварял Его(1). Убит человек, который ближе других подошёл к пониманию, кто такой Иисус.

Вообразите себе потерю того единственного человека, который знает вас лучше, чем кто-либо другой, и вы осознаете, что чувствует Иисус. Вспомните тот ужас, когда вам сообщили, что вашего лучшего друга только что убили, и вы поймете горе Иисуса. Подумайте, как бы вы реагировали, если бы вам сказали, что вашего друга обезглавили по приказу угодливого монарха, виновного в кровосмешении, и вы увидите, как начинается день для Иисуса. В Его мире всё начинает переворачиваться с ног на голову.

Однако эмиссары принесли не известие о смерти Иоанна Крестителя, а скорее предупреждение Иисусу: “Этот Ирод, что казнил Иоанна, теперь интересуется тобой.” Послушайте, как Лука представляет монаршие безумие: “И сказал Ирод: “Я обезглавил Иоанна. А это ещё кто такой, о ком я слышу такие вещи?” И он стремился увидеть Его.”(2) (курсив автора). Что-то подсказывает мне, что Ироду нужен был не только светский визит Иисуса.

Итак с известием о смерти Иоанна и об угрозе собственной жизни Иисус решается скрыться на какое-то время. “Когда Иисус услышал о том, что случилось, Он скрытно на лодке удалился в уединенное место.”(3) Но прежде, чем Он успел скрыться, прибыли ученики. Евангелие от Марка свидетельствует, что “апостолы собрались вокруг Иисуса и отчитались перед Ним во всём, что они сделали и чему научили других.”(4) Они вернулись переполненные чувствами. Иисус дал им поручение провозглашать евангелие и его истинность с помощью чудес. “Они пошли и проповедовали покаяние. Изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли.”(5). Представляете их возбуждение? Видите эту сцену? Встретились двенадцать друзей. Ученики вновь с учителем. Журчат речи вернувшихся домой:

- Петр рассказывает о вылеченном хромом.
- Иоанн говорит о людях, которых учил.
- Андрей вспоминает, как избавил эпилептика от недуга.
- Иаков пристаёт к Иисусу с рассказом о том, как повсюду, куда бы он ни шёл, за ним следовали толпы людей.
- Матфей докладывает об излечении слепой женщины.

Вы помните, ученики были обычными людьми. Они не были ораторами, учёными, королями или святыми. Они были рыбаками, а один, сборщиком налогов. Обычные труженики, которые Божьей властью увлекли за собой нацию. Что их переполняло? Эмоции. Так вот в определенные моменты того дня, в сердце Иисуса то звучит похоронный марш, то оно стучит в ритме триумфального марша торжественного парада. А посмотрите, кто же идёт за учениками, чтобы найти Иисуса. Почти пять тысяч мужчин, а ещё женщины и дети!(6) Люди как реки каскадом стекаются с близ лежащих холмов, приходят из деревень. Некоторые учёные оценивают это скопище народа в двадцать пять тысяч человек.(7) Люди толпятся вокруг Иисуса, каждый с одним желанием: поприветствовать человека, давшего ученикам такую власть.

Что было тихим утром сейчас стало похоже на жужжащий улей из-за суеты людской. “Ибо приходило и уходило много народа и даже поесть у них не было времени.”(8)

У меня были моменты, когда люди требовали моего внимания. Я знаю, что это такое, когда в одно и то же время полдюжины детей хотят абсолютно разное. Я знаю, что такое, когда звонят два человека и нетерпеливо ожидают ответа на разных концах линий. Я даже знаю, как это быть окруженному дюжиной человек с отдельной просьбой у каждого.

Но двадцать пять тысяч? Многие города меньше! Не удивительно, что ученики не сумели поесть. Меня удивляет, как они вообще могли дышать!

* * *

В то утро Иисус оказался на тропе в делях неожиданностей. Сначала он горюет о смерти друга и родственника. Потом Его жизни угрожают. Вслед за этим Он празднует триумфальное возвращение своих последователей. А далее Он едва ли не задушен людским ажиотажем. Тяжёлая утрата.... опасность.... ликование.... бедлам.

Вы начинаете понимать, почему я называю этот день вторым самым напряжённым днем в жизни Иисуса? И это ещё далеко не всё.

Иисус решает отправить учеников в спокойное место, где они бы могли отдохнуть и сосредоточиться. Сквозь шум толпы Он отдаёт команду : “Пойдите вы сами, отдельно от других, в пустынное место и отдохните немного.”(9) И вот продравшись сквозь толпу к берегу, тринадцать учеников забираются в лодку.

В течении нескольких драгоценных минут мир вновь тих и спокоен. Толпа шумит в отдалении, а плеск воды о корпус лодки - единственный звук. Сердце Иисуса то тяготит печаль, то ободряет радость. Он слушает, как ученики обмениваются рассказами о своих победах. Потом Он поднимает взгляд к горизонту и видит Тибериас, город, построенный Иродом, убийцей Иоанна Предтечи. Радость, внезапно омрачённая негодованием, заставляет сжиматься кулаки, а на глазах выступают слезы.

Кто-нибудь задался вопросом, а не хочется ли Ему скрыться от людей? Ему так нужны несколько часов одиночества. Просто передышка. Просто уйти. Нужно время помолиться. Время подумать. Время погоревать. И чтобы ни людей, ни их притязаний. Костёр в кругу друзей. Вечер с теми, кого Он любит. *Люди могут подождать до утра.*

Однако у людей другие намерения. “Народ узнав об этом, последовал за Ним.”(10) А это шесть миль пешком вдоль северного берега Моря Галилейского, и люди отправляются в путь. И когда Иисус добирается до Вифсаиды, вместо желаемого уединения получает шумную арену.

“Неожиданность!”

К тому списку из слов печаль, опасность, волнение, неразбериха добавьте ещё и слово “провал”. Проваливаются планы Иисуса. Что Он запланировал на этот день, и что в намерениях людей, - две разные повестки дня. Что ищет Иисус, и что получает, - не одно и то же.

Вам это знакомо?

Ну-ка припомните, как вы мечтали о ночном покое, а имели дитё с коликами в животе. Вспомните, как вы хотели преуспеть на работе, а оказывались далеко позади. А

помните, как вы хотели побездельничать в субботу, а всё кончилось тем, что вы устанавливали мойку у соседа?

Утешьтесь, друзья. Такое случалось и с Иисусом тоже.

Ну вот и настало удобное время, чтобы остановиться и усвоить основное послание этой главы.

Иисус знает, что вы чувствуете.

Поразмышляйте об этом и не забудьте этого в следующий раз, когда в вашем мире умиротворенность перейдет в хаос.

И у Него учащенно бился пульс. Уставали глаза. На сердце лежала тяжесть. И у Него болело горло, а приходилось выбраться из постели. Он ложился поздно и рано вставал. Он знает, что вы чувствуете.

Вероятно, вам трудно поверить в это. Возможно вы верите, что Иисус знает каково это нести тяжесть трагедии. Несомненно вы убеждены, что Иисус знаком с печалью и боролся со страхом. Большинство людей признают это. Но разве Бог может иметь отношение к волнениям и головным болям моей жизни? Вашей жизни?

По каким-то причинам поверить в это труднее.

Возможно, поэтому во всех евангельских текстах этот день записан частями. Ни об одном другом событии, кроме дня Распятия, не упоминают все четыре автора Евангелий. Ни крещение Иисуса. Ни Его испытание. Ни даже Его рождение. Но хронологию этого дня дают все четверо. Как будто и Матфей, и Марк, и Лука, и Иоанн знали, что вы спросите: а понимает ли всё это Господь. И четырёхкнижным созвучием они провозглашают:

Иисус знает, что вы чувствуете.

Недавно мой друг пробовал научить своего шестилетнего сына забрасывать баскетбольный мяч в корзину. Мальчик много раз брал мяч в руки и изо всех сил бросал его в сторону корзины, но каждый раз терпел неудачу. Отец всё время подбирал мяч и, забрасывая в корзину, говорил примерно следующее: “Сын, ты просто делай так, как я. Это же легко.”

Мальчик вновь пробовал и вновь промахивался. И опять мой друг брал мяч и делал бросок в корзину, при этом подбадривал сына кидать мяч чуть сильнее.

Спустя несколько минут и многих промахов мальчик откликнулся на отцовское подбадривание, сказав: “Да, тебе легко оттуда сверху. Ты же не знаешь, как трудно отсюда снизу.”

Ни вы, ни я никогда не скажем такого о Боге. Но из всего того, чему Иисус в тот день научил нас о стрессе на первом месте стоит послание: “Господь знает, что вы чувствуете.”

Прочитайте, как Дж.Б. Филлипс переводит Послание к Евреям стих 4:15:

Ибо не имеем мы Первосвященника-сверхчеловека, которому были бы незнакомы наши слабости - Он сам в полной мере разделил все наши искушения, но всегда оставался безгрешным.

Автор Послания непреклонен чуть ли не до многословия. Как будто он предвидит наши возражения. Как будто он знает, что мы скажем Богу тоже, что и сын моего приятеля: “Тебе легко, Господи, оттуда сверху. Знал бы Ты, как трудно отсюда снизу.” Итак он заявляет о способности Иисуса к пониманию. Прочтите ещё раз на эти слова.

Он сам. Ни ангел. Ни посланник. Ни эмиссар, а сам Иисус.

В полной мере разделил. Ни частично. Ни почти. Ни в большей степени. Сполна! Иисус разделил в полной мере.

Все наши искушения. Каждое страдание. Каждую боль. Любое напряжение и давление. Без исключения. Никаких замен. Почему? Чтобы Он мог сострадать нашим слабостям.

Политик надевает защитную каску и идет на завод, изображая из себя рабочего. Работник социального обеспечения отправляется в город и проводит ночь на улицах с бездомными. Генерал навещает солдатскую столовую и садится за стол с солдатами, как будто он им ровня.

Все трое хотят показать: “Я такой же, как вы. Я могу понять. Я умею сопереживать.” Однако здесь есть одно “но”. Рабочие знают, что каска будет снята, как только уйдут телевизионщики. Всеми покинутые понимают, что социальный работник проведет завтрашнюю ночь в теплой постели. А солдаты чётко осознают, что за каждое съеденное генералом в солдатской столовой блюдо, он сквитается дюжиной в офицерском собрании.

Как бы они ни старались, эти благонамеренные профессионалы, им не понять людей. Их участие в них половинчато. А участие Иисуса - полное. Автор Послания к Евреям дважды подчеркивает, что Иисус “*в полной мере разделил все наши искушения.*” (курсив автора)

Однажды владелец книжного магазина рассказал мне, как одна рассерженная дама протопала в магазин с моей книгой “И Приблизился Господь”, грохнув книгой о прилавок, она высказала несколько не совсем приятных слов, а затем прокричала визгливо и достаточно громко, чтобы слышали все в квартале: “У моего Бога никогда не было угрей!”

Я помню тот абзац, ставший искрой зажигания в очаге напряженности. Он читается так:

У Иисуса могли быть угри. Может быть Он был немзыкален. Возможно Он очень нравился соседской девочке, а она Ему. А может быть, Он был голенастым мальчишкой. Но в одном можно быть уверенным: будучи всецело божественным, Он был вполне земным.(11)

Я могу понять почему расстроилась та женщина. Мне близко её беспокойство. Я это воспринимаю так: мы сразу замечаем трещину на цветном витраже. С алтаря стираем любые грязные пятна, но есть что-то *не повреждаемое* в Боге, никогда не имевшего мозолей. Есть что-то *устрашающее* в Боге, никогда не испытывавшего боли. Есть что-то *магическое* в Боге, никогда не обдиравшего локтей.

Но кроме того, есть что-то *холодное* в Боге, не умеющего сопереживать тому, что мы с вами чувствуем.

Встреться с той дамой хотя бы на минутку, я бы сказал ей: “Да, у Иисуса могло и не быть угрей, или вы даже не допускаете, что они у Него могли бы быть?”

Каждая страница Евангелия внушает нам следующий основополагающий принцип: Господь знает, что мы чувствуем. От мелких невзгод до расстройства важнейших планов. Когда вы говорите Богу, что дошли до точки, Он знает, что вы имеете в виду. Когда у последней черты возможного, вы качаете головой, Он качает Своей. Когда ваши планы расстраиваются из-за того, что у людей другие намерения, Он с сочувствием кивает головой. Он побывал в этой ситуации. Он знает, что вы чувствуете.(12)

Прежде, чем мы продолжим хронику того полного напряжения дня из жизни Иисуса, позвольте мне рассказать о другом дне - более отдаленным по времени, но близком по духу.

* * *

1921 год 15 февраля. Город Нью-Йорк. Операционная в госпитале Кейн Саммит. Доктор проводит операцию аппендицита. В своем большинстве, случаи, приводящие человека к хирургу, не столь разнообразны. Пациент пожаловался на боли в брюшной полости. Диагноз ясен: воспаленный аппендицит. Операцию ведет доктор Эван О'Нилл Кейн. За свою тридцатисемилетнюю медицинскую практику он провел почти четыре тысячи операции аппендицита, так что эта операция, во всех отношениях, не будет необычной, кроме двух. В чем же первая новизна этой операции? Применение в большой хирургии местной анестезии. Доктор Кейн активно выступает против наносящий вред здоровью общей анестезии. Он уверен, что местное обезболивание намного безопаснее. Многие его коллеги согласны с ним в принципе, но чтобы принять это практически им нужно увидеть, как применима эта теория.

Доктор Кейн ищет добровольца, пациента который бы согласился подвергнуться операции под местной анестезией. А добровольца найти нелегко. Многим становится плохо от мысли, что они будут бодрствовать во время операции на себе. Некоторые боятся, что анестезия может слишком быстро кончиться.

Однако в конце концов доктор Кейн находит пациента. Во вторник утром 15 февраля происходит историческая операция.

Готовят пациента и на каталке ввозят в операционную. Применяется местная анестезия. Как он делал это тысячу раз, доктор Кейн рассекает поверхностные ткани и определяет местоположение аппендикса. Профессиональным движением он отсекает его и заканчивает операцию. Во время процедуры пациент жалуется только на незначительное чувство дискомфорта.

Пациенту проводят послеоперационную обработку, а затем помещают в палату. Поправляется он быстро, и двумя днями позже его отпускают.

Доктор Кейн подтвердил свою теорию. Благодаря готовности храброго пациента Кейн доказал, что методика местной анестезии жизнеспособна как предпочтительная альтернатива.

Но я говорил, что операцию сделали уникальной два фактора. О первом я вам рассказал - применение местной анестезии. Второй фактор - это пациент.

Отважным кандидатом на операцию, проводимой доктором Кейном, был доктор Кейн.

Чтобы доказать свою точку зрения, доктор оперировал сам себя!(13)

Мудрый поступок. Врач стал пациентом, чтобы убедить других пациентов довериться доктору.

Я рассказал эту историю нескольким медикам. И некоторые с сомнением в голосе, подозрительно усмехаясь и хмуря брови говорили в ответ: "В это трудно поверить."

Возможно это так. Но история доктора, ставшего своим собственным пациентом в чём-то сравнима с историей Господа, ставшего человеком. Ведь Иисус стал им для того, чтобы и вы, и я поверили, что Целитель знает наши боли, Он добровольно стал одним из

нас. Он поставил Себя в наше положение. Он претерпел наши боли и пережил наши страхи.

Отторжение? Он чувствовал его. Искушение? Он познал его. Одиночество? Он испытал его. Смерть? Он прошел через неё.

А стрессы? Он мог бы написать о них книгу, которая стала бы бестселлером.

Зачем Ему надо было становиться одним из нас? Единственная причина в том, что в тот момент, когда вы будете страдать, вы придёте к Нему - к вашему Отцу и вашему Врачевателю - и позволите Ему излечить вас.

3. МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ, ДРУЖЕСКОЕ СОЧУВСТВИЕ

ТЕРЕЗА БРАЙНЗ - МАТЬ НЕЖНАЯ, любящая. А ещё у неё сильный удар левой, хук, которым она может посылать в нокаут любого в общественной прачечной. Почему она это делает?

Некоторые ребята строят насмешки над её дочерью Алисой.

Алиса лысая. Колени подагрика. Нос приплюснут. Тазобедренные суставы скрипят и плохой слух. Она выглядит как семидесятилетняя старушка, хотя ей только десять.

“Мам, - насмешливо кричат дети, - пойди посмотри на это чудовище!”

Алиса весит около 9 килограммов, и ростом ниже многих дошкольников. Она больна прогорией – синдром Гетчинсона-Гилфорда, генетическое заболевание старения, которое поражает одного ребенка из 8 миллионов. Жертвы прогории доживают до двадцати. В мире существует только 15 зарегистрированных случаев этой болезни.

“Она не чужак. Она не чудовище.” – защищает дочь Тереза, - “Она точно такая же, как ты и я.”

В плане психологическом Алиса неистощимая на веселье, любящая пошутить третьеклассница. У неё полно друзей. Она смотрит телевизор, сидя в кресле-качалке для детей, начинающих ходить. Она играет с куклами Барби и подтрунивает над своим младшим братишкой.

Тереза привыкла к вопросам и взглядам. Она терпима к постоянному любопытству. Она принимает искреннюю заинтересованность, а бездушное злословие отвергает.

Вот подошла узнать в чём дело мать детей, указывающих пальцем на Алису, и сказала детям: “Теперь я представляю, что “это” такое.”

“Мой ребенок не “это”, - заявила Тереза, а потом сбила хуком ту женщину с ног.

Кто смог бы обвинить её? Такова природа родительской любви. У отцов с матерями есть данная Богом способность любить своих детей несмотря на их несовершенства. Не потому, что родители слепы. Как раз наоборот. Они прекрасно всё видят.

Тереза видит недостатки Алисы также ясно, как и любой другой. Но помимо всего, она видит и достоинства Алисы. Господь Бог поступает так же.

Господь Бог видит нас глазами Отца. Он видит наши дефекты, ошибки и недостатки. Но кроме того, Он видит и нашу значимость.

Одну из своих глав я закончил вопросом: “Что такого знал Иисус, что давало Ему возможность поступать так, как Он поступал?”

Вот часть ответа. Он знал ценность людей. Он знал, что каждое живое существо - сокровище, а потому Он и поступал в соответствии с тем, что люди не источник стресса, а источник радости.

* * *

Высаживаясь на берег Вифсаиды, Иисус покидает Море Галилейское и ступает в Море Человеческое. Помните, Он пересёк море, чтобы скрыться от толпы. Ему нужно погоревать. Он мечтает отдохнуть со своими учениками. Ему нужно нечто другое, чем ещё одна толпа из тысяч людей, которых нужно учить и лечить. Но любовь к людям преодолевает потребность в отдыхе.

Когда Иисус вышел на берег и увидел много народу, Он сжалился над ними и лечил их боли. (14)

Он сжалился над ними потому, что они были как овцы без пастыря. (15)

Он приветствовал их и говорил с ними о царстве Божьем и лечил тех, кто нуждался в лечении. (16)

Сомнительно, чтобы кто-нибудь в толпе помышлял спросить Иисуса, как Он справляется. Нет никаких указаний на то, что кто-нибудь был озабочен тем, как чувствует себя Иисус. Никто не пришёл, чтобы дать; все пришли, чтобы взять.

* * *

В нашем доме 5 часов вечера называется “часом пираньи”. Это время дня, когда каждому нужна частичка мамы. Малютка Сара голодна. Андреа нужна мама, чтобы почитать книжку. Дженна хочет, чтобы ей помогли с уроками. А я - всегда нежный, всегда любящий муж - хочу, чтобы Деналин всё бросила и поговорила со мной о моём дне.

А у вас, когда “час пираньи”? Когда люди вашего мира требуют много и предлагают мало?

У каждого начальника есть день, когда требования числом превышают результаты. Нет ни одного делового человека, который бы не стонал под грудой дел, скапливающихся на его или её столе. Для учителя “час пираньи” часто начинается с приходом первого ученика и заканчивается, когда уйдёт последний.

“Часы пираньи”: они есть у родителей, они знакомы начальникам, их страшатся секретарши, они осаждают учителей, а Иисус показал нам, как успешнее всего пережить их.

Когда тянулись руки, требовали голоса, Иисус отвечал любовью. Он поступал так потому, что Его внутренний код обезоруживал смятение. Этот код стоит назвать: “Люди ценны.”

* * *

Я слышу, как кто-то возражает на это утверждение: “Да, но Иисусу было легче. Он - Бог. Он мог сделать больше, чем я могу. К тому же Он - святой.”

Верно, Иисус равен Богу, но и человеку. Но не спешите отметать всё, что Он делал. Взгляните под другим углом на Его полный любви отклик.

Помните, помимо праведной силы Он, кроме того, обладал непорочным сознанием. В тот день на тех холмах для Него не было ничего тайного; Иисусу было открыто сердце каждого. Он знал, почему они здесь и что будут делать.(17)

Матфей пишет, что Иисус “излечивал их больных.”(18) Ни некоторых больных. Ни праведных среди больных. Ни достойных лечения среди больных. А просто “больных.”

Наверняка среди этих многих тысяч были такие, которым не стоило дарить хорошее здоровье

Но та же святость, которая дала Иисусу силы излечивать, дала Ему способность чувствовать. Мне интересно знать, испытывал ли Иисус искушение сказать насильнику: “Лечить тебя? После того, что ты сделал?” Или сказать растлителю несовершеннолетних: “Почему Я должен восстанавливать твое здоровье?” Или изуверу: “Проваливай отсюда, приятель, вместе со своей злобой к людям.”

А Он видел не только их прошлое, но и их будущее.

Несомненно, среди них были те, которые, возможно, употребили своё вновь обретенное здоровье, чтобы причинять боль другим. Иисус вернул способность говорить тем, кто потом, возможно, будет ругаться. Он дал зрение глазам, которые, возможно, будут похотливыми. Он излечивал руки, которые, возможно, убьют.

Многие из тех, кому Он вернул здоровье, возможно, никогда не сказали “спасибо”, но тем не менее Он их лечил. Многие были больше озабочены тем, чтобы стать здоровыми, чем благостными, но Он всё равно врачевал их. Многие из тех, кто сегодня просил хлеба, несколькими месяцами позже будут требовать Его крови, но Он и их исцелял.

Иисус предпочёл сделать то, что мы с вами редко, если вообще когда-либо, выбираем для свершения. Он выбрал вручение даров людям, вполне осознавая, что они могут быть использованы во зло.

Не слишком торопитесь отнести к святости Иисуса Его способность жалеть. Каждый раз, когда Иисус врачевал, Ему приходилось смотреть и в прошлое, и в будущее, что Он, между прочим, делает до сих пор.

Вы заметили, что Господь не просит от вас доказательств, что вы будете вкладывать своё жалование в полезные начинания? Вы заметили, что Господь не перекрывает вам кислород, если вы неверно используете Его дар? А разве вы не рады тому, что Господь не даёт вам именно то, за что, как помните, вы должны благодарить Его? (Припомните, как давно вы благодарили Бога за своё плохое настроение? Я тоже не помню. Но у меня ещё есть время.)

Благость Господа исходит от Его природы, а не от наших достоинств.

Кто-то спросил моего товарища: “Каким библейским примером мы располагаем, чтобы помочь тем несчастным, у которых нет желания стать христианами?”

Мой друг отвечал одним словом: “Господь.”

Господь творит благость ежедневно для миллионов людей.

Что же такое знал Иисус, что позволяло Ему поступать так, как Он поступал? Какой внутренний код предохранял спокойствие Иисуса от извержения хаоса? Он знал ценность человека.

* * *

Интересная деталь - напряжение того дня читается не на лице Иисуса, а на лицах учеников. “Отошли людей назад.” (19) - требуют они. Справедливое требование. “В конце концов, - говорят они, - Ты учил их. Ты лечил их. Ты оказывал им услуги. А вот теперь они хотят есть. И если Ты не отправишь их восвояси, они потребуют, чтобы Ты к тому же и накормил их!”

Жаль, что я не мог видеть выражение на лицах учеников, когда они услышали ответ Учителя: “Им не нужно уходить. Вы дадите им поесть.”(20)

Раньше я думал, что это было риторическое заявление. Раньше я считал, что Иисус знал, что ученики не могут накормить толпу, но тем не менее Он просил их об этом.

Раньше я полагал, это было вроде “испытания”, с целью научить их полагаться на Бога в том, что они не умеют делать.

Больше я так не думаю.

Я всё ещё считаю, это испытанием - но испытанием не для того, чтобы показать, чего они не умеют делать, а испытанием, продемонстрировавшим их возможности. В конце концов они только что совершили тур в достижение невозможного. Иисус просит их сделать это ещё раз. “Вы дадите им поесть.”(21)

Мне бы хотелось сообщить вам, что ученики справились с испытанием; например, что они накормили людей. Мне жаль, что я не могу рассказать о том, каким чудесным образом ученики накормили пять тысяч мужчин плюс женщин и детей. Мне бы хотелось сказать, что ученики знали: Бог не будет просить их выполнить что-либо, не дав силы для свершения, но...

Да, я не могу..... потому что они не сделали этого.

Вместо того, чтобы рассчитывать на Бога, они заглянули в свои кошельки: “Да, тут пол года придётся работать! Не пойти ли купить хлебов на то, что имеем, и дать им поесть?”(21)

“Т-т-т-ты должно быть шутишь.”

“Он это не всерьёз.”

“Эта одна из Его шуток.”

“Ты, что не представляешь, сколько там народу?”

Глаза величиной с арбуз. Челюсти отпали. Одним ухом слушают шум толпы, другим - приказ Бога.

Заметьте насколько противоположны их взгляды. Всякий раз, сталкиваясь с людьми, Иисус видел возможность выразить свою любовь к ним и подтвердить их значимость. Всякий раз, встречаясь с людьми, ученики они видели кучу проблем.

Да, и не пропустите комизма ситуации. В пекарне в присутствии Бессмертного Пекаря они заявляют “Хлебу Насущному”, что хлеба нет.

Как глупо должно быть люди выглядят в глазах Бога.

Вот тут бы Иисусу отступить от людей. Вот тут бы Иисусу взорваться. День переполнен стрессами - были печаль, угрозы жизни, избыток эмоций, толпы народа, крах планов, требования, а теперь и это: Его собственные ученики не могут исполнить то, о чём Он их просит. Они подвели Его перед пятью тысячами человек.

“Забери меня, Отче.” - должны бы быть Его следующие слова. Но их не было. Вместо это Он спрашивает: “Сколько у нас хлебов?”

Ученики приносят Ему завтрак маленького мальчика. И этот скромный завтрак становится обильной трапезой, и все накормлены. Не сделано ни единого замечания. Не видно нахмуренных в гневе бровей. Не вырвалось ни одного слова типа: “Я же говорил

вам.” Тоже сочувствие, которое Иисус выражает людям, Он испытывает и к своим ученикам.

Всмотритесь в этот день ещё раз. Вспомните, с чем наш Господь столкнулся.

Неутолимая печаль - смерть любимого друга и родственника.

Непосредственная угроза - Его имя в списке разыскиваемых.

Неизмеримая радость - возвращение домой Его последователей.

Несметные толпы народа - Ниагарский поток людей, следующих за Ним повсюду.

Неисполненные планы - Он искал покой, а обрёл заботы людские.

Невероятное количество требований - Тысячи людей шумно требовало Его участия в их проблемах.

Неразумные помощники - один и единственный раз Он попросил о помощи и получил дюжину выражений типа “ты сам не знаешь, что требуешь”.

Однако, ничто не могло нарушить мир в душе Иисуса. В нём никогда не звучал голос тревоги. Что же такое знал Иисус, дававшее Ему возможность поступать так, как Он поступал? Он знал невероятную ценность людей. А как результат:

Он не топал ногами и не настаивал на своём.

- Он не приказывал ученикам поискать другое место на берегу, где бы не было людей.

- Он не спрашивал у толпы, почему они не принесли с собой хлеба.

- Он не отсылал апостолов назад, чтобы они ещё поучились.

- Он, что самое важное, оставался спокоен среди хаоса и даже остановился, чтобы воздать молитву благодарности. (22)

* * *

В зоомагазин в поисках щенка зашел мальчик. Владелец магазина показал ему щенков из последнего помета. Мальчик оглядел их. Он поднимал каждого, осматривал и клал их обратно в коробку.

Через несколько минут он подошел к хозяину магазина и сказал: “Я подобрал одного. Сколько это будет стоить?”

Тот назвал цену, и мальчик пообещал вернуться через несколько дней с деньгами. “Но не тяни слишком долго, - предупредил владелец, - “такие щенки, как эти, расходятся быстро.”

Мальчик повернулся и улыбнулся понимающе: “Меня это не пугает. Мой всё ещё будет тут.”

Мальчик отправился работать - полоть, мыть окна, убирать дворы. Он много работал и накопил деньги. Когда их оказалось достаточно для покупки щенка, он вернулся в магазин.

Подойдя к прилавку он выложил на него запихнутые в карман бумажные деньги. Хозяин магазина взял их, пересчитал и, удостоверившись в правильности суммы, улыбнулся мальчику: “Хорошо, сынок, ты можешь забрать своего щенка.”

Мальчик вернулся к коробке, вытащил худое существо с увечной лапой и направился к выходу.

Владелец остановил его.

“Не бери этого щенка, - запротестовал он, - “он хромой, и не умеет играть. Он никогда не будет бегать с тобой. Он не сумеет приносить вещи. Возьми одного из здоровых щенков.”

“Нет, спасибо, сэр, - ответил мальчик. - “Это как раз та собака, которую я искал.”

Когда мальчик повернулся, чтобы уйти, владелец магазина открыл было рот, но так ничего и не сказал. Он вдруг понял. Из-под брючины виднелась скоба - протез его искалеченной ноги.

Почему мальчику нужна была эта собака? Потому что он знал, что она чувствует. И он знал, что она - особенная.

Так, что же такое знал Иисус, что давало Ему возможность поступать так, как Он поступал? Он знал, что чувствуют люди, и ещё Он знал, что они уникальны.

Я надеюсь, что вы не забываете об этом.

Иисус знает, что мы переживаем. На вас смотрят косо на работе? Иисус знает, как вы себя чувствуете. Нужно сделать больше, чем в ваших силах? С ним случалось такое. У вас дети, которые из вашего обеденного перерыва устраивают “час пираний”? Иисус знает, на что это похоже. Люди берут больше, чем дают? Иисусу и это понятно. Ваши подростки не слушаются? Ваши ученики не работают? Ваши служащие смотрят на вас пустыми глазами, когда вы даёте им задание? Поверьте мне, друзья, Иисус знает, что вы испытываете.

Для Него вы ценны. Настолько ценны, что Он стал подобен вам, чтобы вы пришли к Нему.

В вашей душе идет борьба, и Он чуток к ней. Вы тоскуете, и Он откликается. Вы задаёте вопросы, и Он их слышит. Он побывал на вашем месте. Вы знали об этом и раньше, но вам нужно услышать снова, что:

Он любит вас, как Тереза Брайэнс любит свою дочку.

Он понимает вас с сочувствием того хромого мальчика.

И, как Тереза, Он бьётся с самим адом, чтобы защитить вас.

И, как мальчик, Он платит высокую цену, чтобы забрать вас домой.

4. ЕСЛИ РЫБАКИ НЕ ЛОВЯТ РЫБУ

Они были как овцы без пастыря. Поэтому Он начал их многому учить.(23)

Когда Иисус высадился на берег, Он увидел много народу Ему стало жаль их. И Он лечил их больных. (24)

ХОРОШО, ЧТО ЭТИ СТРОЧКИ НАПИСАНЫ не обо мне. Хорошо, что тысячи людей не завесили от меня, чтобы их научили и накормили. Особенно в день, когда я только что услышал о смерти своего дорого друга. Особенно, когда мне хотелось побыть одному с друзьями. Особенно после того, как я сел в лодку, чтобы скрыться от толпы. Будь я на месте Иисуса на том берегу Вефсаиды, эти строчки читались бы как-нибудь так:

Они были как овцы без пастыря. А Макс Лукадо повелел им прекратить пастись на его пастбище и отправляться назад в свои овчарни. Когда Макс высадился на берег и увидел большую толпу, он пробормотал что-то о том, как трудно было получить выходной и вызвал по рации вертолет. Потом вместе с учениками спрятался на частной вилле.

Хорошо, что я не отвечал за тех людей. У меня не было бы настроения учить их, не было бы охоты помогать им. У меня даже не было бы желания быть с ними.

Но как мне кажется, у Иисуса тоже не было желания быть с ними. В конце концов Он и вправду покинул их, не так ли? У Него, несомненно, было намерение удалиться и побыть одному. Что же заставило Его передумать и провести день с людьми, встречи с которыми Он пытался избежать?

Где ответ? Взгляните на пять слов из Евангелия от Матфея 14:14

“Он сжалился над ними.”

В этом абзаце греческое слово, взятое для выражения жалости, - *спланхнизомания* не будет многое значить для вас, если вы не врач и не изучали “спланхнизоманию” в вузе. Если всё-таки изучали, то помните, что “спланхнизомания” это болезнь внутренних частей организма, или на современном жаргоне болезнь нутра.

Когда Матфей пишет, что Иисус имел жалость к людям, он не говорит, что Иисус испытал неожиданный прилив жалости к ним. Нет, термин куда более наглядный, Матфей говорит, что Иисус ощущал их боль Своим нутром:

- Он чувствовал хромоту увечного.
- Он чувствовал страдания больного.
- Он чувствовал одиночество прокаженного
- Он чувствовал смущение согрешившего.

И раз переболев их болями, Он не мог не излечивать их страданий. Всем Своим нутром, Он чувствовал их нужды. Он был настолько тронут, что забыл Свои собственные. Боль людская настолько задела Его, что Свои страдания Он отложил на потом.

Может быть поэтому и в ваш мир Господь тоже посылает страждущих. Полное уединение и отказ от служения приравнивается к эгоизму. Однако некоторое уединение и служение открывает перспективу.

Вот история, иллюстрирующая мою мысль.

* * *

Когда я учился в средней школе, наша семья обычно каждый год на время весенних каникул отправлялась порыбачить. Однажды мой брат и мама не смогли поехать с нами, и отец позволил мне взять друга. Я пригласил Марка. Он был хороший парень и очень любил спорт. Получив разрешение его родителей, мы начали готовиться к поездке.

Ещё не успев уехать, мы уже начали предвкушать отдых. Представляли, как солнце согревает наши тела, когда плывем на лодке. Слышали жужжание катушки, чувствовали дёрганье удочки и борьбу белого окуня, втаскиваемого в лодку. Мы ощущали запах рыбы, которую готовят в открытой кастрюльке с длинной ручкой на открытом огне.

Ожидание давалось с трудом. Дни тянулись как холодная патока. Наконец наступили весенние каникулы. Мы погрузились в наш домик на колесах и отправились к озеру.

Прибыли мы поздно ночью, развернули лагерь и отправились спать, видя сны о завтрашнем дне на солнышке. Но ночью подул не по сезону сильный северный ветер. Стало быстро холодать! Ветер был настолько силён, что на следующее утро мы едва смогли открыть дверь нашего лагеря на колесах. Небо было серое, а озеро стало нагорьем из белопенных волн. Никакой речи о рыбалке в такую погоду не могло и быть.

“Нет проблем,” - сказали мы, - “проведем день в домике. В конце концов у нас есть “монополька” и журнал. Мы знаем немного анекдотов. Это, конечно, не то, для чего мы приехали, но не будем унывать в беде и порыбачим завтра.”

Итак, загнанные в домик, имея печку, чтобы согреться, и игру, чтобы убить время, мы, трое рыбаков, провели день... в помещении. Часы тянулись медленно, но они тянулись. Наконец настала ночь и мы забрались в спальные мешки, мечтая о том, как закинем удочки завтра.

Удивление не миновало нас. На следующее утро дверь открывалась с трудом не из-за ветра, а льда!

Мы старались быть бодрыми. “Нет проблем, - бормотали мы, - “можем поиграть в монопольку... снова. Можем ещё раз перечитать рассказы из журнала. И наверняка вспомним ещё пару другую анекдотов.” Но какими бы храбрыми мы не пытались быть, стало очевидно, что часть унылой серости покинула небо и вошла в наш лагерь.

Я начал замечать некоторые вещи, которые не видел раньше. Я заметил, что у Марка есть ряд свойственных ему недостатков. Он был чересчур самоуверен в своих мнениях. Легко сердился и был постоянно раздражителен. Не принимал никакой конструктивной критики. И хотя его носки действительно воняли, считал, что это не моё дело говорить ему об этом.

“В автоприцепе моего отца ты просто претендуешь на особое отношение.” - огрызнулся я, ожидая, что отец придет мне на помощь.

Но отец просто сидел в углу и читал. “Да,” - подумал я, - “где же он, когда я так нуждаюсь в нём?” А потом я стал видеть и отца в ином свете. Как-то на моё замечание, что яйца на завтрак полусырые, а тостер подгорел, он предложил мне попробовать моё умение на портативной плитке самому. “Ах, как трогательно, - пробормотал я, - ничто так не трогает как курятник типа нашего автоприцепа, в котором мы заперты, и возможности увидеть в истинном свете, того, кто рядом.”

И был долгий день. И была долгая холодная ночь.

Проснувшись на следующее утро под звук не то дождя, не то снега, шлепающего по крыше, мы даже не изображали бодрого вида. Мы всю сердились. С каждой последующей минутой Марк всё больше становился ничтожеством в моих глазах; я поражался насколько слеп, я, должно быть, был, когда приглашал его. Да и отец не умел ничего делать толком; поразительно, как у некоторых таких раздражительных родителей могут быть такие уравновешенные сыновья. Целый день мы просидели в унынии, а наше рыболовные снасти было всё ещё не распакованы.

На следующий день стало ещё холоднее, и первыми словами отца были: “Мы собираемся домой.” Никто не возразил.

Я получил суровый урок в те дни. Он касался не рыбалки, а людей.

Если те, кого позвали рыбачить, не рыбачат, они воют.

Когда энергия, которая должна быть направлена на работу вне, тратится внутри, результатом, как правило, бывает взрыв. Вместо забрасывания сети, мы забрасываем друг друга камнями. Вместо протянутой руки помощи, мы тыкаем обличающими перстами. Вместо того, чтобы быть ловцами потерянных, мы становимся критиками спасенных. Вместо того, чтобы помочь страждущим, мы причиняем боль помощникам.

А результат? Церковь скряг. Показушная духовность. Глаза-щелочки, выискивающие бородавки у других, и игнорирующие свои собственные у себя под носом. Скрюченные пальцы, которые не замечают достоинств, а указывают на слабости.

Раскол церквей. Неубедительные свидетельства. Разбитые сердца. Узаконенные войны.

И что печальнее всего, бедные уходят голодными, запутавшиеся уходят без совета, а заблудшие уходят непонятыми.

Если те, кого позвали ловить рыбу, не ловят её, они воют.

Но не забудьте и о другой стороне этой рыбацкой истории: если те, кого позвали ловить рыбу, ловят её, они процветают!

Ничто так не уладит любой случай раздражения, чем совершение вечернего богослужения. Ничто не возвращает истинное видение вещей лучше, чем посещение больничной палаты. Ничто не объединяет солдат лучше, чем общее задание. Оставьте их в казарме, не на линии фронта, на неопределенное время и посмотрите, что случится с их поведением. Они найдут любой предлог, чтобы быть недовольными. Койки слишком жесткие. Командиры слишком строгие. Компания, ставшая неинтересной. Но поместите тех же самых солдат в траншею, и пусть они поклоняются пулям. И то, что было постылой казармой, будет казаться прибежищем. Койки будут восприниматься благом. Еда будет почти идеалом. Командиры будут наставниками. И от компании они будут в восторге.

Если те, кого позвали ловить рыбу, ловят её, они процветают!

Иисус знал это.

Он прибыл в Вифсаиду сильно печальный, усталый, с желанием остаться наедине с учениками. Никто бы не обвинил Его, отпусти Он людей. Никто не стал бы критиковать Его, отмахнись Он от них. Но Он не сделал этого. Потом ... Он поступит так. Потом ... Он потребует, чтобы они ушли, и будет искать одиночества.

Но не раньше, чем Он “излечил их больных”(25) и научил их “многому”.(26) “Я” было забыто... было служение другим... душевное напряжение ослабло.

Учтите это. В следующий раз, когда “внешние” раздражители подталкивают вас захлопнуть дверь и остаться внутри, оставайтесь столько, сколько можете терпеть. А потом выходите, т.к. когда те, кого позвали ловить рыбу, не ловят её, они воют.

5. РАДОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ

У НЕЁ БЫЛО МЕСТО 14E, а я сидел на 14D.

Она была деревенская, а я - городской. Она была отсталая, а я - современный. Она была домашняя, а я так называемый “профессионал”. Но она умела видеть, а я был слеп.

“Наверное они специально поставили эти сидения так близко друг к другу, не так ли?” - спросила она, когда я сел.

Её лицо было в полуметре от моего. Она была похожа на таксу; брови поднимались шалашиком над носом, а толстые щеки и двойной подбородок обвисли. Улыбалась она так широко, что можно было видеть дырки в верхних зубах, к тому же шея её по отношению к плечам была под углом чуть ли не в 45 градусов, поэтому голова находилась впереди плеч, а не над ними. У неё была короткая стрижка и синий велюровый брючный костюм.

Я не знаю, была ли она старой или выглядела старой, но я точно знаю одно: она никогда прежде не летала.

глядел на экран компьютера - глаза усталые, зуб болит, пытаюсь с большим напряжением составить послание для людей, переживающих стрессы, и совсем не замечая, что это послание сидело рядом со мной.

Вероятно я бы никогда и не заметил этого, не наклонись она ко мне, и в самом конце полёта не скажи мне этих слов: “Сынок, может быть и не к месту то, что я скажу, но ты работал всю поездку. Тебе надо отдохнуть, малыш. Тебе следует отложить эту машинку и радоваться путешествию.”

Ап!

Я слабо улыбнулся и пробормотал несколько оправданий о том, что нужно завершить работу до завтра. Но она и не слушала. Она потирала руки от возбуждения, предвкушая момент, когда мы приземлимся.

“Это была ве-э-сёлая поездка, не правда ли?” - спросила она, когда мы покидали самолет.

Я ничего не сказал. Я просто кивнул и улыбнулся. Она шла подпрыгивающей походкой по главному вестибюлю вокзала любопытная как шестилетняя девочка. Я смотрел на неё, пока мог видеть, потом повернулся и пошел, чтобы лететь дальше, но уже получив урок.

Я решил держать глаза открытыми.

Мало хорошего, решил я, совершать поездку и упускать путешествие.

6. УДИВИТЕЛЬНОЕ РЯДОМ

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ТОМУ НАЗАД СЛУЧИЛОСЬ то, что можно занести в папку скоросшиватель с надписью “Удивительное рядом”.

Одним субботним утром я играл в баскетбол на спортивной площадке при церкви. (Многие каждую неделю приходят сюда поиграть в мяч.) Есть среди них “поджарые” - парни, которые в свои двадцать с небольшим лет в состоянии коснуться пальцев ног при наклонах и достать до кольца в прыжке. Остальные - “пузатики” - похожие на гору, когда смотришь не сверху, а в профиль. Для нас таких дотянуться до пальцев ног - постоянный вызов. Мы никогда не коснёмся кольца в прыжке, а мяч редко долетает до него, когда мы делаем бросок.

Но “поджарые” не возражают, если играют “пузатики”. (У них нет выбора. Ключ от здания у нас, “пузатиков”.)

Так вот несколько суббот тому назад в разгар игры я побежал перехватить пас. Но должно быть был не слишком скор, потому что как раз в тот момент, когда я потянулся к мячу, кто-то ещё, но уже с мячом свалился на меня. И единственное, что я получил от своего прыжка, это чужой палец, попавший мне в глаз. Когда я открыл его, всё было расплывчато. Я понял, что моей контактной линзы не было там, где ей положено было быть. Мне показалось, что я чувствую её в уголке глаза, поэтому показав, что выхожу из игры, я побежал в раздевалку. Но посмотрев в зеркало, понял, что она должно быть выпала куда-то на пол.

Я побежал назад на площадку. Игроки были у противоположного щита, оставив свободной ту часть площадки под кольцом, где я потерял линзу.

Поспешив туда, я опустился на колени и начал искать. Бесполезно. Когда игроки стали вести мяч от противоположного конца, они увидели, что я делаю и пришли на

помощь. Мы вдесятером ползали на коленях, тяжело дыша, как щенки, и обливаясь потом, как лошади конки.

Но никто не мог найти эту дурацкую линзу.

Мы уже готовы были бросить поиски, когда один из парней воскликнул: “Вон она.” Я взглянул. Он указывал на плечо игрока. Того самого парня, чей палец угодил в роговую оболочку моего глаза.

Там на его плече была моя линза. Она упала на него... прилипла к его коже... оставалась на его спине всё время, пока он бросал мяч и бегал на том конце площадки... а потом прокатилась обратно.

Удивительно.

Даже более, чем удивительно, если учесть, что контактная линза совершила путешествие туда и обратно на спине “поджарого”. Одного из тех парней, кто мог достать в прыжке до кольца, а, нагнувшись, - до пальцев ног. Приземлилась линза на плечо одного из “пузатиков”, чья фигура в профиль напоминает вершущку холма, никто бы не был удивлен: у нас подвижность пасущегося буйвола. Но когда подумаешь о путешествии, которое совершил маленький кусочек пластика, когда подумаешь о не соответствии места, где он оказался, то скоросшиватель с надписью “Удивительное рядом” – единственное место, куда должно занести это событие.

Чем больше я думал об этом случае, тем более удивительным он мне казался.

Чем более удивительным он становился для меня, тем больше удивительного я узнавал.

Я узнал, что удивительное рядом и обычно случается в заурядных ситуациях, например во время игры в баскетбол в субботу утром.

Кроме того, я заметил, что на свете удивительного происходит больше, чем я обычно вижу. Действительно, начав осматриваться вокруг, я находил всё больше и больше доказательств тому, чему я бы дал название “Кто бы мог подумать”, что заслуживает таблички “Ну, а вы, что думаете об этом?”

Примеры? Пожалуйста.

Мои деньги находятся в банке вместе с деньгами по крайней мере нескольких тысяч других людей. Кто знает сколько операций с деньгами производятся каждый день? Кто знает сколько денег приходит и уходит? Но, однако, если мне нужна какая-то сумма или я хочу узнать сколько у меня денег, банковский служащий сделает для меня то, что мне нужно.

Замечательно.

Каждое утро я забираюсь в свое авто, которое весит полтонны и вывожу его на автостраду, где я и тысячи других водителей превращаем наши передвижные средства в ракеты, движущиеся со скоростью 120км. в час. И хотя я уже отделялся несколькими испугами и мелкими неприятностями, всё же насвистываю, когда еду со скоростью, которая бы убила моего прадеда.

Замечательно.

Каждый день я имею честь сидеть с книгой, которая содержит слова Того, кто создал меня. Каждый день я имею возможность, позволяющую Ему одарить меня мыслью или двумя о том, как жить.

Если я не делаю того, что Он говорит мне, Он не сжигает мою книгу и не аннулирует мои пожертвования. Если я не согласен с тем, что Он говорит, молния не ударяет в стул,

на котором я сижу, а ангел не вычеркивает моего имени из священного списка. И если я не понимаю, что Он говорит, Он не называет меня болваном.

Замечательно.

В конце дня, обходя дом, я захожу в спальни трёх моих маленьких девочек. Их одеяла обычно сброшены, и я накрываю их. Их волосы обычно падают на лица, и я поправляю их. Я склоняюсь над каждой из них по очереди и целую в лоб этих ангелочков, которых Господь дал мне взаймы. А потом я стою в дверях и задаюсь вопросом, почему в этом мире на такого неумелого и неуклюжего парня как я, Он возлагает работу любить и направлять такие вот сокровища.

Удивительно.

Потом я иду к женщине, которая намного мудрее меня... к женщине, которая достойна мужчины более привлекательного, чем я, но которая оспаривает этот факт и говорит мне от всего сердца, что я - это лучшее, что она встречала. Когда я думаю о своей жене, когда я думаю, что должен буду быть с ней всю свою жизнь, я качаю головой и благодарю милостивого Бога за эту благодать и говорю: “Удивительно”

А утром всё повторится вновь. Я поеду по той же дороге. Приеду в тот же офис. Позвоню в тот же банк. Поцелую тех же девочек и приду к той же женщине. Но я учусь не принимать эти ежедневные чудеса как обыденность.

Я думаю, это началось с той баскетбольной игры. Скорее даже с момента, когда я нашёл ту линзу. Я увидел события яснее.

Я открыл для себя многое: автомобильные пробки в конечном счете рассасываются, спортивная клуб для малышей - это здорово, большинство самолетов взлетают и прибывают во время, а любоваться закатом солнца можно бесплатно. Я учусь тому, что большинство людей - это добрые люди, которые просто такие же застенчивые, как и я, особенно, если надо начинать разговор первым.

Я встречаю людей, которые любят свою страну, своего Бога, свою церковь и готовы умереть за одно из них.

Я учусь тому, что, если я посмотрю.... если я открою глаза и подумаю над тем, что вижу... то для меня будет много поводов, чтобы снять шляпу в знак уважения, взглянуть на Источник всего этого и просто сказать “спасибо”.

7. СПАСИБО ЗА ХЛЕБ

ДОРОГОЙ ДРУГ,

Я пишу, чтобы сказать “спасибо”. Жаль, я не могу поблагодарить вас лично, т.к. не знаю, где вы сейчас. Я бы хотел позвонить вам, но не знаю вашего имени. Если бы я помнил ваше лицо, то бы стал искать вас, но оно стерлось из моей памяти. Однако, того, что вы сделали, я никогда не забуду.

Я помню как вы стояли, прислонившись к машине; это было на нефтепромысле Западного Техаса. Вы были инженером по оборудованию. Руководителем работ. Чистая рубашка и брюки хаки отделяли вас от нас, подсобных рабочих. В таблице о рангах нефтепромысла мы были в самом низу. Вы были боссом - мы работягами. Вы читали чертежи и “синьки” - мы копали траншеи. Вы проверяли трубы - мы укладывали их. Вы обедали с начальниками в вагончике - мы, сидя в тенёчке, ели куски в своём кругу.

Так было каждый день, кроме того дня.

Помню меня удивило, почему вы это сделали.

В нас не было ничего, на что бы можно было посмотреть. Что не было пропитано потом, то было промасленно. Лица, обожженные солнцем; кожа - черная от мазута. Впрочем меня это не беспокоило. Я вообще находился там только в течение лета: студент, желающий заработать неплохие деньги на укладке труб. Для меня это была летняя работа. Для остальных это была жизнь. Большинство работающих были нелегальными иммигрантами из Мексики. Часть - бродяги, кочующие по прерии, как перекати поле.

Наши разговоры были ни о чём, что стоило бы послушать. Наша речь была, как наждачная бумага. Поев, мы обычно закуривали сигареты и начинали травить анекдоты. У кого-нибудь всегда была колода карт с полуобнаженными девами на рубашках. На полчаса в разгар дня нефтепромысел становился Лас-Вегасом: наполненным сквернословием, грязными историями и игрой в очко.

Игра была в разгаре, когда вы подошли к нам. Я подумал, у вас есть работа для нас, которая не терпит отлагательства. Как и другие я простонал, увидев, что вы подходите.

Вы нервничали, а начав говорить, переступали с ноги на ногу.

“Э-э, ребята,” - начали вы. Мы повернулись и взглянули на вас.

“Я, э-э, я просто хотел, э-э, пригласить вас...”

Вы чувствовали себя неуютно, и я не имел понятия, о чем вы собирались говорить, но знал, что это не имело ничего общего с работой.

“Я просто хотел сказать вам, что, э-э, сегодня в нашей церкви - служба и э-э...”

“Что?” - я не мог поверить, услышанному.

“Он говорит о церкви? Прямо тут? Нам?”

“Я хотел пригласить всех вас посетить службу.”

Наступила тишина. Оглушительная тишина. Та тишина, которую вы бы услышали попроси монахиня у “мадам”, нельзя ли использовать её бордель для мессы. Та тишина, которая бы наступила пригласи представитель налоговой полиции мафиози на семинар по налоговой этике.

Некоторые парни уставились в землю. Некоторые переглядывались. Кое-кто хихикнул в кулак.

“Ну, то есть. Э-э, если кто-нибудь из вас захочет пойти... э-э, дайте мне знать.”

Вы повернулись и ушли, а мы повернулись и захохотали. Мы называли вас “преподобием”, “проповедником” и “попом”. Мы подтрунивали друг над другом, подбивая пойти. Вы стали предметом всех шуток того дня.

Уверен, вы знали об этом. Уверен, вы вернулись в свой вагончик, чётко понимая, что единственное, что вы сделали, это свалили хорошего дурака. Если вы так подумали, то вы ошиблись.

Вот почему я пишу это письмо.

Ту неделю я думал о вас. Я думал о вас, когда читал ещё об одном человеке, который рискнул своим завтраком. Я думал о вас, когда читал историю маленького мальчика, который отдал свой завтрак Иисусу.(27)

Его завтрак был мал. Фактически ничто в сравнении с тем, что нужно было более чем 5 тысячам человек.

Вероятно, мальчик осознавал несуразность своего поступка. Что такое один завтрак на такое большое количество народу? Вероятно, мальчик спрашивал себя, а стоит ли это вообще каких-либо усилий.

Много ли мог сделать один завтрак?

Я думаю, именно поэтому мальчик отдал его Иисусу. Что-то говорило ему, что, если он посадит зернышко, Господь одарит урожаем.

Поэтому мальчик и отдал его.

Он собрал всё своё мужество, поднялся с земли и вошел в круг взрослых. В этой группе он был такой же чужак, как и вы среди нас. Должно быть, он нервничал. Никто не любит выглядеть дураком.

Вероятно, над ним тоже хихикали.

А если не хихикали, то качали головами: “Этот пацан ничего не понимает.”

А если не качали головами, то закатывали к небу глаза: “У нас тут голодный кризис, а этот малый думает, что школьный завтрак решит проблему.”

Но ни покачивание голов, ни глаз людских мальчик не видел; он видел только Иисуса.

Принимая решение пригласить нас на службу, вы должно быть тоже видели Иисуса. Большинство посчитали бы нас малопривлекательным материалом для чтения псалмов. Большинство сберегли бы свои зёрна для более мягкой почвы. И были бы почти правы. Но Иисус учил отдавать поэтому вы отдавали.

Когда я думаю об этом, то нахожу много общего у вас и того маленького мальчика:

- Вы оба использовали свои завтраки, чтобы помочь другим.
- Вы оба выбрали веру, не логические доводы.
- Вы оба осветили улыбкой лицо вашего Отца.

Хотя есть и одно отличие. Мальчик смог увидеть, что сделал Иисус с его завтраком, а вы нет. Вот почему, я пишу сейчас. Я хочу, чтобы вы знали, что хотя бы одно зерно упало в плодородную почву.

* * *

Спустя почти пять лет студент-второкурсник переживал внутреннюю борьбу, принимая решение. Он отошел от веры, данной ему его родителями, но хотел вернуться назад. Он хотел вернуться домой, но цена была высока: пришлось бы менять свои привычки, пришлось бы ломать своё поведение.

Смог ли он сделать это? Хватило ли у него мужества?

Вот тогда я подумал о вас. Сидя поздно ночью в комнате студенческого общежития, я отыскивал в своем сердце мужество, чтобы поступить так, как я знал будет правильным. Я думал о вас.

Я подумал, насколько ваша любовь к Богу была выше, чем значимость мнения других.

Я подумал насколько ваше послушание было выше вашего здравого смысла.

Я вспомнил, как вас больше занимала мысль об обращении нас в учеников Господа, чем мысль о том, чтобы произвести хорошее впечатление. И когда я думал о вас, это воспоминание стало побудительным толчком для меня.

Поэтому я приехал домой.

Я рассказывал свою историю много раз многим людям. Каждый раз реакция бывает одинаковая. Зал становится морем улыбок и в знак понимания покачиваются головы.

Некоторые улыбаются, вспоминая своих инженеров “в белых рубашках”. Они вспоминают соседа, принесшего пирог, тетюшку, написавшую письмо, учителя, который выслушал

Другие улыбаются, потому что они поступили так, как поступили вы. И им также интересно знать, а стоило ли усилий их “верность завтраку”.

И вам было интересно знать это. То, что вы сделали в тот день, было не так уж много. И я уверен, что, уходя, вы думали о ваших впустую потраченных усилиях.

Но это не так.

Вот поэтому я и пишу, чтобы сказать “спасибо”. Спасибо за пример. Спасибо за мужество. Спасибо за то, что отдали свой завтрак Господу. И кое-что Он с ним сделал; завтрак стал Хлебом Насущным для меня.

Благодарный вам Макс

8. РАЗМЫШЛЕНИЯ В МИННЕАПОЛИСЕ

ДОЛОГ ПУТЬ ОТ БОСТОНА штат Массачусетт до Эдмонта в Канаде. Неважно, как вы распределяете и срезаете маршрут, он всё равно длинный.

Сегодня моё путешествие началось в 1:30 по полудни. Я отчитал лекцию, где полагалось, и как раз успел переодеться в спортивную одежду, чтобы было удобнее сражаться с транспортом в дороге до аэропорта в Логане.

Самолет был переполнен, поэтому некоторые пассажиры были сердиты. К тому же лайнер проектировал какой-то инженер-коротышка, ненавидящий высоких людей, так что на завтрак я ел свои коленки. В Миннеаполис, где у меня была пересадка, самолет опоздал.

Итак, зная, что мне не полагается жаловаться, я тут же услышал обращённые к самому себе проповеди благодарности, поскольку уверен, что в мире миллионы людей с большим удовольствием получили бы в самолете арахисовые орешки, выброшенные мною. И всё-таки я покинул самолет с пустым желудком, затёкшей ногой, плохим настроением и тремя часами лёта до места.

По дороге на посадку в следующий самолет я заметил закусочную МакДональдс. Она выглядела прилично. Но по моему у меня не было времени зайти. И тогда я увидел кое-что получше: телефон.

Подойдя и поставив свои сумки, я позвонил домой. Ответила Диналин - люблю, когда она отвечает. А она всегда рада, когда я звоню. Полагаю, что, когда она попадет на небеса, Святой Пётр поручит ей работу в приемной у ворот рая.

Мы потратили двадцать минут, обсуждая мировые вопросы пентагоновского значения типа погоды в Новой Англии и Сан Антонио. Мы поговорили и о том, что у Дженны есть друг, который приходил к ней в гости вечером, и о том, что у Сары, вероятно, жар. Я рассказал ей о канадце, франко-говорящем учителе английского языка, с которым я сидел рядом в самолете, а она рассказала мне о новой начальной школе.

Мы не принимали никаких решений. Не решили никаких проблем. Мы не разрешили ни один из глобальных конфликтов. Мы просто разговаривали. И я почувствовал себя лучше.

К телефону подошла Дженна и спросила, когда я буду дома - приятно, когда тебя ждут.

Андреа подошла к телефону и сказала, что любит меня, - приятно, когда тебя любят.

Дженн приложила телефон к уху малышки Сары и посреди аэропорта я сам залепетал, как малыш (некоторые оборачивались в недоумении). Но мне было всё равно, потому что Сара ворковала, - приятно, когда тебе воркуют на ухо.

Трубку опять взяла Диналин и сказала: “Рада, что ты позвонил.” И я повесил трубку счастливый.

Вот теперь я вновь в самолете и моё настроение возвращается в норму. Самолет задерживается, потому что взлетная полоса забита, а это означает, что я попаду в Эдмонтон на час позже, чем планировал. Не знаю, кто встретит меня в аэропорту, и не могу вспомнить перед кем должен завтра выступать. Но всё в порядке.

Я могу разобраться с любой проблемой пилигрима до тех пор, пока знаю, что могу позвонить домой всегда, когда захочу.

И Иисус умел и делал это.

Может быть за стихом 19 главы 14 от Матфея стоит именно это объяснение: “И взяв пять хлебов и две рыбы, и воззрев на небо, и благословив, дал хлебы.” Эту молитву в лучшем случае я всегда отмечал как хороший пример и как хорошую привычку - в худшем случае.

Вплоть до этого момента.

Сейчас мне думается, что среди всей той сумятицы Иисусу тоже было необходимо позвонить домой, как и мне. Он был окружен людьми, которые хотели хлеба, и учениками, которым был нужен отдых. А у Него на сердце была тяжесть по смерти Иоанна Крестителя.

Хоть на минуту Ему нужен был кто-то, кто бы понял Его.

Может быть, Он, так же как и я, немножко притомился от забот проделанной работы там в далекой стране и Ему тоже необходимо было позвонить домой.

Он так и сделал. Он перекинулся словцом с Тем, кого любил. Он услышал голос из дома, по которому тосковал. И это напомнило Ему о том, что, если восстанет ад, небеса приблизятся.

Может и вам следует тоже позвонить домой. Господь будет рад, если вы это сделаете, - и будет рад намного больше, чем вы.

9. ВТОРЯ ГОЛОСАМ

ВАМ НУЖЕН УСПЕХ? Вот вам модель! Вам нужны достижения? Вот - прототип! Вам нужна яркая иллюминация, карнавальное шествие и внимание средств информации? Взгляните на первую страницу, на центральную статью самой большой ежедневной национальной газеты.

Собирательный образ “Мисс Америки”. Чтобы получить идеальную женщину, у пятидесяти одной претендентки были сняты размеры объема груди, талии и бедер. Итак, у идеальной женщины каштановые волосы. У неё карие глаза. Она умеет петь и

обладает прекрасной фигурой: бюст - 90, талия - 60, бедра – 90. Она – Мисс Америка. Она – идеал.

Заголовок трубит со страницы: “Вот – стандарт для американок.” Подтекст очевиден: “Делай всё, чтобы быть похожей на неё. Тренировка на бедра. Увеличь бюст. Взбей волосы. Исправь походку.

Ни слова не сказано об убеждениях... честности... вере... об отношениях с Богом у этого идеала, зато дан размер бедер.

На странице этого же журнала слева внизу есть маленькое фото ещё одной женщины. У неё тонкое лицо. Кожа лица морщиниста. Нет косметики ... нет румян ... нет помады. На губах слабая улыбка, а в глазах искорки. Она бледна – может мне это кажется, а, может быть, на самом деле. Под фото надпись: “Мать Тереза: в плохом состоянии.”(28)

Мать Тереза. Вам известно, что она сделала? Получив в 1985 Нобелевскую премию мира в две тысячи долларов, она отдала её беднякам Калькутты. Когда какой-то бизнесмен купил ей новое авто, она продала его, а деньги раздала неимущим. Она не имеет никакой собственности и никому ничего не должна.

Две женщины: Мисс Америка и Мать Тереза. Одна шагает по проспекту, другая идет по аллее. Два голоса. Один сулит короны, цветы, поклонников. Другой обещает служение, отказ от себя и радость.

Знаете, я не имею ничего против фестивалей красоты (хотя у меня есть несколько оговорок по их поводу). Но я против лживых голосов, оглушающих наш мир.

Вы слышали их. Они заывают вас обменять чистоту на что-нибудь новенькое с последней распродажи. Толкнуть по бартеру убеждения за успех в делах. Махнуться преданностью с мимолетным увлечением.

Они нашептывают. Они уговаривают. Они насмеются над вашей нерешительностью. Они дразнят ложными обещаниями. Они заигрывают с вами. Льстят вам. Увещевают: “Ну, давай. Всё отлично.” “Возьми и останься до утра.” “Не бойся, никто не узнает.” “Если это так прекрасно, разве это может быть дурно?”

Голоса из толпы.

Наши жизни – это Уолт Стриты хаоса, фондовые биржи, наполненные гулом требований и предложений. Это – жизни, где взрослые дяди и тёти лаются друг с другом в бешеной попытке захватить всё, что можно, пока есть время: “Продай! Купи! Торгуй! Меняйся! Но, что бы ты не делал, делай это быстро, и чтобы все знали.”

Карнавал чопорных костюмов, где никто не улыбается, а все только мчатся.

Бесконечный хор ухающих голосов: предлагающих, берущих, но все пронзительно кричащие.

Что мы делаем, когда слышим эти голоса?

Работая над этой главой, я сижу за столом в комнате отеля. Я далеко от дома. Далеко от людей, которые меня знают, Далеко от семьи, которая меня любит.

Далеки голоса, которые поддерживают и укрепляют меня.

Рядом голоса, которые соблазняют и дразнят меня ложными обещаниями. И хотя в комнате тихо, если я прислушаюсь, то эти голоса становятся особенно отчетливыми.

Буклет на моем ночном столике приглашает меня в комнату отдыха в фойе, где я могу “расслабиться в кругу новых друзей”. Вот телереклама, обещающая, что мои “фантазии исполнятся”, если сделать заявку на ночной фильм для взрослых. Вот в

телефонной книге несколько колонок номеров служб сопровождения, предлагающих “любовь вдали от дома”. А вот из ящика моего ночного столика зазывает привлекательный томик с золотыми буквами: *Книга мормонов – ещё один завет Иисуса Христа*. И наконец телеведущий с обсуждением темы: “Как преуспеть в сексе на работе”.

Голоса. Некоторые сулят удовольствие. Некоторые – власть.

Некоторые обещают поддержку. Некоторые – нежность. Но все что-нибудь да предлагают.

* * *

Даже те голоса, которые слышал Иисус в чём-то Его уверяли.

“Тогда люди, увидев знамение, сотворенное Им, стали говорить, что Он воистину тот, который грядёт в мир.”(29)

Для случайного наблюдателя эти слова означают победу. Для неискушенного уха это звуки триумфа. Что может быть лучше? Пять тысяч человек плюс женщины и дети, умоляющие Христа быть Пророком. Тысячи голосов, разрастающиеся до рёва и скандирующие слова о возрождении, о мести.

У этих людей есть всё, что им нужно для революции. Есть враг – Ирод. Есть мученик – Иоанн Креститель. Есть вожаки – ученики. Есть спонсор – Иисус, дающий хлеб. Есть и царь – Иисус из Назарета.

Чего ещё ждать? Время настало. Израиль возродится. Божьи люди услышали Божий Глас.

“Царь Иисус!” – провозглашает кто-то, и толпа вторит.

Не сомневайтесь ни на минуту в том, что Иисус не слышал их песнопений.

Хор, сулящий отравление властью. Не нужен крест. Не требуется жертва. Есть армия учеников, послушная Его воле. Есть власть, чтобы изменить мир без необходимости умереть за него.

Месть была бы сладка: “Тот, кто обезглавил Иоанна Крестителя всего лишь в нескольких милях отсюда. Хотелось бы знать, он когда-либо ощущал холод клинка на своей шее.”

Да, Иисус слышал такие голоса. Он слышал их соблазны. Но кроме того, Он слышал ещё Кое-Кого.

И когда Иисус слышал Его, Он искал Его

“Сам же Иисус, узнав, что собираются придти и захватить Его, чтобы сделать царём, удалился снова на гору Один.”(30)

Иисус предпочёл остаться один с истинным Богом, чем с толпой неправедных людей.

Не логика научила Его покинуть толпу. Не житейская мудрость подсказала Ему отвернуться от армии жаждущих. Нет, это не был голос извне, который услышал Иисус. Этот Голос звучал внутри.

Овцу отличает её способность слышать голос Пастыря.

“И овцы голос Его слышат и своих овец Он зовет по имени и выводит их.”(31)

Ученика отличает его способность услышать голос Учителя.

“Вот, Я стою у двери и стучусь: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, Я войду к нему и буду вечерять с ним, а он со Мною.”(32)

Мир ломится в вашу дверь, а стук Иисуса тих. Голоса криком требуют вашей лояльности, а Иисус просит мягко и нежно.

Мир сулит удовольствия для тела, Иисус обещает тихий ужин... с Господом: “Я войду к нему и буду вечерять с ним.”

Какой голос слышите вы?

Позвольте мне сказать вам что-то важное. Нет такого времени вообще, когда бы Иисус не говорил. Вообще нет. Нет такого места вообще, где бы Иисуса не было. Вообще нет комнаты такой тёмной... праздного времени препровождения такого чувственного... рода занятия такого искусственного... где бы не было вездесущего, вечно преследуемого, невыразимо нежного Друга, ненавязчиво стучащего в двери ваших сердец – ждущего приглашения войти.

Немногие слышат Его голос. Ещё меньше открывают дверь.

Но никогда свою глухоту не принимайте за Его отсутствие. Потому что среди преходящих удовольствий существует неподвластное времени обетование Его присутствия.

“Воистину Я с вами во все дни до скончания века.”(33)

“Ибо Сам сказал: “не оставлю тебя и не покину тебя.”(34)

Нет хора такого мощного, чтобы нельзя было услышать голос Господа... если бы мы слушали.

Эта истина относится и к комнате того отеля.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы убедиться в этом. Истина не была такая заметная, как буклет комнаты отдыха или реклама кино. Но она была там. Она не была такая вычурная, как Библия мормонов, и не так притягивала внимание, как список службы сопровождения. Но я каждый раз буду отказываться от той лжи в пользу умиротворенности, которую я нашёл в этой сокровищнице.

Библия. Простая, в твердом переплете. Мне потребовалось некоторое время, чтобы найти её, но я нашёл. А найдя, открыл книгу на одном из моих любимых мест:

“Не удивляйтесь этому, потому что приходит час, когда все, находящиеся в могилах, услышат голос Его и выйдут: сотворившие благое – в воскресение жизни, сделавшие зло – в воскресение суда.”(35)

Как интересно. Наступит день, и каждый услышит Его голос. Придёт день и все другие голоса умолкнут; Его голос – и только Его голос – будет слышен.

Некоторые услышат Его голос в первый раз. То есть не в том смысле, что Он никогда не говорил, а просто они никогда не слушали. Для них голос Господа будет голосом чужестранца. Они услышат Его впервые – и никогда не услышат вновь. Они проведут вечность, вторя голосам, которым они следовали на земле.

Но другие поднимутся из своих могил на звук знакомого голоса. Потому что они агнцы, знающие голос своего Пастыря. Они слуги, открывшие дверь, когда Иисус стучал.

И теперь дверь будет вновь открыта. Только на этот раз, это не Иисус войдёт в наш дом; это мы войдем в Его.

10. ФОТОГРАФИЯ И ПАПКА ДЛЯ БУМАГ

КАЖДЫЙ ИЮНЬ Я СОСТАВЛЯЮ ПЛАН-РАСПИСАНИЕ на следующий год. Это - мой месяц дня «Д». Я не имею в виду, день начала военной операции, когда было принято

решение о высадке союзных войск в Нормандии, я имею в виду день, когда я принимаю решения, т.е. каждый июнь я составляю календарь на следующий год.

То утро я посвятил операции принятия решений. Я открыл папку “Решения” и принялся читать приглашения. Учредитель церкви в Вайоминге интересовался, смогу ли я посетить его церковь. Лагерь при церкви в Вашингтоне приглашает меня прочитать лекцию для отдыхающих. Миссионер из Индии прочёл мои книги и спрашивает: “Сможете ли вы провести у нас неделю, если я приеду за вами с деньгами?”

Что-то происходит с человеком, когда у него много приглашений от других людей. Он или она начинают чувствовать свою значимость.

Когда я смотрел на эти письма, мне вдруг пришло в голову, насколько я важен для прогресса человечества.

Я всё удивлялся, как это Земля вращалась вокруг собственной оси до моего рождения. Кивая головой, соглашался с письмом, в котором говорилось: “Вы - единственный человек, который может провести эту лекцию.” Я поднял руку и погладил буквы SM на своей красной рубашке - “Супермен Макс”.

Меня распирало от гордости, когда я читал последнее письмо. Но положив его в папку, я обратил внимание ещё на одну просьбу. На ту, что не попала в папку. На ту, что находилась на моём письменном столе.

На ней не было ни даты, ни подписи, ничего определяющего её. Это не было письмо или телефонное сообщение. Это была фотография - фотография такая недавняя, что у неё не было даже рамки. На фото - мать с отцом, окруженные тремя маленькими девочками - наш семейный портрет.

То, что фотография и папка оказались рядом поразило меня. Было что-то символическое в том, что я ненамеренно положил семейную фотографию рядом с письмами. Одинокое фото, лежащее рядом с кипой просьб, казалось шепотом задавало вопрос, на который только я мог ответить: “Макс, чья возьмёт?”

Песочные часы показывают, что ещё есть время. Кому оно достанется?

Вы знаете, о чем я говорю, не так ли? Пока вы не складируете просьбы и приглашения до июня, ваше положение может быть не таким наглядным, как моё, но таким же реальным во всех отношениях.

"Ассоциация учителей и родителей ищет нового казначея. С вашим опытом и знанием дела, талантом и умом, любовью к детям и профессионализмом в сфере бухгалтерского учета Вы наилучшая кандидатура на эту работу."

"В штате намечаются кое-какие перемещения. В связи с уходом на пенсию управляющего филиалом кое-кто займет более высокое положение. Компания ищет молодого талантливого, такого как вы человека, который пожелает продемонстрировать свою преданность организации, взяв в работу несколько дополнительных проектов... и при необходимости задерживаться сверхурочно."

"Я извиняюсь, что приходится обращаться к Вам вновь, но такой хороший учитель необходим воскресной школе. Если бы вы только смогли взять ещё четверть ставки ..."

"Я только что лишился своего врача-гигиениста. Не смогли бы Вы вернуться к нам работать? Я знаю, что Вы не хотите возвращаться на работу, пока дети не начнут ходить в школу. Но ведь речь идет только о четырех часах в день и кроме того всего в нескольких кварталах от моего офиса находится дневной пансион. И разве лишние деньги помешают?"

"Желал бы я исполнять обязанности председателя собрания? Ну, если быть честным, то я собирался пропустить этот срок, потому что мой младшенький поступает в колледж следующей осенью. Да, я понимаю, для организации этот год решающий ... Нет, не нужно на меня оказывать давление, чтобы я изменил решение... Да, за последние несколько месяцев мы далеко продвинулись в этом вопросе. Но сейчас это просто..."

Просто перетягивание каната, а вы та веревка, которую тянут.

С одной стороны - люди, требующие вашего времени и ваших сил. Они звонят. Говорят комплименты. Это всё хорошо и действенно. Открываются большие возможности творить хорошие дела. Были бы они дурными, легче бы было сказать нет. Но это не так, поэтому так легко начать опираться на требования рассудка.

С другой стороны находятся те, кого мы любим, кто рядом. Они не пишут писем. Они не просят вас свериться с расписанием ваших встреч. Они не предлагают оплатить ваши расходы. Они не употребляют слов типа "условленная встреча", "обязательство" или "устроить обед". Им нужны вы не за то, что вы можете для них сделать, а за то, что вы есть.

Кловис Чапел, миссионер прошлого века, любил рассказывать историю о двух колесных пароходах, вышедших из Мемфиса приблизительно в одно и то же время, держа путь вниз по Миссисипи до Нового Орлеана. Поскольку шли они бок о бок, матросы одного парохода сделали несколько замечаний коллегам с другого судна о том, что те ползут как улитки.

Обменялись "комплиментами". Бросили вызов. И началась гонка. Оглушая захолустный Юг, рос накал состязания.

Один пароход начал отставать: не хватало топлива. Для обычного рейса угля было бы с избытком, а для гонки не хватило. И вот, когда пароход отстал, один предприимчивый молодой матрос схватил и бросил в топку тук из корабельного груза. Увидев, что он горит не хуже угля, матросы топили судно тем, что им было предназначено транспортировать. Они закончили гонку победителями, но сожгли груз.

Так вот, Господь тоже доверил нам груз: детей, супругов, друзей. Наша задача - исполнить свою часть работы, т.е. проследить, чтобы груз достиг места назначения.

Так вот, когда средства достижения цели берут вверх над людьми, люди часто страдают.

Каким количеством груза мы жертвуем, чтобы достичь финиша первыми? Сколько людей так и не добираются до места назначения из-за капитана, бросившего вызов сопернику? За тремя словами из Евангелия от Матфея стоит целый мир пронизательности. "Он покинул толпу". Это была не просто какая-то толпа, которую покинул Иисус.

Это были не случайно любопытствующие.

Это были не зеваки-зрители.

Это были люди, у которых была миссия. Они уже слышали учеников Иисуса. Они уже покинули свои дома. Они уже последовали за Иисусом вокруг моря. Они уже слышали учение Христа, и они уже видели, как Он исцеляет. Они уже вкушали Его хлеб. И были готовы сделать Его царем.

Несомненно Иисус возглавит толпу и соберёт в едино их неистовые порывы. Несомненно Он ухватится за возможность обратить тысячи в истинную веру.

Несомненно Он проведёт ночь, крестя добровольных последователей. Никто бы не упустил возможности послужить тысячам людей, правда?

А Иисус упустил.

"Он покинул толпу." Почему? Читайте стих 23: "И отпустив их взошел Он на гору один, чтобы молиться."

Он сказал "нет" важному, чтобы сказать "да" насущному.

Он сказал "нет" хорошей возможности, чтобы сказать "да" лучшей. Это не было решение эгоиста. Это был обдуманый выбор предпочтения.

Если Иисус посчитал необходимым сказать "нет" требованиям толпы, чтобы помолиться, вы думаете нам с вами следует поступать иначе?

И сказал Иисус: "Блаженны смиренные духом." (36) Слово "смиранный" не означает смиренный. Оно означает сосредоточенный. Это слово используют для описания укрощённого скакуна. Мощь под контролем. Сила под управлением.

Блаженны те, кого впрягают. Блаженны те, кто осознаёт свою ответственность, данную Богом. Блаженны те, кто признаёт, что есть только один Бог, и кто перестали претендовать на Его место. Блаженны те, кто знает, что они, чёрт возьми, должны делать на этой земле и заняты тем, что выполняют свою работу. Блаженны те, кто способны "увидеть, что есть самое лучшее." (37)

Пока я смотрел на фотографию и папку, мне пришла в голову мысль проверить одну догадку. Я решил составить список того, чего лишился бы в тот вечер, если бы отправился в командировку. Это было нетрудно сделать. Я просто записал то, что пропустил бы, не будь меня дома с семьей в прошлый вечер.

Меня могло бы не быть в городе на этой неделе, т.к. я получил приглашение от церкви на Среднем Западе. Я не принял его. Но, если бы не отказался? Если бы уехал, я бы получил внимание тысяч людей в течении часа. Я бы имел возможность поговорить об Иисусе с некоторыми людьми, не знающими Его. Разве вечер вторника дома с тремя детьми и супругой менее важен, чем проповедь перед аудиторией?

Прочтите список того, что я мог бы пропустить, а потом решайте.

Я бы пропустил занятие в бассейне, когда Джина в первый раз взобралась на горку.

Я бы пропустил пятнадцать минут подпрыгиваний вверх и вниз в лягушатнике, когда Андреа висела на моей шее, распевая мелодию из "Спящей красавицы".

Я бы пропустил и не увидел, как Деналин расчувствовалась, перебирая младенческую одежду.

Я бы пропустил прогулку с девочками, во время которой Джина нашла десять "особенных" камешков.

Меня не было бы дома, чтобы взять на руки Андреа, когда она прищемила палец дверью.

Меня не было бы дома, чтобы ответить на вопрос Джинны "Кто такой "гандикап"?"

И я бы пропустил и не увидел бы, как хихикает Андреа за спиной Джинны, стянув её соломенную шляпку.

Я бы не услышал, как Джина во время семейной молитвы рассказывает историю Иисуса, уверяя нас: "Ведь Он не остался мертвым!"

Я бы не увидел, как Андреа, напрягая мускулы на руках, поёт: "Наш Бог такой Бооольшой!"

Так, что вы думаете? Что касается меня, я знаю, за что проголосую. Существуют сотни лекторов, которые могли бы обратиться к народу, но у моих девочек только один папа.

Составив этот список просто шутки ради, я нашёл телефон и позвонил в церковь, которая просила меня приехать и выступить на этой неделе. Священника не было, но был его секретарь, у которого я спросил: "У вас на этой неделе предполагается провести семинар?"

- О, да. Он уже прошел с большим успехом!

Они даже не вспомнили обо мне.

Теперь у меня есть неплохая идея того, что делать с кипой просьб и приглашений.

Бури сомнений

11. КОГДА ВИДИШЬ БОГА ЧЕРЕЗ ТРЕСНУВШЕЕ СТЕКЛО

ЕСТЬ В СЕРДЦЕ ОКНО, сквозь которое видно Бога. Было время, то окно было чистым, и чеканно виден образ Бога. Его можно было видеть так же ясно, как красивую долину или склон холма. Стекло было цело, и рама не сломана.

Вы знали Бога. Знали, как трудится Господь. Знали, что Он хочет от вас, и никаких сюрпризов, ничего неожиданного. Вы знали, что есть Божья воля, и постоянно узнавали, что это такое.

А потом стекло вдруг треснуло. Его разбил голыш. Голыш вашей боли.

Возможно камешек ударил, когда вы были ребенком, и родители покинули дом - ушли навсегда. Или в юности в вас попал камень поувесистей и разбил ваше сердце. Возможно память об этом дожила до зрелого возраста. А вот теперь хватило и маленького голыша.

Был ли то телефонный звонок? "У нас в отделении ваша дочь. Вам бы приехать сюда."

Было ли то письмо, оставленное на кухонном столе? "Я ушла. Не пытайся искать меня. Не пытайся звонить. Всё кончено. Я тебя просто больше не люблю."

Был ли то диагноз врача? "Я боюсь у нас не очень хорошие новости для вас."

Была ли то телеграмма? "Мы с сожалением извещаем вас о том, что ваш сын пропал без вести."

В какую бы форму ни были облечены эти голыши, результат один и тот же. Как выпущенный снаряд, голыш попал в окно вашей души и оно пошло трещинами. Удар эхом отозвался в уголках сердца. Трещины разошлись от места удара и образовали паутину из треснувших фрагментов.

И вот Господа стало нелегко видеть. Образ, дотоле такой чёткий, исчез. Вы повернулись, чтобы увидеть Бога, но силуэт Его исказился. Господа трудно различить за болью. За страданием Он трудно различим.

Вы сбиты с толку. Неужели Бог может позволить, чтобы случилось что-нибудь подобное? Неужели трагедия и удары судьбы были в планах Того, которого вы всегда видели в своем сердце? Неужели вас дурачили? Неужели вы были слепы?

Момент, когда от удара камня треснуло стекло, стало точкой отсчёта. С того самого момента жизнь разделилась на ту, что была до боли и после боли. Да, до боли видение было ясным; Господь казался так близок. После боли Его труднее стало видеть. Кажется Он несколько отдалился, плохо различим. Боль исказила образ - не затмила, а исказила его.

Может быть эти слова не имеют отношения к вашему случаю. Ведь есть люди, которым никогда не приходится заново искать смысл в Боге или вновь сосредотачивать свои помыслы на Нём. Но большинству из нас приходится.

Многие из нас знают, что это значит разочароваться в Боге.

У многих из нас есть привычка говорить: "Если Он Бог, тогда ..." Называйте это пониманием того, что делает Господь, или того, что Ему положено делать по статусу, но у каждого из нас есть невысказанное, но тем не менее определённое ожидание того, что Господу следует делать. "Если Он Бог, тогда...

- мою семью не настигнет беднежье.
- моих детей никогда не похоронят раньше меня.
- люди всегда будут относиться ко мне справедливо.
- в этой церкви никогда не произойдет раскол.
- на мою молитву всегда будет ответ.

Это не критерий, ясно выраженных мыслей. Это не то, что подписано и заверено, это - помыслы, реально существующее. Они определяют ожидания, которые у нас есть к Богу. И когда в наш мир приходит боль (тот камень, разбивающий окно наших сердец), а эти ожидания остаются без ответа, то на поверхность, возможно, начнут подниматься сомнения.

Мы ищем Бога, но не можем найти. Мешает треснувшее стекло. Его образ увеличен одними и уменьшен другими осколками стекла. По Божьему лику пошли зигзаги трещин. И даже большие куски треснувшего стекла не делают обзор более чётким.

И вот вы уже не совсем уверены в том, что видите.

* * *

Ученики тоже не верили в то, что видели.

Иисус перестал соответствовать их ожиданиям. В тот день, когда Иисус накормил пять тысяч человек, Он не сделал того, что ученики хотели от Него.

Окончив миссию, эти Двенадцать вернулись в сопровождении армии. Они завершили обучение. Они завербовали солдат. Они были готовы к битве. Они ожидали, что Иисус позволит людям короновать Себя на царство и нападёт на город Ирода. Они строили планы битвы... стратегию поведения... мечтали о новой эре Израиля.

А что получили?

Как раз противоположное.

Вместо оружия - вёсла. Их отправили в море вместо того, чтобы послать на битву. По домам отослали людей. Иисус ушёл. А когда в небе собиралась гроза, их оставили в море.

Какой бы Мессия поступил так?

Внимательно проследите последовательность событий того грозного вечера по Евангелию от Матфея:

"И тотчас заставил Он учеников войти в лодку и переправиться раньше Его на другую сторону, пока Он не отпустит народ. И опустив народ, Он поднялся на гору отдельно от других помолиться, и с наступлением вечера был там один. А лодка была уже на середине моря и било её волнами: ибо ветер был противный."(38)

Матфей уникален в описании хроники событий. Иисус послал учеников к лодке. Потом Он отпустил народ и взошел на гору. Был вечер, вероятно около шести. Сразу же ударила гроза. Едва солнце село, поднялся ветер ураганной силы.

Отметьте для себя: Иисус послал учеников в грозу *одних*. Уже поднимаясь на гору, Он мог почувствовать и услышать силу шторма. Он не проигнорировал бурю. Он вполне осознавал, что приближается ураган, который накроет море, как самолёт землю при ковровом бомбометании. Но не повернул назад. Учеников оставили встретиться с бурей лицом к лицу... *одних*.

Однако, самый сильный шторм той ночи был не в небе, он был в сердцах учеников. Наибольший страх возник не при виде волн, поднимаемых ураганом, а при виде спины лидера, покидающего их перед лицом ночи, оставив им в компаньоны только вопросы. Вот - с чем ученики столкнулись той ночью...

Представьте себе невероятные усилия, предпринимаемые людьми в скачущем по волнам утлом рыбацком суденышке - через час вы устанете, два часа вымотают вас в конец.

Иисус несомненно поможет нам, полагали они. Они и раньше видели, как Он утишает бури подобные этой. На том же самом море они разбудили Его во время шторма, и Он приказал небесам умолкнуть. Они и раньше видели, как Он утишает ветер и успокаивает волны. *Несомненно, Он спустится с горы*.

Но Он не идет. Их руки стали болеть от гребли. А от Иисуса всё ещё нет знака. Три часа. Четыре часа. Ветер свирепствует. Лодка скачет по волнам. Иисуса все ещё нет. Наступает полночь. Их глаза ищут Бога - напрасно.

Вот уже шесть часов ученики в море.

Всё это время - борьба со штормом, всё это время глаза ищут Учителя. А буря до сих пор завывает. А Учителя до сих пор нет.

"Где Он?" - кричит один.

"Он нас забыл." - вторит другой

"Он кормит тысячи посторонних, а нас оставляет умирать." - бормочет третий.

Евангелие от Марка добавляет обобщённое понимание поведения учеников. "Ибо не вразумились они хлебами, но огрубело их сердце."(39)

Что имеет ввиду Марк? Только одно. Ученики разозлились. Они начали вечер с обиды. Их сердца ожесточились по отношению к Иисусу, потому что Он накормил многих. Помните в чем было их предпочтение - "отпустить народ."(40) А Иисус приказал накормить людей. А они даже не попытались, сказав, что это невозможно сделать. Они требовали, чтобы Иисус оставил людей и пусть они заботятся о себе сами.

Кроме того, не забудьте, что какое-то время ученики были в центре внимания. Они вкусили сладость успеха. Они стали знаменитостями. Они сплотили людей. Они рекрутировали армию. Они были, без сомнения, очень горды собой. Слегка напыщив грудь и вздернув подбородки, они говорили Иисусу: "Просто отпусти их."

Иисус не послушался. Вместо этого предпочёл не обращать внимания на сопротивляющихся учеников и использовать веру какого-то никому неизвестного мальчика. То, что ученики считали невыполнимым, было сделано - без них, помимо них.

Они надули губы. Они обиделись. Они осерчали на Учителя, вместо того, чтобы возрадоваться чуду. В конце концов они чувствовали себя глупо, передавая хлеб, который, как они говорили, невозможно достать. Добавьте к этому приказ Иисуса отправиться к лодке, когда они хотели отправиться в бой, и тогда легче понять, почему эти парни так кипели!

"О чём себе думает Иисус, оставляя нас в море в такую ночь как эта?"

Час ночи, Иисуса нет.

Два часа ночи, Иисуса нет.

Пётр, Андрей, Иаков и Иоанн повидали бури подобные этой. Они рыбаки; море - их жизнь. Они знают, какое разрушение может принести штормовой силы ветер. Они видели, как прибывает к берегу разбитые корпуса кораблей. Они ходили на похороны. Они знают лучше, других, что эта ночь может стать последней. "Почему Он не идет?" - негодуют они.

Наконец Он приходит. "В четвертую стражу ночи [от трех до шести утра] Иисус пришёл к ним, ступая по морю."(41)

Иисус пришёл. Он наконец-то пришёл. Но между стихом 24 - и било её волнами - и стихом 25 - когда появился Иисус - задаётся тысяча вопросов.

Вопросы, которыми вы, вероятно, задавались тоже. Вероятно, вам знакомо беспокойство, что владело учениками в промежуток между стихами 24 и 25. Может быть, и вас заставал шторм - вы искали береговую линию по огням, как отблескам надежды. Вы знаете, что Иисусу знакомо, через что вам приходится пройти. Вы знаете, что Ему известны ваши волнения. Но как бы упорно вы ни всматривались в поисках Иисуса, вы не видите Его. Может быть, ваше сердце, как и сердца учеников, ожесточилось от безответного ожидания. Ваши мольбы о помощи разъедает соль горьких вопросов.

Первая часть этой книги повествовала о стрессах, вторая будет говорить о бурях в наших душах. Стресс ударяет по нервам. Душевная буря ударяет по вере. Стресс рвёт нервы. Буря разрушает. Стресс приходит как сигнал воздушной тревоги. Буря летит как реактивный снаряд. Стресс омрачает день. Приход бури возвещает ночь.

Вопрос, задаваемый во время стресса: "*Как я сумею справиться с этим?*" Вопрос, задаваемый в бурю: "*Где Бог и почему Он так поступает?*"

Вторая часть этой книги - для вас, если камень боли ударил в окно вашего сердца, если вы чувствуете страх от того, что ищете лицо Господа, а видите только Его спину, когда Он восходит на гору.

На следующих страницах вы откроете обнадеживающие хроники, которые помогут вам в моменты сомнений. Позвольте мне представить вам нескольких друзей, которые научились смотреть через треснувшее стекло.

- Предприниматель, лишившийся состояния, но обретший богатство, которое никто не смог бы отобрать.
- Отец семейства, узнавший, что такое доверие, пока ехал шесть часов со своими детьми.

- Мать-настоятельница из Нью-Мехико, открывшая для себя, что молитва - её последняя надежда - была её лучшим прибежищем.
- Лесник, который научил свою деревню добродетели терпения.
- Сын божий - усталый и павший духом - обретший силы через друзей божьих.

Некоторые истории вымышлены, некоторые реальны. Одни - легенды, другие - библейского толка. Одни написаны с юмором, другие - серьезно. Но все содержат послание к тем, кому знакома тревога поиска Господа во время бури.

Послание? Да. Верьте в Него, даже когда не видите Его. Фигура во мраке вашей бури - это не призрак. Звуки во мраке вашей бури, - не только ветер, но и Его голос.

Иисус ближе, чем вы когда-либо надеялись.

12. ДВА ОТЦА, ДВА ПРАЗДНИКА

ПРОШЛЫМ ВЕЧЕРОМ Я вёз семью к бабушке на праздник Дня Благодарения. Три часа из шестичасовой поездки - и я почувствовал, что нахожусь в исследовательском центре теологии.

Время, проведённое в машине полной детей, научит вас многому в понимании Бога, потому что перевозка семьи из одного города в другой сильно сродни тому, как Господь Бог переносит нас из этого мира в Свой мир. А некоторые самые напряжённые часы приходятся на время, когда пассажир и Водитель не имеют согласия по поводу места назначения.

Путешествие есть путешествие, неважно является ли местом назначения стол Дня Благодарения или Банкетный Стол в Раю. Для того и другого путешествия необходимы терпение, хорошее знание дороги и водитель, уверенный в том, что праздник в конце пути стоит волнений в дороге.

Тот факт, что мои пилигримы были в возрасте менее семи лет, только обогатил моё обучение.

Пока минуты бежали, складываясь в часы, а машина катила по холмам, я начал ловить себя на том, что в моих словах, обращённых к детям, звучит что-то знакомое. Я слышал их раньше - от Бога. Неожиданно машина превратилась в класс. Я понял, что в течение нескольких часов занимался тем, что Господь делает столетиями: подбадриванием путешественников, предпочитающих отдыхать, а не ехать.

Я поделился своим наблюдением с женой, и мы начали отыскивать сходства между этими двумя путешествиями. Вот - некоторые из них, подмеченные нами.

* * *

Чтобы добраться до места назначения приходится говорить "нет" некоторым просьбам.

Если бы родители выполняли во время путешествия каждую просьбу каждого ребёнка, можете представить последствия? Мы бы еле тащились с набитыми животами от одного ларька с мороженым к другому. Нашей целью была бы воздушная кукуруза, а путевые заметки сплошь состояли бы из меню кафе. "Едем к вишневому напитку. Теперь вперёд на север до бутерброда с сыром и красным перцем. Там остановка за

сытной закуской, и потом налево к большущей пицце. От кафе с бутербродами и горячими сосисками две в одном ездай по главной магистрали к тем пяти магазинам с продуктами на вынос... и наконец к туалету...."

Можете себе представить хаос, потакай родители каждой прихоти детей?

Можете себе представить хаос, потакай Господь каждой нашей прихоти?

"Нет" - необходимое слово, которое нужно брать с собой в путешествие. Место назначения должно главенствовать над сливочным мороженым с фруктами, сиропом, орехами и прочим.

"Потому что Бог *определил* нас не на гнев, а к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа." (выделено автором)(1)

Обратите внимание на Божье предназначение для вас. Спасение.

Наипервейший помысел Божий заключаются в том, чтобы мы добрались до места назначения. В странствии с Ним есть остановки, дающие силы для путешествия. Но Бог хмурится на задержки, удерживающие нас в пути. Когда Его державный план приходит в противоречие с нашим земным планом, необходимо принимать решение. А кто отвечает за путешествие?

Если Господь должен выбирать между удовлетворением наших земных желаний и нашим спасением, догадываетесь, что Он выберет?

Я, да.

Будучи на водительском месте, как отец своих детей, я понимаю, что в ответе за них. Но, занимая место пассажира, как дитя своего Отца, я забываю, что в ответе - Он. Я забываю, что Господь больше озабочен моей судьбой, чем моим желудком (хотя он устроен не так уж плохо). А я жалуясь, когда Он говорит нет.

Просьбы, с которыми прошлым вечером по дороге к бабушке мои дети обращались ко мне, не были плохими. Они не были несправедливыми. Они не были возмутительными. Мы, конечно же, купили им пару стаканчиков мороженого и кока-колу. Но выполнять большую часть просьб не было необходимости, хотя моя четырехлетняя дочь наверняка оспорила бы этот факт. С её точки зрения ещё один стакан напитка был просто необходим для её счастья. Но мне известно другое, поэтому я говорю "нет".

Факт отказа оспорил бы и сорокалетний мужчина, т.к. с его точки зрения ему для счастья не хватает только нового начальника. Но Господь знает другое и говорит "нет"

Не согласилась бы с отказом и тридцатилетняя женщина. По её мнению *такой* мужчина с *такой* зарплатой и *таким* именем как раз то, что ей нужно для счастья. Но её небесный Отец, более озабочен её душой, чем её дорогой к алтарю, говорит: "Не торопись, подожди немного. Там за поворотом тебя ожидает лучший выбор."

"Ждать! - протестует она. - Сколько ещё я должна ждать?"

А этот вопрос ведёт нас ко второму сходству между двумя путешествиями.

* * *

У детей отсутствует понятие времени и расстояния

"Мы будем там через три часа." - говорю я

"А сколько это три часа?" - спрашивает Дженна. (Как объяснить ребёнку время, о котором он ничего не знает?)

"Ну, это как три наших улицы." - выдумываю я.

Девочки стонут в унисон. "Три наших улицы?! Так это же - вечность!"

Да, для них так оно и есть.

И для нас, по-видимому, тоже.

Он, который "пребывает вечно"(2), определил своё место впереди команды пилигримов, всё время твердящих: "Господи, ну, скоро? Сколько ещё?"(3)

"Сколько ещё я должна страдать от этой болезни?"

"Сколько ещё я должна терпеть от своего мужа?"

"Сколько ещё я должна платить по этим счетам?"

Вам действительно нужно, чтобы Всевышний ответил? Он ответит, вы же знаете. Мы знаем, Он может ответить тут же и сразу, да ещё с указанием даты: "Ещё два года болезни." "В браке всю оставшуюся жизнь." "Ещё десять лет для оплаты счетов."

Но Он редко так отвечает. Обычно Он предлагает сопоставить *тут же и сразу с там и потом*. И когда вы сравниваете эту жизнь с той жизнью, эта жизнь не такая уж долгая.

Наши дни на земле похожи на тень.(4)

Жизнь каждого человека не дольше вздоха.(5)

Вы - туман, который появляется не надолго, а затем исчезает.(6)

А человек? Его дни - как цветы, он расцветает как полевой цветок; ветер срывает и уносит его, а место где оно росло никто не помнит.(7)

И я, как родитель, говорю детям: "Это короткое путешествие. Мы почти на месте."

Я знаю, где это. Я бывал там прежде. Я ездил по этой дороге. Мне знаком маршрут. Для меня это несложная задача. А для детей это расстояние бесконечно.

Поэтому я сделал ещё одну попытку: "Только представьте, как это будет здорово." И продолжал описывать: "Индейка, соус, пироги.... Обещаю, путешествие будет стоить, потраченного времени, когда мы доберемся до бабушки."

Но они всё ещё стонали.

И это подсказало нам третье сходство.

* * *

Дети не умеют представить награду

Для меня шесть часов пути небольшая плата за мамин торт с клубникой. Я не возражаю против поездки потому, что знаю о награде. У меня за поясом в буквальном смысле три десятилетия "Дня Благодарения". Уже в пути я могу ощутить вкус индейки, услышать смех за обеденным столом, почувствовать запах дыма из камина

Я могу вынести путешествие потому, что мне известна цель, а мои дочери забыли о ней. В конце концов они очень малы, да и вообще, дети легко забывают. Кроме того им неизвестна дорога, и наступает темнота. Они не видят, куда мы едим, поэтому моя работа, как отца, направлять их.

Я пытаюсь помочь им увидеть то, что они не видят.

Я рассказываю им, как у озера мы будем есть утку. Как мы будем кататься на качелях, и что они смогут провести вечер с кузинами. Мы разговариваем о том, как мы будем спать на полу в спальнях мешках, и о том, что не надо идти в школу.

И, кажется это сбывается. Их ворчание стихает, как только мечта приобретает реальные очертания и становится ясной целью. Возможно, именно так у апостола Павла сохранялся стимул служения, т.е. у него имелось чёткое видение награды.

Итак, не падайте духом. Если служение и изнашивает физически, то внутренне мы обновляемся и становимся сильнее. Наши временные страдания ничто по сравнению с вечной славой, которая нас ожидает.(8)

Не просто заставить трёх девочек в возрасте до семи лет увидеть место, в котором они никогда не бывали, особенно, если дорога ухабиста... поздний час... попутчики желают прервать путешествие и получить номер в мотеле. Не легко сосредоточить взгляд на том, чего не видишь.

Но меня заставляет улыбнуться одна фраза из Второго Послания к Коринфянам, который вы только что прочли: *наши временные страдания*.

На месте Павла я бы не назвал их таковыми. Прочтите, что стоит за *временными страданиями*, и думаю, вы согласитесь со мной:

- Тюремное заключение.
- Наказание кнутом, пять раз.
- Встреча со смертью лицом к лицу.
- Наказание розгами, три раза.
- Побивание камнями.
- Три раза терпел кораблекрушение.
- Оказывался на необитаемом острове.
- Не имел пристанища.
- Жил в постоянной опасности
- Голодал и холодал.(9)

Долгие и тяжкие испытания - наверняка. *Смертельные недуги и нескончаемые беды* - несомненно, но чтобы *временные страдания!* Как он мог такими слова называть бесконечные тяготы...?

Он же и объясняет. Он видел "вечную славу, по сравнению с которой остальное ничто."

* * *

Можно ещё несколько строчек от сердца?

Для некоторых из вас путешествие стало долгим. Очень долгим, да ещё и в шторм. Я, никоим образом, не желаю приуменьшить трудности, с которыми вам пришлось столкнуться на долгом жизненном пути. Некоторые из вас вынесли на своих плечах груз, который немногим под силу. Вы отдали последний поклон родителям. Вас лишили мечты вашей жизни. Ваше тело немогуще, чем дух, живущий в вас. В супружестве не терпят вашу веру. Ваша зарплата не может покрыть ваш прожиточный минимум и вызовы судьбы сильнее ваших возможностей противостоять им.

И вот вы устали.

И вам трудно увидеть Пристанище сквозь мрак шторма. Вас манит искушение сойти на обочину дороги, убраться подальше. Вы хотите продолжить путь, но бывают дни, когда дорога кажется бесконечной.

Позвольте мне ободрить вас, проведя ещё одну, последнюю, параллель между вашим жизненным путём и путешествием моей семьи тем вечером.

* * *

Оно стоит того

Когда я пишу эти строки, обед Благодарения окончен. Мои ноги упираются в камин. Подставка, на которой я пишу, лежит на коленях.

У меня есть хорошее намерение вздремнуть, как только я окончу эту главу.

Индейка съедена. Подливка из гусиных потрохов с аппетитом подлизана. Стол чист. Ребята посапывают, в семье покой.

Когда мы сегодня сидели за столом, никто не говорил о долгом путешествии, совершённом сюда. Никто не вспомнил о просьбах, которые я не уважил. Не было обид на мою ногу, жавшую на педаль акселератора, когда сердца сосредотачивались на банановых напитках. Никто не жаловался на поздний час приезда.

Вчерашнее испытание потерялось в радости сегодняшнего дня.

Это то, что имел ввиду Павел. Господь никогда не говорил, что путь будет лёгким, но Он утверждал, что место назначения стоит того.

Помните: Господь, возможно, не сделает того, что мы хотим, но Он будет делать то, что правильно... и лучше всего. Он есть Отец движения вперёд. Доверьтесь Ему. Он заберёт вас домой. А испытания жизненного пути затеряются в радостях праздника.

А теперь, прошу прощения, я сосну: немножко устал от путешествия и чувствую, что не плохо бы отдохнуть.

13. БУРИ СОМНЕНИЙ

БЫВАЕТ МЕТУТ ВЬЮГИ. Выпадает град. Льют дожди. А бывают бури сомнений, что охватывают нас.

Эти бури врываются в нашу жизнь время от времени и несут с собой шквал вопросов и штормовые ветры страхов. А свет всё таки пробивается, даже сквозь них.

Иногда бури приходит с вечерними новостями. И тогда я задаю себе вопрос: «А за чем я это смотрю? Их чересчур много.» От ступеней Верховного Суда до событий в Южной Африке новости, как правило, бывают мрачными.... тридцать минут ошеломляющих трагедий. Плохие новости приносит красивый мужчина с мягким голосом в прекрасно сшитом костюме. Его зовут ведущим. Хорошая профессия. В бурных водах сегодняшней жизни любому нужен ведущий.

Иногда я задаюсь вопросом: *"Как может мир пребывать в таком хаосе?"*

Бывает, что буря застаёт меня на работе: рассказ за рассказом о домах, куда не приходит выздоровление, о сердцах, которые не смягчаются. И всегда голодных больше, чем сытых, нуждающихся больше, чем богатых и вопросов больше, чем ответов. По воскресениям в церкви я стою перед прихожанами с короткой проповедью в руках и молитвой на устах. В моём распоряжении тридцать минут и я делаю всё

возможное, чтобы найти слова, способные убедит людей в том, что если Бога не видно, это не значит, что Он не слышит.

Кроме того, я хочу понять, почему страдают так многие сердца.

Я спрашиваю, попадали ли вы когда-либо в бури сомнений? Я знаю, некоторые нет. Я разговаривал с такими. У вас "оптимизм Давида", бросающего вызов любому Голиафу. Раньше я считал это, в лучшем случае, наивностью, в худшем - фальшью. Я так больше не думаю.

Я считаю, у вас есть дар. Вы одарены верой. Вы можете увидеть радугу прежде, чем разойдутся тучи. Если у вас есть такой дар, то пропустите эту главу. Я не скажу ничего из того, что вам необходимо услышать.

Но есть те, которые задаются вопросами.

Вам интересно знать, что такое знают другие, чего не знаете вы. Вы задаётесь вопросом, кто же слеп: я или они. Вы спрашиваете, почему некоторые кричат "Эврика!" ещё до того, как найдено золото. Вы недоумеваете, почему кричат "Вижу землю!" прежде, чем рассеется туман. Вам хочется знать, почему некоторые люди верят так убеждённо, тогда как вы верите «вприглядку». А в результате вам слегка неуютно на уютной церковной скамье безоглядной веры. Вы сродни библейскому Фоме. Ваше отчество - Сомненьевич. Ваши сомнения - головная боль учителей воскресной школы:

«Если Бог такой хороший, почему я иногда чувствую себя так плохо?»

«Если Его послание такое ясное, почему у меня так много вопросов?»

«Если всё во власти Господа, то почему у хороших людей существуют такие душераздирающие проблемы?»

Вы спрашиваете себя, это проклятие или благословение, что ум мой никогда не знает покоя. Но скорее всего вы циничны, чем лицемерны, потому что продолжаете молиться «вприглядку», не от души, т.е. слегка беспокоясь:

- о голодных детях;
- о силе молитвы;
- о размерах милосердия;
- о тех христианах, что умирают от рака;
- о том, кто я такой или такая, чтобы вообще задавать подобные вопросы.

А вопросы жёсткие. Перед такими можно и спасовать. Должно быть, во время бури ученики задавались подобными вопросами. Ведь только чёрное небо - это всё, что они могли видеть из утлой лодки, которую швыряло море. Клубящееся облака. Белые, срывающиеся ветром шапки волн. Безнадёжность, поглотившая берег спасения. Мрак, в котором утонула лодка. Что обещало быть приятной прогулкой обернулось плаванием по морю страха, таким тяжёлым, что руки белели от напряжения.

И вот они спрашивают - На что нам надеяться, да бы пережить эту бурную ночь?

И я вот спрашиваю - Где Ты Всевышний, когда в мире шторм?

Бури сомнений - это бурные дни, когда враг слишком силен, когда работы слишком много, когда будущее слишком уныло, а ответов на вопросы слишком мало.

Бури будут налетать время от времени, и я буду всматриваться в почерневшее небо и просить: «Господи, пожалуйста, ну хоть немного света!»

К ученикам-то свет пришёл. Но это было не то, что они ожидали. То не были открывшиеся небеса и спускающиеся с них ангелы, которых, возможно, они ожидали

увидеть. То не был способный утишить бурю божественный глас, возможно ожидаемый ими. Ступая по воде, к ним двигалась какая-то фигура. Мы не знаем, чего они ожидали, но наверняка не Иисуса.

«Это - призрак!» - вскричали они в страхе. (Мат. 14:26)

А поскольку Иисус пришёл не так, как они ожидали, то возможность увидеть ответ на свои молитвы они чуть было не упустили.

И мы, если не будем всматриваться пристально и вслушиваться внимательно, рискуем совершить ту же ошибку. Божественный свет также обилен, как многочисленны звезды в небе, если только мы вглядываемся в них.

Позвольте мне рассказать вам о нескольких лучиках света, недавно осветивших мой мир.

* * *

Мы с другом сидели в его машине у моего дома и разговаривали о его проблемах. Один из его клиентов скрылся, оставив моему другу большие счета и массу нерешённых вопросов. Поступок того человека был не верен, но он тем не менее совершил его. К тому же фирма того клиента была большая, а у моего друга маленькая, следовательно друг мало, что мог предпринять. Его оставили в клетке с голодными львами, желающими получить удовлетворение в шестикратном размере.

«Я позвонил дяде и рассказал о том, что случилось. Я рассказал ему, что по-видимому мне грозит банкротство.»

«А он, что сказал?» - спросил я.

«Ничего не сказал» - ответил мой друг. - «А поскольку он долго молчал, я сказал дяде следующее: Мы поступаем иначе, не так ли?»

«Да – ответил он мне. Так что платить по счетам я буду. Даже если мне придётся продать дом, я всё равно их оплачу.»

Его слова ободрили меня: ведь кто-то ещё верил, что, если он будет поступать по истине, то Господь устроит всё наилучшим образом. В этом мире всё ещё был тот, чей девиз - «Мы поступаем иначе.» И небо начало светлеть.

* * *

Второй лучик света пришёл из онкологической больницы.

«Мы завтра отметим сорок четвёртую годовщину.» - сказал Джек, когда кормил жену.

Её голова была лысой. Глаза запали, а речь была невнятной. Она смотрела прямо перед собой и только открывала рот, когда он подносил вилку. Потом он вытер ей щеки.

«Она больна пять лет.» - сказал он мне. - «Она не может ходить. Она не может позаботиться о себе самой. Она даже не может поесть сама, но я люблю её. И...» - он заговорил громче, чтобы она могла услышать его, - «... мы поборемся с этой штукой, не так ли, дорогая?»

Он дал ей съесть ещё несколько кусочков и вновь заговорил. «У нас нет страховки. Думал, она будет не нужна, когда мог себе позволить иметь её. Сейчас я задолжал больнице 50 тысяч долларов.» Он молчал какое-то время, пока давал ей питьё, а потом продолжил: «...Но они не докучают мне. Они знают, что я не могу заплатить и при этом

приняли нас, не задавая вопросов. Врачи обращаются с нами, как будто мы самые лучшие пациенты в смысле оплаты счетов. Кто бы мог вообразить такую доброту?» Мне пришлось согласиться с ним. Кто бы мог вообразить такую доброту? В этом колючем мире высокотехнологичного, дорогого, часто критикуемого медицинского обслуживания, как-то ободряюще было найти профессионалов, обслуживающих двоих, не имеющих ничего, чтобы дать взамен.

Джек поблагодарил меня за визит, а я возблагодарил Господа за тот животворящий свет, что вновь напомнил мне о солнце за облаками.

* * *

А вот ещё один лучик света, пришедший ко мне спустя несколько дней.

Лари Браун – тренер профессиональной баскетбольной команда «Шпоры Сан-Антонио». Я не знаю его лично, хотя ходит слух, будто он хочет, чтобы я подписал контракт на несколько лет и играл бы центральным защитником в его команде.... чистая фантазия.

Недавно в середине дня тренер Браун раздавал и подписывал автографы в местном магазине. Он запланировал привести там два часа, но в итоге пробыл три, т.к. мальчишки с ручками и блокнотами осадили его, задавая вопросы и пожимая руки.

И вот когда, наконец, появилась возможность уйти, он, садясь в автомобиль, обратил внимание на трогательную сценку. К магазину стремительно подкатил опоздавший мальчишка, спрыгнул с велосипеда и подбежал к окну посмотреть, здесь ли ещё знаменитый тренер. Увидев, что его нет, парнишка повернулся медленно и ещё медленнее пошёл к велосипеду, собираясь уехать.

Вот тогда тренер Браун выключил зажигание, выбрался из машины и подошёл к мальчику. Беседуя о чем-то, они вошли в соседнее кафе, сели за столик и выпили по стаканчику прохладительного напитка.

Рядом не было репортёров, не работали камеры. Никто не знал, о чём они беседовали. Я уверен у Лари Брауна были и другие дела, которые нужно было сделать в тот день. Не сомневаюсь, были и другие встречи, которые нужно было провести. Но сомнительно, чтобы что-то другое, сделанное им в тот день, было важнее этого поступка.

В мире профессионального спорта, широко комментируемого, и, где делаются большие деньги, на меня благотворно подействовало известие о том, что в нём есть тренер, который в душе всё ещё остаётся наставником. Этого известия было достаточно, чтобы прогнать сплошные облака моих сомнений и согреть меня Божественным светом... Его нежным лучом.

* * *

Нежные лучи – они ответы Господа на бури сомнений. Отблеск золотых лучей, что янтарные вкрапления надежды во тьме сомнений. Ни молнии. Ни вспышки света. Просто мягкий свет. Он в поступке бизнесмена, выбравшего честность, в поступке врачей, оставшихся верными состраданию, в поступке знаменитости, избравшей доброту.

Видимые свидетельства невидимой Руки.

Мягкое напоминание того, что жизнерадостность и присутствие духа не только для дураков.

Забавно, но ни в одном из этих случаев нет упоминания о религии. Эти встречи произошли не на кладбище и не во время церковной службы. О них не упомянут в телевизионных новостях.

Но такова суть этих нежных лучей

Когда в бурную ночь ученики увидели Иисуса, они приняли Его за призрак. За фантом. За галлюцинацию. Для них это было что угодно, но не Свет Господа.

Когда на горизонте мы видим нежные лучи, чаще всего мы ведём себя также. Мы отмахиваемся от этой непрошенной доброты как от ненужности, резкого света или отклонения от нормы. Всё что угодно, но не Бог.

Возможно, ученики думали: «Иисус разверзнет небеса, если придёт. Море утихнет. Облака разойдутся.»

Мы, сомневающиеся, полагаем: «Если придёт Господь, то исчезнет всякая боль. Жизнь будет спокойной. Не останется никаких вопросов.»

А поскольку мы ищем огонь, то упускаем из виду свет свечи. Поскольку мы ожидаем услышать крик, то не различаем шепот. А Господь приходит в отблеске горящих свечей, в обетованиях, произнесённых шепотом. Он молвит: «Оглянитесь вокруг, если сомневаетесь; Я – ближе, чем вы думаете.»

14. ПЛОТНИЦКОЕ ЧУДО

НЕ СЛУЧАЙНО НЬЮ-МЕХИКО называют «Страной Очарования». Её просторы покрыты полями шалфея. Пурпурные горы увенчаны облаками. Величественны сосны. На склонах холмов приютились глинобитные домишки. Бесчисленны предметы искусства. Переплетение культур: от конкистодоров и команчей до ковбоев. Нью-Мехико очаровывает.

И в этой стране очарования есть чудо-часовня.

В городке Санта Фэ в квартале от отеля Ля Фонда на углу улиц Уортер стрит и Старый след Санта Фэ вы найдёте Часовню Лоретто. Ступив за железные ворота, вы окажетесь не просто во дворе часовни: вы попадёте в другую эпоху.

Задержитесь на минутку под раскидистыми ветвями древних деревьев. Представьте себе, что в 1878 году, когда мексиканские плотники строили эту часовню, всё выглядело также.

Вы видите поселенцев, шлёпающих по грязи? Вы слышите крик ослов, скрип колёс? А вы видите солнце раннего утра, играющего на готике часовни - такой простой и такой прекрасной - часовни, стоящей на фоне пустынных холмов? Пять лет ушло на её строительство. Сработанная по проекту парижской Часовни Святителей, она имеет изящной постройки святилище с алтарём, витражи в форме роз и клирос.

Чудо кроется в этом клиросе.

Стой вы в отстроенной часовне Лоретто в 1878 году, возможно увидели бы её сестёр, с несчастным видом смотрящих на балкон. Почти всё было готово: пол настлан, двери повешены, скамьи поставлены. Всё было закончено. Даже клирос. Всё кроме одного. Туда не было ступеней.

Часовня была слишком маленькая, чтобы разместить в ней обычную лестницу. Лучшие из приглашённых для консультации строителей края отрицательно покачивали головами. «Невозможно.» - мямлили они. Да, места было недостаточно, и любая используемая по прямому назначению лестница испортила бы внутреннее убранство часовни.

Сёстры Лоретто, чья решимость привела их из Кентукки в Санта Фэ, на этот раз встретились лицом к лицу с препятствием более вызывающим, чем предпринятое ими путешествие - с лестницей, которую невозможно было построить.

Каких -то несчастных неподатливых пятнадцать футов отделяло их от того, о чём они мечтали, и от того, что они могли бы сделать в Санта Фэ.

Так что же предприняли они? Единственное, что могли. Они взошли на гору. Не на высокие горы близ Санта Фэ. Нет, они поднялись выше. Они взошли на ту же самую гору, на которую 1800 годами раньше в Вифсаиде поднялся Иисус. Они поднялись на гору молитвы.

* * *

«Он взошёл на гору помолиться наедине.»(1)

В тот день Иисус столкнулся с невыполнимым заданием. Более пяти тысяч человек были готовы сразиться в бою, не ради которого Он пришёл в мир. Как Он мог показать им, что пришёл не для того, чтобы стать царём, а чтобы принести себя в жертву? Как Он мог отвлечь их взор от земного царства, чтобы они могли увидеть Царство Духа? Как они могли узреть вечное, когда обращали свой взор только на мирское?

Казалось непреодолимая бездна разделяла то, о чём мечтал Иисус, и что мог сделать. Поэтому Он молился.

Мы не знаем о чём была молитва, но у меня есть несколько собственных предположений:

- Он молился о том, чтобы глаза ослеплённые могуществом власти, сумели увидеть Божественную Истину.
- Он молился о том, чтобы ученики, испытывающие головокружение от успехов, сумели вынести горечь поражения.
- Он молился о том, чтобы вожди, жаждущие власти, последовали бы за Ним на крест.
- Он молился о том, чтобы люди, просящие хлеба насущного для живота своего, испытывали голод по хлебу духовному.

Он молился о том, чтобы свершилось невозможное.

А может быть я ошибаюсь. Может быть, Он не просил ни о чём. Может быть, Он просто замер в Божественном Присутствии и отдавался на милость Его Величия. А возможно, Он сложил своё измученное борьбой Я к Его Трону и отдыхал.

Может Он оторвал взор от смуты мирской такой длительной, что Божий ответ не услышать. А может припомнилось Ему, что жестокосердные не досаждают Небесному Отцу, и что люди, создающие проблемы, не тревожат Предвечного.

Мы не знаем, что делал и что говорил Иисус, но результат известен точно. Скала молитвы стала камнем, что кладут, дабы преодолеть водную преграду; буря стала тропею. А ученики увидели Иисуса так, как они никогда Его прежде не видели.

Была буря, Иисус молился. Темнело небо, выл ветер, Он всё молился. Люди в лодке ворчали - сомнение охватило учеников, Он всё молился. Вынужденный выбирать между людскими устремлениями и восхождением к вершине молитвы, Он молился.

Иисус не пытался решить вопрос в одиночку. Так почему мы должны поступать иначе?

В нашей жизни есть пропасти, которых не преодолеть одному. В нашем мире есть люди, чьи сердца нам самим не изменить. И горы покоряются только, когда на них взойдёте.

Держайте и открывшийся вид удивит вас.

Сёстры Лоретто были удивлены.

* * *

А история часовни продолжается; монахини молились девять дней. И вот в последний день поста в монастыре появился плотник, бородатый мексиканец с обветренным загоревшим лицом. Он объяснил, что прослышал, будто им нужна лестница на клирос часовни. Он подумал, что мог бы помочь.

Матери-настоятельнице нечего было терять, поэтому она дала своё согласие.

Он принялся за работу, имея простые инструменты, кропотливое терпение и непостижимое мастерство. Он работал восемь месяцев.

Однажды утром Сёстры Лоретто вошли в часовню и увидели, что их молитва услышана. Шедевр плотницкого умения поднимался спиралью от пола до клироса. Лестница в два полных оборота с тридцатью тремя ступенями была скреплена деревянными штифтами и не имела центральной опоры! Говорят, что строительным материалом является разновидность ели твёрдой породы, дерева, несуществующего в Нью-Мехико.

Когда сёстры обернулись, чтобы поблагодарить умельца, его уже не было. Его больше никогда не видели. Он не просил денег. Он не просил почестей. Это - был простой плотник, сумевший сделать то, что другие сделать не сумели, чтобы певцы подняли на клирос и пели.

Если хотите, можете убедиться в этом сами. Отправляйтесь в Страну Очарования. Войдите в эту часовню Удивительного и станьте свидетелем плодов молитвы.

Или, если хотите, поговорите с Великим Плотником сами. В вашем мире Он уже совершил невероятный подвиг. Он, как и плотник из Санта Фэ, построил лестницу, которую не сумел построить никто другой. Он, подобно тому безымянному умельцу, использовал строительный материал другого мира. Он, подобно тому мастеру, пришёл, чтобы перекинуть мост от того места, где вы находитесь, туда, где хотите быть.

Каждому году Его жизни соответствует ступень. Их тридцать три. Каждая ступень лестницы - это отвеченная молитва. Он построил её, чтобы вы могли подняться по ней.

И петь.

15. МУДРОСТЬ ДРОВОСЕКА

ВЫ БЫ КУПИЛИ ДОМ, осмотрев только одну из комнат? Купили бы машину, взглянув только на её колёса и подфарники? Вынесли бы вы суждение о книге, прочитав только один абзац?

Я бы нет.

Правильное суждение требует широкого обзора. Это справедливо не только к покупке домов, машин и книг, это относится и к оценке жизни. Одно падение не делает человека падшим; одна победа не делает его победителем.

«Конец дела - лучше его начала, т.е. конец - делу венец.» - писал мудрец.(1)

«Будь... терпелив в горе.» - эхом отзывался апостол Павел.

А один дровосек говаривал: «Не суди о фразе по первому слову.»

Дровосек? О, возможно, вы незнакомы с ним, так позвольте представить.

Мы познакомились в Бразилии. Его представила женщина, знавшая о том, как мне необходимо научиться терпению. В то время мы с женой Деналин находились в Бразилии уже шесть месяцев по пятилетнему контракту, и я был в отчаянии. Моё очарование Рио-де-Жанейро сменилось раздражением на язык, который я не знал, и на культуру, которую не понимал.

«Терпение, - бывало говорила Мария, - только терпение.» Мария была моей учительницей португальского. Но более всего: она была утишающим голосом в грозную бурю. С материнской настойчивостью она исправляла моё произношение и помогала полюбить её страну.

Однажды, будучи в отчаянии из-за того, что в который раз не смог забрать с таможни посылку (как правило на это уходило месяца три), я получил от Марии рассказ в качестве домашнего задания. Он помог мне изменить отношение к стране гораздо больше, чем знание португальского.

Это простая история. И всё же, для тех из нас, кто пытается судить о жизни только по одному дню, это - мудрое послание. Я не делал ничего, чтобы приукрасить рассказ. Я его просто перевёл. И молюсь о том, чтобы он напомнил вам, как напомнил мне, что терпение - великое мужество.

* * *

Однажды в очень маленькой деревушке жил-был старик. И хотя он был беден, в деревне ему все завидовали, потому что у него был красивый белый конь. Даже властитель той страны домогался стариковского сокровища, потому что подобного коня никогда не выдывали прежде - так он был великолепен, статен и силен.

Люди предлагали баснословные деньги за скакуна, но старик всегда отказывался, приговаривая: «Для меня это не просто конь. Он - человек. Как можно продавать человека? Он - друг, а не собственность. Как можно продать друга? Старик был беден, а искушение велико. Но он не продавал коня.

И вот однажды в стойле коня не оказалось. Вся деревня собралась у старика. «Дурак ты старый. - издевались люди, - Мы предупреждали, что тебя обкрадут. Ты так беден. Как ты мог вообще надеяться уберечь такое ценное животное? Лучше бы тебе было продать его. Ты бы получил за него любую сумму, какую пожелал. А теперь вот коня нет и несчастье, как проклятье, обрушилось на тебя.»

Старик же отвечал: «Не торопитесь языком. Скажите только, что коня в стойле нет. И это всё, что мы знаем, остальное из области суждений. Проклят я или нет, что вы можете знать об этом? Как вы можете судить?»

Люди возражали: «Не делай из нас дураков! Может быть, мы и не философы, но большой философии здесь и не надо. Всем понятно, что, если коня увели, то это - проклятье.»

И вновь старик сказал: «Всё, что я знаю, так это то, что стойло пусто и коня в нём нет. Остальное мне не известно. Я не могу сказать проклятье это или благословение. То, что мы видим, только часть целого. Кто может сказать, что будет дальше?»

А люди смеялись. Они подумали, что старик сошёл с ума. Они всегда считали его дураком; если бы он не был таковым, он бы давно продал коня и нажил большие деньги. А вместо этого он нищий дровосек, старик, который до сих пор валит деревья, вывозит их из леса и продаёт. Он кое-как сводит концы с концами, живя в жалкой нищете. А теперь стало ясно, что он действительно дурак.

Через пятнадцать дней конь вернулся. Его не украли: он убежал в лес. Он не просто вернулся, но и привёл с собой дюжину диких лошадей. И вновь сельчане собрались у дровосека и рассуждали: «Старик, ты был прав, а мы ошибались. То, что мы считали проклятьем, оказалось благословением. Пожалуйста, прости нас.»

А старик ответил: «Вы опять слишком торопитесь. Скажите просто, что конь вернулся. Вы можете утверждать только то, что с ним пришла дюжина лошадей, но не судите. Откуда вы знаете благословение это или нет? Вы видите только часть. Пока вы не узнаете всей истории, как вы можете судить? Вы прочли только одну страницу книги. Можете вы судить о всей? Вы прочли только одно слово из всей фразы. Можете вы понять её всю?»

«Жизнь так многообразна и всё же вы судите обо всей жизни по одной её странице, по одному слову. Всё, что у вас есть, это её кусочки. Не говорите, что это благословение. Никто этого не знает. Я доволен тем, что я знаю и меня не волнует то, чего я не знаю.»

«Может быть оно и так.» - говорили они друг другу. И хотя соглашаясь с ним, в глубине души считали, что старик не прав. Они полагали, это - благословение. С одной лошадью вернулось ещё двенадцать. Немножко труда и лошадей можно объездить и приручить, потом продать за большие деньги.

У этого старика был сын, единственный сын. Юноша начал объезжать диких лошадей, но через несколько дней упал и сломал обе ноги. И вновь односельчане пришли к старику, и вновь судили-рядили.

«Ты был прав», - говорили они, - «Ты оказался прав. Эти лошади не были благословением. Они были проклятием. Твой единственный сын сломал ноги, и теперь в преклонные года у тебя нет никого, кто бы мог помочь тебе. Ты сейчас беднее, чем был прежде.»

И опять сказал старик: Вас, люди, всё время обуревают страсть к суждениям. Не торопитесь. Скажите только, что сын мой сломал ноги. Кто знает, проклятье или благословение это? Никто не знает. У нас есть только кусочек целого. Жизнь состоит из таких кусков.»

И случилось так, что вскоре страна эта начала войну против соседнего государства. И всех молодых людей той деревни забрали в армию. Единственным исключением был сын старика, потому что был увечным. И опять люди пришли к старику, плакали и

причитали о своих сыновьях, призванных на войну. У них было мало надежды, что их дети вернуться: враг был силён, война могла быть проиграна, следовательно люди могли никогда не увидеть своих сыновей снова.

«Ты был прав, старик. - плакали они, - Бог свидетель, насколько ты прав. Всё указывает на это. Несчастье с твоим сыном обернулось благословением. Может быть, его ноги и сломаны, но он, по крайней мере, с тобой. Наши сыновья ушли навсегда.»

Старик заговорил вновь: «С вами невозможно говорить. У вас всегда готово решение. Но никто не знает всего. Скажите только одно: «Нашим сыновьям пришлось уйти на войну, а твоему нет. Никто не знает, благо или проклятье это. Никто из вас не является настолько мудрым, чтобы знать всё. Только Бог знает всё.»

* * *

А ведь старик был прав. У нас имеются только части целого. Жизненные неудачи и страдания только страницы великой книги. Мы не должны торопиться с выводами. Мы должны удерживать себя от суждений о бурях нашей жизни, пока не узнаем всю историю.

Я не знаю, где дровосек научился своему терпению. Возможно, от другого человека родом из Галелеи, тоже имевшего дело с деревом. Он был Плотником, сказавшим об этом лучше всего:

«Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём.»(3)

Ему положено знать, ведь Он - Автор нашей истории.

И Он уже написал последнюю главу.

16. ЗАКОНЫ МАЯКА

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ГОДА в Америке знаменателен тремя вещами: едой из бобовых, играми с мячом и списками. Некоторым не нравятся бобовые, другие ненавидят футбол. Но все любят составлять списки.

Составление списков действует ободряюще. Эти листы со списками успокаивают. Они сообщают, что этим сумасшедшим, махровым хаосом вставшей на дыбы вселенной можно как-то управлять и умирять её столбцами аккуратных колонок. Составить список это значит понять, решить и даже взять под контроль что-то. По этой причине в конце года мы не можем устоять перед желанием настроичить на листе свой список, подобно тому, как марают листы Вашингтонские бюрократы.

Мы составляем списки лучших фильмов... лучших книг... худших моделей... самого популярного... самого непопулярного... самого загадочного... самых высокооплачиваемых. Мы салютуем хорошему и иронизируем над плохим. Мы подводим итог году составлением списков - списков «на прощание».

И хотя первый день Нового Года - наиболее щедр на списки, в остальные дни года их, никоим образом, не меньше.

- Лист с гастрономическим списком сообщает вам, что желателен поход на рынок.

- Вероятно, в вашем еженедельнике есть листочки с рубрикой «Это надо сделать». Сюда записываются и здесь нумеруются дела, которые хотелось бы сделать, но которые, вероятнее всего, не будут сделаны.
- У вас есть листок со списком книг, которые нужно купить.
- Есть листы с перечнем авиамаршрутов, которые вам предлагают выбрать.
- Ваша телефонная книжка - это листы со списками номеров, которыми вы пользуетесь.

Несомненно, в Библии есть свои списки. Моисей принёс с горы один список. Ной, наверняка, имел свой список того, что нужно грузить на ковчег. В Нагорной проповеди Иисус дал список принципов Своего учения. (В главе 12 Послания к Римлянам Павел даёт свой вариант). Матфей и Лука составили генеалогический список Иисуса. А Иона привёл список чудес рая.

Существует перечень даров Духа Святого. Листы с перечнем худых и добрых плодов, восхвалений и приветствий. Сюда можно отнести даже лодку с двенадцатью учениками, поскольку похожая на лист, она раскачивалась и кренилась в штормовом море Галелейском. (Аналогия вызывает улыбку? Но у меня есть целый лист со списком таких аналогий, чтобы удивить вас.)

Но всё же первый день Нового Года имеет самое большое количество листов, а лист со списком номер один - это, как я его называю, перечень Законов Маяка.

Перечень Законов Маяка содержит непреложные и непоколебимые истины. Добавления к нему станут правомочны только, если будут отвечать характеристикам маяка, которые:

- предупреждают вас о возможной опасности;
- указывают безопасную гавань;
- способны выдержать любой шторм;
- ярче всего светят в тумане.

Законы Маяка это больше, чем хорошие идеи, честное суждение или личностное предпочтение. Это - Богом данные, проверенные временем истины, определяющее путь, по которому следует прокладывать свою жизненную дорогу. Изучите их - и будете наслаждаться безопасным маршрутом. Проигнорируете - и разобьётесь об острые скалы реальности.

* * *

В одном из журналов морского ведомства Франк Кох так описывает важность следования Законам Маяка:

Два боевых корабля, приписанных к учебной эскадре, находились в открытом море на манёврах. Уже несколько дней стояла ужасная погода. Я проходил службу на флагманском корабле, и в тот день нёс ночную вахту на мостике.

Туман висел ключьями, видимость была плохая, поэтому капитан оставался на мостике, бдительно следя за происходящим вокруг.

С наступлением темноты вахтенный доложил: «Огонь справа по борту.»

«Неподвижен или смещается к корме? - уточнил капитан. «Неподвижен, сэр!» - ответил наблюдатель. Это означало, что у нас по курсу в опасной близости был второй корабль.»

Тогда капитан вызвал сигнальщика и приказал: «Просигналь: «Столкновение по курсу, советую изменить курс на 20 градусов»

В ответ просигналили: «Могу посоветовать вам изменить курс на 20 градусов.»

Капитан ответил: «Посылай: Я - капитан, измените курс.»

«Я - матрос второго ранга. - пришёл ответ, - Изменить курс лучше вам.»

К этому времени капитан был уже в ярости и рявкнул: «Посылай: Я - боевой корабль. Измените курс на 20 градусов.»

В ответ просигналили: «Я - маяк.»

Мы изменили курс.

Замечательный ход. Мудрый капитан всегда исправляет курс корабля в соответствии с сигналом маяка. Мудрый человек поступает также.

* * *

Вот маяки, которые я ищу, и сигналы, за которыми внимательно слежу:

- Любите Бога больше, чем боитесь ада.
- Пусть дети раз в неделю вытащат вас на прогулку.
- О суетном не думайте на кладбище.
- Даже если на вас никто не смотрит ведите себя, как будто это так.
- Добейтесь успеха сначала в семье.
- Сегодня не тратьте деньги, предназначенные на завтра.
- Когда раздражены, молитесь в два раза больше.
- Слушайте больше, чем говорите.
- Питайте зависть только к деяниям Господа.
- Никогда не переставайте любить закаты.
- Обращайтесь с людьми как с ангелами, и вы встретите их или поможете некоторым стать таковыми.
- Лучше ошибиться в пользу щедрости, чем скупости.
- Господь прощает вас, было бы мудро поступать также.
- Когда вам не понятны поступки Бога, доверьтесь Ему сердцем.
- Будете трубить только в свою трубу, мелодии не будет.
- Не изводите себя за то, что получили Божью милость.
- Книга жизни читается по главам, так что помните номер своей страницы.
- Не допускайте, чтобы важное стало жертвой тривиального.
- Воплощайте своё богослужение.

И чтобы подытожить всё это, я говорю:

Относитесь к жизни как к путешествию по морю на шхуне. Насладитесь окружающим вас видом. Поработайте с парусами. Подружитесь с капитаном. Порыбачьте немножко. А потом покиньте корабль, добравшись до гавани.

17. ОН ГОВОРИТ СКВОЗЬ БУРЮ

«Я СЛЫШАЛ О ТЕБЕ СЛУХОМ УХА, теперь же глаза мои видят Тебя.»(1)

Всё случилось в один день. Вчера он мог выбирать удобное для себя время, чтобы поиграть в гольф на лучших кортах страны, а сегодня его не взяли бы даже подносящим клюшки. Вчера он мог пересечь страну на реактивном лайнере, чтобы увидеть схватку тяжеловесов в Лас Вегасе, а сегодня не мог позволить себе даже поездку на городском автобусе, чтобы добраться на другой конец города.

Речь идёт о спокойствии, переходящим в хаос.

Первой рухнула его империя. Рынок терпит крах; его активы падают. Всё летит вверх тормашками. Что было наверху, оказывается внизу. Акции обесцениваются и Иов становится банкротом. И вот он сидит в своём кожаном кресле за письменным столом красного дерева, что вскоре будет продан с аукциона, когда звонит телефон, принося известие о бедствии номер два:

Дети находились на отдыхе во время каникул, налетел шторм и забрал их.

Ошарашенный и словно контуженный Иов смотрит в окно на небо, которое с каждой минутой кажется ему темнее и темнее. Он начинает молиться Богу, говоря, что всё происходящее - хуже некуда, однако оказывается это не всё. Он ощущает боль в груди, но она не от вчерашнего обеда, и следующее, что он помнит, это как его везут в машине скорой помощи, снимают кардиограмму и ставят капельницу.

Всё заканчивается подсоединением к стимулятору сердца в общей госпитальной палате рядом с иммигрантом, не знающим ни слова по-английски.

Нельзя сказать, что Иову не достаёт общения.

Первой появляется жена. Кто бы мог обвинить и упрекнуть её, когда, убитая трагедиями этой недели, она призывает Иова «похулить Бога». Но проклясть и умереть? Если после таких слов Иов не испытал чувства покинутости, то, как вы догадаетесь, он чувствует себя таковым, когда жена в отчаянии говорит, что лучше бы его отключили от системы жизнеобеспечения, чтобы покончить со всем этим разом.

А потом ещё друзья в роли сиделок с манерами сержантов-инструкторов по строевой подготовке, и сочувствием живодеёра с циркульной пилой. На современном языке их речь звучала бы так: «Друг, ты должно быть действительно сделал что-то плохое. Мы знаем Господь добр, и если с тобой происходит что-то плохое, значит ты был плохим. Вот и всё.»

Принимает ли это Иов безропотно? Нет, едва ли.

Вот, что он говорит: «Вы, доброхоты, успокоители бесполезные. О, если бы вы только молчали, это было бы вменено вам в мудрость.»(2)

Как бы мы это сказали сейчас? «Почему бы вам не убраться со своей философией обратно в свинарник, где вы обучились ей.»

Иов возражает: «Я не плохой человек. Я плачу по счетам. Активен в выполнении социальных обязанностей. На ярмарках я - доброволец в пожертвованиях для больниц.»

В своих собственных глазах Иов - хороший человек. А хороший человек, как резонно считает Иов, заслуживает хорошего отношения в ответ.

«Твои страдания для твоего же блага.» - утверждает Елиуя, молодой только что из семинарии пастор, проживший не так уж долго, чтобы стать циничным, и не достаточно переживший, чтобы быть более мудрым. Он вышагивает взад и вперёд по больничной палате с Библией под мышкой, с поднятым вверх указательным пальцем.

«Вот, всё это делает Бог два-три раза с человеком, чтобы отвести душу его от могилы и просветить его светом живых.»(3)

Иов следит за его хождениями, как вы следили бы за игроком в настольный теннис, поворачивая голову туда сюда. Наверное то, что говорит этот молодой человек не такая уж плохая философия, но больно неудобная. Иов постоянно теряет нить рассуждения и всё глубже сползает под простыни. У него болит голова, жжёт глаза, и ломит ноги. Он больше не усваивает пустых проповедей.

А на его вопрос ответа всё ещё пока нет.

«Господи, почему это происходит со мной!?»

И вот говорит Бог.

Он говорит из грома. Он говорит с небес. Он говорит для каждого из нас, кто поддержал бы Иова в его вопросе и подписался бы под ним.

- Он говорит отцу с розой в руке, взятой с крышки гроба, в котором тело его сына.
- Он говорит жене с национальным флагом в руках, покрывавшим гроб с телом мужа.
- Он говорит супружеской паре, отчаявшейся иметь ребёнка и горячо молящейся.
- Он говорит любому, кто старается увидеть Господа сквозь треснувшее стекло.
- Бог говорит тем из нас, кто осмелился сказать: «Господи, если ты - Бог, тогда...»

Он говорит из бури и к буре, потому что это то место, где находится Иов. Место, от куда Бога слышно лучше всего.

И вот в палате громом гремит голос Господа, от чего пастор садится, а Иов встаёт. С этого момента эти двое уже никогда не будут теми, кем были прежде.

«Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?»(4)

Иов не отвечает.

«Перепояшь ныне чресла твои, как муж; Я буду спрашивать тебя, и ты отвечай Мне.»(5)

«Где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь?»(6)

Иове и одного вопроса достаточно, но не Богу.

«Кто положил меру ей? - вопрошает Господь, - Кто протягивал по ней вервь? На чём утверждены основания её, при общем ликовании утренних звёзд, когда все сыны Божии восклицали от радости?»(7)

Вопросы рвутся вперёд. Они проливаются стеной дождя. Они заполняют каждый уголок сердца Иова благоговением, восторгом и красотой, оставляя каждого, когда-либо жившего, Иону пребывать в безмолвии, внимать и смотреть, как Мастер вновь утверждает, кто есть кто во Вселенной.

«Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место её, чтобы она охватила края земли и стряхнула с неё нечестивых?»(8)

Вопросы Господа предназначены не для того, чтобы обучить; они предназначены для того, чтобы ошеломить. Его вопросы предназначены не для того, чтобы просветить; они предназначены для того, чтобы разбудить. Эти вопросы предназначены не для того, чтобы пробудить ум; они предназначены для того, чтобы преклонили колени.

«Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной? Обозрел ли ты ширину земли? Объясни, если знаешь всё это? Где путь к жилищу

света, и где место тьмы? Ты, конечно, доходил до границ её и знаешь стези к дому её. Ты знаешь, потому что ты был уже тогда рождён, и число дней твоих очень велико!»(9)

И вот слабая рука Иова поднимается, как бы желая закрыть уста, а Господь молчит, ожидая его ответа. «Вот я ничтожен, что буду отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил - теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду.»(10)
Ведь отповедь Господа указала на то, что:

- Иов есть крестьянин, указывающий царю, как управлять державой.
- Иов - невежда, требующий, чтобы относящиеся к нему личные местоимения писались заглавными буквами.
- Иов - подносящий бейсбольные биты, но диктующий чемпиону, какую позицию тому следует занять.
- Иов - глина, требующая от гончара, чтобы тот не давил на него слишком сильно.

«Кто предварил Меня, чтобы Мне воздавать ему? - провозглашает Господь в возрастающем вое ветра, - «Под всем небом всё Моё.»(11)

Иову нечего возразить. Бог никому ничего не должен. Никаких объяснений. Никаких извинений. Ни от кого никакой помощи. У Бога нет догов, никаких одолжений и неоплаченных счетов, требующих возврата. Ни одному человеку Бог ничего не должен. Поэтому так поразителен факт, что Он дал нам всё.

* * *

Важным является то, как вы понимаете это праведное изложение. При желании сокрушительную речь Господа можно воспринимать, как обращённую лично к вам, святую тираду. Не отвеченные вопросы можно использовать, как доказательства жестокости, суровости и отстранённости Бога. Книгу Иова можно использовать как свидетельство того, что Господь задаёт нам вопросы, а не отвечает на них. Понимая это так, вы берёте ножницы, т.е. вы отрезаете часть Книги Иова. Потому что дело не в том, как Иов слушал Его речь. Всю свою жизнь он верил в Бога. Всю свою жизнь он рассуждал о Боге, имел своё понимание о Нём и молился Ему.

Но в бурю Иов видит Его!

Он видит Надежду. Того, Кого любят. Того, Кто может истребить всё. Того, Кто одаривает. Мечтателя. Избавителя.

Не суровый гнев Господа видит Иов, а бесконечную любовь, которую часто принимают с особым недоверием. Как былинка предстаёт Иов пред всёпоглощающим пламенем великолепия Божия. Претензии Иова тают как воск, когда Господь отдёргивает занавес и немеркнувший свет небесный разливается по земле.

Иов видит Бога.

На этом Господь мог бы поставить точку. Молоток Судьи опущен, вердикт вынесен. Предвечный Судья высказался.

Но ведь Господь не гневается на Иову. Суров? Да. Строг? Несомненно. Честен и осуждающий? Так точно. Но разве гневен? Нет.

Свеча искренне ищущего никогда не раздражает Бога.

Если вы будете подчёркивать какие-нибудь строки из Книги Иова, подчеркните вот эту: «Я слышал о Тебе слухом уха моего, теперь же мои глаза видят Тебя.»(12)

Иов видит Бога - и этого ему достаточно.

Но недостаточно Богу.

Пройдут годы и Иов вновь однажды будет сидеть за письменным столом красного дерева, поправившийся физически и финансово. И однажды вновь у него на коленях будут сидеть дети, внуки и правнуки - до четвёртого поколения.

Если когда-либо Иов задумается, почему Бог не возвращает детей, забранных ранее, то не произнесёт этого вопроса Иов. Возможно потому, что он полагает, что его дети, вероятно, никогда не смогут быть счастливее, нежели пред очами Того, кого Иов видел своими глазами так недолго.

Что-то подсказывает мне, что Иов повторил бы всё снова, чтобы услышать Божий Глас и встать в Его Присутствии. Даже, если бы Господь оставил его с болячками и долгами, Иов всё равно поступил бы также.

Ведь Господь подарил ему больше того, о чём Иов мечтал. Господь подарил ему Себя.

18. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИЛИГРИМОВ

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его и возвёл их на гору высокую одних, и преобразился пред ними и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие. При сём Пётр сказал Иисусу: «Господи! Хорошо нам здесь быть: если хочешь сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. Когда он ещё говорил, се, облако светлое осенило их, и се, голос из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Моё благоволение; Его слушайте.»(1)

* * *

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА ВХОДИТ В ДОМ к матери; она идёт, переваливаясь как утка, поскольку находится на восьмом месяце беременности. Плюхнувшись на диван, скидывает туфли и, ставя отёкшие ноги на низенький столик, вздыхает: «Мне кажется, я этого не вынесу.»

Умудрённая годами мать берёт альбом с фотографиями детей и садится рядом с дочерью. Открыв его, они рассматривают снимки малышей в подгузничках и пинеточках. Две женщины медленно переворачивают страницы альбома, наполненного воспоминаниями, и улыбаются, глядя на ребят, задувающих свечи или сидящих у рождественских ёлок.

Мать видит своё вчера, дочь - завтра.

И в это мгновение что-то изменяется в ней. Здесь и сейчас становятся там и потом. Её ребёнок родился. Она видит его первый спотыкающийся шаг. Она слышит его первое слово, понятное только маме. На ножки в чулочках она одевает чёрные кожаные башмачки, а на головку, где почти нет волос, но от этого не менее ценную, укрепляется бантик.

И происходит преобразование: боль в спине перекрывается предстоящей радостью, рука, растиравшая шею, теперь покоится на животе. И в первый раз за этот день она улыбается.

* * *

В Чикаго снежная буря, и он застрял в аэропорту. В зале нет свободных мест, поэтому он отправляется в кафетерий. Но и там всё занято. Купив то, что можно съесть на ходу, он опять бредёт в зал ожидания и там садится на портфель-дипломат, положив пальто на колени.

Он смотрит на часы. *Почти полночь! Может следует переночевать в отеле?* Размышляет он. *Сейчас я мог бы быть на полпути к дому. Кто знает, когда я смогу улететь?*

Вздыхнув, прислоняется спиной к стене. Он ждёт. Потом расстёгивает пуговицу на воротнике рубашки и ослабляет галстук. Затем трёт обросший подбородок и шею. В уме он перебирает события недели. Звонков сделано много, а заказов мало. Кого винить? Экономику? Систему? Бога? Но разве это прибавит денег в банке?

В соседнем зале имеются свободные места, телевизор и возможность нормально поесть, но этот зал для тех, у кого есть деньги или власть. В лучшие времена он мог позволить себе оплатить такие услуги, однако сейчас эти деньги пойдут на оплату дантиста и взносы на высшее образование детей.

Объявляют посадку - он вытаскивает из нагрудного кармана посадочный талон. Рейс не его - он засовывает талон назад в пальто, лежащее на коленях. Кожаная визитка выпадает из кармана - он поднимает её и без всякой видимой причины заглядывает внутрь.

Там, среди кредитных карточек, квитанций такси находится фотография семьи - его семьи. Девочка-подросток с глазами как у мамы. Она улыбается и видны металлические браслетки на зубах. Сын-студент - в голубых джинсах с шейным платком университета. Он по возрасту где-то на полпути от отрочества к возмужалости. И жена. Бог, ты мой! Неужели это было 25 лет тому назад? Мысленно долой несколько морщинок и несколько килограммов, и он вновь видит её в свадебном платье. Всего мгновение и он - дома. Телевизор выключен. Дети уложены. Собака на месте. Двери закрыты. Огонь в камине поблескивает золотом. Жена сидит на кушетке. Всего мгновение и мир аэропорта, отелей и звонков о распродаже оказывается за тридевять земель. А он там, где всё дорого. Он - дома.

Кто-то хлопывает его по плечу и слышится мягкий голос: «Это не ваш рейс?». Он окидывает взглядом полупустой зал... видит очередь, стоящую на выходе...и улыбается.

«Да.» - говорит торговый агент и встаёт, - «Это мой рейс домой.»

* * *

Четверо медленно поднимаются на гору. Добравшись до ровной площадки на склоне горы, они садятся. Уже поздно - путешествие было долгим. Они устали. Болят мышцы. Серое мягкое покрывало сумерек окутывает их.

Четверо пилигримов очень хотят спать, но засыпают только трое. Четвёртый сидит в тени. Ноги скрещены. Лицо поднято к небу. Оттуда на своего Создателя смотрят

звёзды. Ветры обдувают плечи своему Творцу, освежая кожу. Он скидывает сандалии, растирает натруженные ступни и размышляет о несообразности происходящего.

Бог и натруженные ноги? Свят и голоден? Божество и хочет пить? Творец Мира и измучен своим творением?

Мысли устремляются к дому.

Назарет. Было бы хорошо оказаться снова дома.

Как легко всплывают воспоминания. Вот - покрытый опилками верстак. Друзья, что остановились поболтать. Смех за обеденным столом. Потасовки с братьями. Синагоги. Дом. Домашние.

Как бы я хотел отправиться домой.

Но Назарет никогда больше не будет домом: его хотели убить, когда он был там в прошлый раз. Соседи, друзья, учителя, одноклассники ... они сжимали в руках камни, предназначенные для него. Даже братья и сёстры считали его безумным и хотели спрятать, а потом отослать прочь. Им было стыдно, что о них будут говорить, как о его семье.

Нет, Назарет никогда больше не будет его домом.

А Галилея? Он мог бы вернуться в Галилею. Там его слушали толпы народа. Там люди следовали за ним. Но он покачал головой. *Пока я давал им хлеб ... Пока я говорил то, что они хотели слышать* Он увидел, как люди будут отворачиваться от него. Он услышал, как они будут глумиться над ним. Он почувствовал их отторжение.

Нет, никогда я больше не вернусь в Галилею.

Он думает об Иерусалиме. Этот город не предложит утешения. Ему известно, как тот поступит с ним. Боль, что он вскоре испытает, пронзает запястья. Он вздрагивает от того, что кто-то рассечёт ему бровь. Он видит, как станет всё темнее и темнее вокруг. «О, Боже!» - кричит предчувствие внутри него.

Он встряхивает головой и прерывисто переводит дыхание. Мысли возвращаются к настоящему.

Сорвав травинку, суёт её в рот. Он сидит в тени своего страха.

Он смотрит на своих последователей настолько же сонных насколько и наивных. Они ничего не понимают. И даже не могут понять. Он говорит им о страдании, а они думают о завоевании. Он говорит им о жертве, а они думают о торжествах. Он есть художник, что рисует для дальтоникиков. Он есть певец, что поёт для глухих. Они соглашаются и аплодируют. Им кажется, что они видят. Им кажется, что они слышат. Но нет ни того, ни другого.

Они не видят. Ни один из них.

Часть его существа заранее знала, что так оно и будет. Другая же никогда не предполагала, что это будет настолько плохо.

И вот эта часть задаётся вопросом, *Неужели будет настолько плохо, что захочется отказаться?* В конце концов настанут, возможно, и лучшие времена. Придут другие поколения ... другие люди.

Он отдал им самое лучшее. А что же получает взамен? Несколько оборванцев, добросердечных, но туго соображающих последователей, которым суждено будет пасть лицом в грязь, споткнувшись об обещания, которые они не смогут выполнить. Он прячет лицо в ладонях, закрывает глаза и молится. Он знает, это - единственное, что он может сделать сейчас.

Звучит знакомо, не так ли, искатели истины? Так ли уж давно вы отправлялись на поиски истины - Рыцари Круглого Стола в поисках святого Грааля? О, как густ был лес вопросов. О, как глухи заросли недоразумений. Было легче ничего не говорить, чем задавать вопросы, и вы всё бросали.

Звучит знакомо, неправда ли, мечтатели? Вам так сильно хотелось изменить мир. Конечно, горы проблем были высоки, а вы-то - отважны... Но налетали ветры, сбивая с широкого шага. Вы резали ноги и ... разбивали сердца об острые скалы реальности. И наконец обнаруживали, что роль циника обходится дешевле роли мечтателя. Поэтому вы бросали всё и садились.

Но кое-что вам необходимо знать: Иисус тоже сажился и бездействовал.

О, конечно, были моменты, когда Он поднимался во весь рост. Были часы триумфа. Динамичные дни, в течение которых и прокажённые излечивались, и мёртвые оживали, и люди молились. Да, бывали такие дни.

Но плато Его известности было изрезано и глубокими ущельями одиночества.

Он пришёл на эту скалу, потому что и сегодня расселина глубока. Отвесные стены не оставляют надежды на спасение. Скалистые навесы смыкаются, заслоняя обзор, а физические возможности на исходе.

Он садится, прячет в ладонях мокрое от слёз лицо и молится. Это всё, что он может сделать сейчас.

Всё, что может сделать видящий его Отец, так это принять его молитву.

И свет приходит из другого измерения, входит в одинокую фигуру и лучится.

«Пока он молился - пишет Лука, - выражение его лица изменилось, а его одежды стали яркими как свет молнии.»(2)

Иисус излучает славу. На мгновение он преобразуется; от него исходит ослепительное сияние. Он становится таким, каким был прежде, до того, как пришёл в этот мир. На краткий миг, на сияющие мгновение бремя людское отступает. Происходит исчезновение телесной оболочки. Он поднят над земным горизонтом - его сопровождают в вечность. Он снова дома: Его окружают знакомые звуки, Его приветствуют единомышленники, а Тот, кто послал его ... обнимает сына.

Пыльные дороги и жестокие сердца - в буквальном смысле за тридцать земель.

Тому, кто чувствовал себя утомлённым напоминают: усталость скоро пройдёт.

В блеске вечных одежд рядом с Князем Мира стоят Моисей и Илия. Когда в пустыне Иисус готовил себя к делу жизни, его пришли подбодрить ангелы. Сейчас на горе, он готовит себя к делу смерти, рядом становятся Илия и Моисей: Законодатель Моисей, чья могила неизвестна никому, и пророк Илия, объехавший смерть на огненной колеснице.

Тому, кто знаком со смертью, напоминают: могила - бессильна.

А потом громом гремит Голос - это Бог обитает сейчас в облаке. Оно клубится и светится как огонь. Оно поглощает тени. Оно превращает окутанную ночным мраком гору в сияющий монумент. И из чрева облака говорит Господь:

«Это есть мой Сын, возлюбленный, в котором Моё благоволение; Его слушайте.»(3)

Того, кто испытал отчаяние, укрепляют: «Не имеет значения, что думают люди, - провозглашает Господь, - имеет значение только то, что думаю Я.. А Я - горд.»

Вот теперь встаёт Иисус. Вот теперь просыпаются ученики.

Для Петра, Иакова и Иоанна - эта сцена причудлива: ослепительные одежды, голос с небес, ожившие образы прошлого.

А для Иисуса - это возможность увидеть дом. Взгляд в прошлое. Краткое видение завтрашнего дня.

Он схож с матерью, ожидающей рождение новой жизни и страшющейся родовых болей.

Он похож на отца, что в дальнем холодном краю далеко от дома.

Ему, также как им и нам, на краткий миг дано увидеть дом.

И мечта о нём в дне завтрашнем становится поддержкой дню сегодняшнему.

19. НАШ ШТОРМ – ЕГО ДОРОГА

ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО ОДИН ИЗ УЧЕНИКОВ ИИСУСА вёл дневник. Представьте себе, что тот ученик сделал в нём запись после шторма, утром следующего дня. И представьте себе, что мы обнаружили тот дневник. Вот, как бы он читался в моём представлении.

* * *

Что-то невообразимое и совершенно неожиданное обрушилось на нас.

Небосвод без звёзд навис как чёрный потолок. Клубились громадные тучи. Казалось, они вздымаются как рычащий медведь, вставший на задние лапы. О, как ревела буря.

Вспышки молний дирижерской палочкой давали команду к вступлению литаврам грома. И он гремел. Его раскаты потрясали всё: небеса, землю и - более всего - море, как будто оно, море Галилейское, было чашей в руках танцующего исполина. Из глубин моря поднялись волны, превратившие его зеркальную гладь в горные с белоснежными шапками вершины. Стремительной птицей волны то взлетали на несколько метров ввысь, то стремглав падали вниз. И среди волн болталась наша лодка, с которой они играли, как дети с мячом.

Как ни налегали мы на вёсла, всё было напрасно - и мы отдались на милость волн. А они поднимали нас так высоко, что нам казалось будто мы достигли небес, а потом швыряли вниз, в бездну.

Мы были былинкой в водовороте ... листком, гонимым ветром - мы были беспомощны.

И вот тогда появился свет. Сначала я решил, что этот блик есть отражение луны на воде. Но какая луна в такую ночь?! Вновь взглянув в ту сторону, я увидел, что свет двигался к нам, но не сверху над волнами, а сквозь них. И не только я один видел это.

«Призрак!» - воскликнул кто-то. Сейчас же страх пред морем затмился новым ужасом. Чем ближе подходил призрак, тем стремительней неслись мысли. *Что это? Игра воображения? Видение? Кто? Как? Что за мистический свет, появившийся так ...?*

Небо осветилось вспышкой молнии. На мгновение я увидел лицо ... Его лицо. Мне потребовалась лишь секунда.

То был Учитель!

Он заговорил:

«Ободритесь! Это - Я. Не бойтесь!»(1)

Ничего не изменилось. Всё также свирепствовал шторм. Всё также завывал ветер. Лодку продолжало швырять. Гром продолжал греметь. И всё ещё хлестал дождь. Но сквозь этот шум я слышал Его голос. И хотя Учитель был всё ещё далеко, мне казалось, что Он рядом. Была лютая ночь, а Он говорил так, будто море безмятежно и небеса спокойны.

Сам не знаю как, но ко мне вернулось мужество.

«Господи! Если это Ты ... повели мне пройти к Тебе по воде.»(2)

То был голос Петра. Он не был дерзок. Не требовал доказательств. Он был испуган. Как и я, Пётр знал, что может натворить шторм. Он знал, как быстро идут ко дну лодки в такую бурю. Но он знал, что Иисус всегда на высоте. И ещё он знал, где ему хочется быть ... где мы все хотим быть.

«Пойдём.» - приглашает Иисус.

И вот Пётр перелез через борт лодки и ступил на воду. Среди высоких волн перед ним открылся путь. Он шёл быстро. Кругом бурлила вода, а он продолжал идти. Эта дорога к Иисусу была как гладкая лента. Она была мирная, тихая и спокойная.

Иисус, излучающий свет, стоял в конце пути ... и улыбался.

Пётр шёл к свету, как к своей единственной надежде. Он был на полпути к Нему, когда мы услышали гром. Он грянул, и Пётр остановился. Я видел, как повернулась его голова. Он взглянул вверх на небо. Взглянул на облака. Ощутил силу ветра. И упал.

Бедняга, как пронзительно он закричал.

Но сквозь толщу воды прошла рука и схватила Петра. В свете вновь сверкнувшей молнии, я сумел разглядеть лицо Иисуса и не увидел улыбки - боль покрывала его. Он не мог поверить в то, что мы не умеем верить. Опасная для нас дорога казалась просто просёлком для Него, и мне захотелось спросить: «Неужели ты не боишься, Иисус? Неужели тебе не страшно?»

Но я ничего не сказал. Вернее не успел - Он был уже с нами в лодке.

Море стало тихим и нежным, как шёлк.

Утих ветер.

В тучах открылось чистое небо, и на воду упал мягкий лунный свет.

Всё случилось моментально. На это не ушла ни минута, ни час, ни остаток ночи. Это произошло мгновенно.

От хаоса к тишине. От ужаса к спокойствию. Небеса умолкли так неожиданно, что я мог слышать стук собственного сердца. Мне казалось, что я сплю. Но увидев широко раскрытые глаза товарищей и почувствовав мокрую одежду, прилипшую к телу, понял, что это - не сон. Я посмотрел на воду. На Петра. На товарищей. И взглянул на Него.

Потом я сделал единственное, что мог. Со звёздами вместо свечей и утихшим морем вместо алтаря я пал к Его ногам и молился.

Бывают в жизни человека события, во время которых ему становится ясно, что он никогда уже не будет прежним. Есть мгновения, которые навсегда будут служить ему верстовыми столбами. С нами произошло тоже самое.

Я никогда не видел Иисуса таким, каким я видел Его в шторм. Я знал Его могущественным. Я знал Его мудрым. Я был свидетелем Его власти и дивился Его возможностям. И я знаю, что никогда не забуду то, что предстало передо мной прошлой ночью.

Я видел Бога. Бога, который может оставаться спокойным даже, если шторм слишком силён. Бога, который подходит достаточно близко, чтобы можно было увидеть Его, в тот момент, когда я нуждаюсь в Нём, потому что сильно напуган.

Я видел Бога. Мне нужен был шторм, чтобы увидеть Его. И я видел Его. Поэтому никогда не буду прежним.

20. ОНИ НЕПРЕМЕННО ПОСТУПИЛИ БЫ ТАК ОПЯТЬ

ОНИ НЕПРЕМЕННО ПОСТУПИЛИ БЫ ТАК ВНОВЬ. Я уверен, что они бы так и сделали. Ученики непременно сели бы в ту же лодку и вновь пережили подобный шторм. Они повторили бы это не задумываясь. Почему?

Потому что в шторм они увидели Спасителя.

Прочтите этот стих: «Бывшие же в лодке, поклонились Ему и сказали; истинно Ты Сын Божий.»

Они поклонились Ему после шторма. Вместе они никогда не делали этого прежде. Никогда. Можете проверить. Откройте Библию. Найдите хотя бы одно упоминание, чтобы ученики вместе восхвалили Его до этого случая.

И вы не найдёте.

Ни когда Он излечивает прокажённого. Прощает блудницу. Проповедует людям.

По воле своей они последовали за Ним. По воле своей оставили дома свои. Добровольно стали под Его знамёна.

Но только после случая на море они действительно поклонились Ему. Почему?

Да очень просто. Это - их спасли в тот раз. Их тела выдернули из пучины. Образно говоря, вытащили из петли. Только что они находились на краю бездны, тупо уставившись в её разверзшуюся пасть, а в следующее мгновение они, канувшие было на дно и ошарашенные, оказались на лодке, спокойно покачивавшейся на безмятежной поверхности моря.

Поэтому они поклонились Ему. Они сделали единственное, что могли, получив отсрочку смерти на последней минуте. Они увидели Вечного Правителя, который спасает, и возблагодарили Его.

* * *

Если вы признаете Бога Творцом, вы будете восхищаться Им. Если признаете мудрость Его, вы будете учиться у Него. Если вам откроется сила Его, вы последуете за Ним. Но только, когда Он спасёт вас, вы поклонитесь Ему.

Это - как станс «До и после». До спасения вы запросто могли дистанцироваться от Бога. Свободно могли отмахнуться от Него. Аккуратно хранили Библию на полке. Конечно, Он был важен для вас, но и ваши успехи тоже. Ваше положение. Ваша зарплата. В списке наиболее важного Он занимал, конечно, верхнюю строчку, но делил её с другими.

А потом разразился шторм, а с ним пришли ярость... борьба... разбитый причал.... мглистая ночь. Как туман, пало отчаяние, поглотив ваше терпение. Вы сердцем чувствуете, что выхода нет.

Будете обращаться за помощью к своему положению? Только, если хотите спрятаться от бури ... но не избежать её. Обопрётесь на звание, чтобы обрести силу? Но оно не произведёт впечатления на шторм. Будете полагаться на зарплату, чтобы спастись? Многие пытаются ... но терпят поражение.

И неожиданно вы остаётесь с единственным решением: Господь.

И если вы попросите ... попросите искренне ... Он придёт.

И вот с этого момента и далее Он - не просто божество, которым надо восхищаться, не просто учитель, у которого надо учиться и не господин, которому надо подчиниться. Он - Спаситель, которому надо поклониться.

Вот почему я убеждён, что ученики непременно поступили бы так опять. Если бы от них потребовалось, они бы вынесли ещё одну... и тысячи таких же ночей.

Чтобы увидеть чистый образ Господа, страдание - небольшая плата.

Горечь неудач

21. ЗАМКИ ПЕЧАЛИ

САРА БЫЛА БОГАТА. ОНА УНАСЛЕДОВАЛА двадцать миллионов долларов плюс ежедневную прибыль в тысячу долларов.

В любое время это - большие деньги, а в конце 18 века эта сумма была просто огромна.

Она считалась самой красивой женщиной городка Нью Хейвен в Коннектикуте. Сара была очень известна. Ни одно общественное событие не обходилось без её участия. Её приглашали на все торжества.

Сара была могущественна, поскольку имя и деньги открывали ей почти любую дверь в Америке. Школы нуждались в её пожертвованиях. Политические деятели шумно требовали поддержки. Её благосклонности искали многие организации.

Да, Сара была богата. Известна. Всесильна. И несчастна.

Её единственная дочь умерла пяти недель от роду. Потом скончался муж. Она осталась одна с деньгами, именем, воспоминаниями ... и виной. Её настоящее оказалось пленником прошлого, а она так жаждала свободы.

Именно чувство вины заставило её переехать на запад. Глубокое покаяние привело её в город Сан Джоуз в Калифорнии.

Купив ферму и сто шестьдесят акров в придачу, она наняла шестнадцать плотников и дала им работу.

В течение тридцати восьми лет рабочие трудились по двадцать четыре часа, чтобы построить особняк.

Указания Сары были эксцентричными... совершенно жуткими. Архитектурный стиль здания был просто кошмарным. Наблюдателей проект заинтриговывал, т.к. каждое окно должно было иметь тринадцать переплётов, каждая стена - тринадцать панелей, на

каждой люстре - по тринадцать плафонов, а в каждом шкафу должно было быть по тринадцать крючков.

По-видимому автор проекта любил ужасы. Коридоры как змеи изгибались наобум, некоторые вели в никуда.. Одна дверь открывалась в глухую стену, другая - в шахту глубиной пятнадцать метров. Одна из лестниц вела на чердак, куда не было двери. Люки. Тайные переходы. Тоннели. Это не был дом для уединения или отдыха в будущем; это был замок прошлого Сары.

Строительство этого загадочного особняка закончилось после смерти Сары. Готовая усадьба занимала 2,5 га и имела шесть кухонь, тринадцать ванных комнат, сорок лестниц, сорок семь каминов, пятьдесят два слуховых окна, четыреста шестьдесят семь дверей, десять тысяч окон, сто шестьдесят комнат и звонницу.

Зачем Саре нужен был такой замок? Ведь она жила одна. Кое-кто из знавших её историю могли бы дать ответ: «Существовали посетители...»

И приходили эти посетители каждую ночь.

Легенда гласит, что каждый день в полночь её слуга проходил тайным лабиринтом в звонницу. Он звонил в колокол, чтобы... собрать духов. Сара обычно входила в «голубую комнату»: место своих постоянных встреч с ночными посетителями. И вместе они оставались там до двух часов ночи, пока вновь не звонил колокол. Потом Сара удалялась в свои апартаменты, приведения возвращались в свои могилы.

Кто был в том сонме призраков?

Индейцы и солдаты, убитые на границах Соединенных Штатов. Их всех убили пули из самой знаменитой винтовки Америки - винчестера. То, что приносило миллионы долларов Саре Винчестер, им несло смерть.

Вот почему она проводила остаток своей жизни в замке раскаяния и пускала мёртвых в дом.

При желании вы можете увидеть это место полтергейста в Сан Джоузе. Вы можете побродить по его залам, осмотреть то, что осталось.

Но не стоит отправляться в особняк Сары Винчестер, чтобы увидеть, что может сделать с живой душой неутолённое чувство вины. И вокруг вас достаточно судеб, живущих в плену своей вчерашней вины. Сердца, преследуемые неудачами, находятся с вами по соседству. Люди, попавшие в ловушку, - вот здесь на этой улице... или даже в этой комнате.

Как писал апостол Павел, существует «печаль этого мира», которая «ведёт лишь к смерти».(1) Вина - которая убивает. Печаль – которая губительна. Яд сожаления, которой является смертельным.

Сколько таких, как Сара Винчестер вы знаете? Как далеко вам надо уйти, чтобы найти душу, преследуемую призраками прошлого? Может быть не очень далеко.

А может история Сары Винчестер - ваша история?

Если так, то мне особенно приятно, что моя книга попала вам в руки. Её последний раздел написан с думой о вас. В этих последних главах я собрал свои раздумья о падении и прощении, потому что даже в часы падения в кромешной тьме бури есть просветы благодати.

Это – история Петра, узнавшего голос Учителя... увидевшего его лицо... и благополучно выбравшегося из шторма.

Это – ещё одна история Петра, слышащего вой ветра... видящего ураган... тонущего в воде.

Но более всего это - история Иисуса. История Господа, протягивающего руку во время шторма на море. Это - ответ каждому вопрошающему: «Господи, чем Ты занят в момент моего падения?»

В новом доме не найти ответа на вопросы угрызений совести.

Он находится в основании построенного вами дома.

22. СТРАХ, КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ ВЕРОЙ.

«Они видели Иисуса ... идущего по воде; и они испугались.»(1)

ВЕРА ЧАСТО - дитя страха.

Страх вытолкнул Петра из лодки. Он и до этого плавал по этим волнам и знал, что могут натворить эти шторма. Он слышал много историй о них. Он видел кораблекрушения. Знал, что шторм может убить. Был знаком со вдовами. И так хотел спастись.

Он всю ночь этого хотел. Девять часов он работал с парусами, трудился на вёслах и на горизонте искал хоть маленький лучик надежды. Он вымок насквозь и устал от воя ветра, стонущего, как в предвестии смерти.

Посмотрите Петру в глаза. Разве в них есть решимость? Всмотритесь в его лицо. Разве в нём есть стойкость? Всё это будет, но позже. Потом вы увидите его отвагу в Саду, будите свидетелями его преданности в Троицын день. Потом в его Посланиях вам откроется глубина его веры.

Но не в эту ночь. Загляните-ка ему в глаза. Видите? Там - страх, в них страх, от которого бешено колотится сердце, который душит; страх человека, у которого нет выхода.

Но именно этот страх даёт рождение истинной вере, потому что зачастую вера - дитя страха.

«Страх пред Господом - начало мудрости.» - писал один умный человек.(2)

Пётр мог бы сам служить иллюстрацией такой проповеди.

Как вы думаете, вышел бы Пётр к Иисусу, если бы тихим спокойным днём увидел, как тот идёт по воде ?

Сомнительно.

Думаете Пётр стал бы просить у Иисуса возможность пройти по воде, будь море ровным как ковёр, а путешествие приятным?

Не думаю.

Но поставьте человека перед выбором между верной смертью и даже несбыточной, безумной, надеждой, и он будет выбирать надежду каждый раз.

Великие проявления веры редко рождаются от холодного расчёт:

Ведь не логика заставила Моисея поднять свой посох на берегу Красного моря.(3)

Не медицинское обследование убедило Неемана окунуться в реку семь раз.(4)

Не здравый смысл подсказал Павлу отказаться от мирского закона и принять божью благодать.(5)

И, конечно, не члены полномочной комиссии собрались в комнатёнке Иерусалима, молясь об освобождении Петра из тюрьмы.(6) То было несколько верующих, напуганных, отчаявшихся, загнанных в угол. То была церковь, лишённая возможностей. Прихожане без средств, молящие о помощи.

Но никогда они не были сильнее.

Да, истоком каждого подвига веры часто является страх.

* * *

Описания жизни преданных учеников Господа начинаются главами, полными подлинного страха. Страх смерти. Боязни одиночества. Беспокойства о впустую растрчиваемой жизни. Тревоги за неумение слышать Бога.

Я считаю, что вера зарождается, когда видишь Бога на вершине, а сам находишься внизу и знаешь, что слишком слаб, чтобы совершить восхождение. Ты видишь, что тебе нужно... ты видишь, чем располагаешь... и понимаешь, что этого недостаточно для свершения поступка.

Смотрите, как старался Пётр. Но одного его старания было недостаточно.

Помните? Перед Моисеем простиралось море, а за спиной – вражеская армия. Израильтяне могли пуститься вплавь либо бороться. Но одного выбора было недостаточно.

И Нееман испробовал разные снадобья, слушал гадалок. А в путешествии за тридевять земель, чтобы окунуться в грязную речку Иордан и очиститься, не видел большого смысла, поскольку чистые реки текли и дома. Но был ли у него выбор?

Вы, конечно, знаете, что Павел был законником. Он хорошо овладел знаниями еврейского Закона. Но Богу стоило только раз появиться у него перед глазами, чтобы убедить в недостаточности обрядов и жертвований.

Иерусалимская церковь тоже знала, что нет никакой надежды на вызволение Петра из тюрьмы, поскольку она была малочисленна, хотя среди них были христиане готовые бороться. У них была власть, но незначительная. Им нужны были не мускулы, а чудо.

И Пётр нуждается в нём той штормовой ночью. Ему ясны два момента: он идёт ко дну, а Иисус стоит наверху. И Пётр знает, где более всего ему следует быть.

Нет ничего странного в таком решении. Ведь вера, рождённая страхом, будет всегда рядом с Отцом Небесным.

* * *

Некоторое время тому назад я ездил в Западный Техас на похороны друга семьи, человека набожного. Он воспитал пятерых детей. Один из его сыновей, Пол, рассказал об одном из своих ранних воспоминаний об отце.

В Западном Техасе была весна - сезон торнадо. В то время Полу было всего три или четыре года, но он ясно помнит тот день, когда на их маленький домик обрушился смерч.

Отец загнал всех детей в дом и уложил на пол, накрыв их матрацами. Сам же не забрался под эту защиту. Пол помнит, как выглядывал из-под матраца и смотрел на отца, стоящего у открытого окна и следящего за тем, как в прерии закручивается и взвихривается воронка смерча.

И вот глядя на отца, Пол понял, где ему нужно быть. Он высвободился из рук матери, выполз из-под матраца, подбежал к отцу и обхватил руками его ногу.

«Что-то подсказало мне, - говорил Пол, - что самое безопасное место в шторм было рядом с отцом.»

Что-то подсказало Петру тоже самое.

* * *

«Господи. Если это ты, говорит Пётр, - прикажи мне пойти к тебе по воде.»(7)

Пётр не испытывает Иисуса; он умаляет Иисуса. Порыв Петра пройти по водам штормящего моря не есть результат логики; то - поступок отчаяния.

Пётр хватается за борт лодки переносит через её край одну ногу, а потом другую и делает несколько шагов. Он идёт так, будто под водой проходит невидимая гряда и там, где она кончается, стоит его никогда не отчаивающийся друг с сияющим лицом.

Неправда ли, мы поступаем также, как Пётр, в час острейшей нужды? Покидая корабль добрых дел, мы идём к Иисусу.

И как Моисей, мы осознаём, что сила человеческая не спасёт нас, поэтому в отчаянии мы ищем взглядом Бога. Как и Павел, мы понимаем, все добрые дела мира малы перед лицом Его Совершенства. Как и Пётр, мы отдаём себе отчёт в том, что для наших ног, покрыть путь, отделяющий нас от Иисуса, - труд слишком велик. Поэтому мы взываем к помощи. Мы слышим Его голос и в страхе делаем шаг вперёд, надеясь, что нашей малой веры будет достаточно.

Вера - не прибыток за счёт обмена своего товара на Божью благодать. Вера не является наградой наиболее знающим. Это - не приз, вручаемый самым дисциплинированным. Не титул, завещанный самым набожным.

Вера - отчаянный прыжок с борта тонущего корабля человеческих усилий, мольба к Господу оказаться на месте, чтобы вытащить нас из воды. О такой вере Павел говорил в письме к Ефесеянам:

«Ибо благодатью вы спасены через веру и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился.»(8)

Павел пронизателен. Высшая сила спасения есть Божья сила, а не наши дела, не наши таланты, наши чувства, наша сила.

Спасение - это, когда мы вдруг ощущаем успокаивающее присутствие Бога в штормовом море нашей жизни. Мы слышим Его голос; мы делаем шаг.

Как и Павел мы понимаем две вещи: мы - великие грешники, и нам нужен Спаситель.

Как и Пётр мы осознаём два факта: мы идём ко дну, а Господь стоит высоко, поэтому мы пробуем выбраться из лодки.

Мы оставляем позади себя наш «Титаник» уверенности в своей правоте и становимся на твёрдую дорогу Божьей милости.

И, о диво, мы можем идти по воде. Смерть обезоружена. У жизни появляется реальная цель, поскольку падения можно простить. Ведь Господь не только в пределах видимости, но Он - в пределах досягаемости.

Неуверенными робкими шагами мы медленно приближаемся к Нему. В момент удивительного подъёма мы следуем курсом Его обетований. Не верить, что мы способны совершить такое! Мы не утверждаем, что достойны такого невероятного дара. Мы не хвастаемся, когда люди спрашивают, как мы можем сохранять душевное равновесие в этом мире в такое бурное время. Нет, мы не хвастаемся. Не смущаясь, мы указываем на Того, кто делает это возможным. Наши глаза устремлены на Него.

«Ничто в руке своей я не несу;

Я просто в ней Твой крест держу.» - поём мы.(9)

Мы заявляем: «Одетые только в Его праведность, чтобы безгрешными предстать перед троном.»(10)

Мы объясняем: «Милость научила моё сердце страшиться, и милость сменила мой страх.»(11)

Некоторые из нас в отличии от Петра не оглядываются назад

Другие подобно Петру «чувствуют ветер и пугаются.»(12)

Возможно ветер гордыни нам дует в лицо: «В конце концов я не такой уж страшный грешник. Взгляните, на что я способен.»

А возможно то - ветер фарисейства: «Как я понимаю, Иисус делает часть работы, остальное должен делать я.»

При этом большинству из нас в лицо дует ветер сомнений: «Я слишком плох для Бога, чтобы Он обращался со мной хорошо. Я не достоин такой милости.»

И мы идём ко дну. Жадно глотая воздух и колотя руками по воде, погружаемся в темный, сырой мир. Скованные страхом смерти мы тонем. Открываем глаза и видим только черноту. Пытаемся вздохнуть, но воздуха нет. Отчаянным усилием мы прокладываем путь назад на поверхность.

И едва наши головы появляются над водой, нужно принять решение.

Те, кто полны гордыни спрашивают себя: «Что лучше сохранить лицо и остаться при своей гордыне либо воззвать о помощи и схватиться за руку Господа?»

Фарисеи озабочены: «Как поступить: потонуть под свинцовым грузом закона или сбросить эти путы и молить о милости?»

Мучаются и сомневающиеся: «Что делать: оставаться при своих сомнениях, бормоча: «Неужели я, действительно, снова подвёл Его?» или надеяться, что Иисус, побудивший Петра покинуть лодку, может вызволить из моря и меня?»

Нам закон - выбор Петра.

«[Как только он] начал тонуть, [он] закричал: «Господи, спаси меня!»(13)

«Моментально Иисус протянул Свою руку и поймал его.»(14)

* * *

Есть выбор ещё одного моряка во время ещё одного шторма.

Хотя и разделенные семнадцатью столетиями, тот моряк и Пётр объединены несколькими поразительными совпадениями:

- Оба жили морем.
- Оба встретили своего Спасителя после долгой борьбы со штормом.
- Оба встретили Отца Небесного со страхом, а потом последовали за Ним с верой.
- Оба оставили свои лодки и стали проповедниками Истины.

Историю первого моряка, Петра, вы знаете. Позвольте мне рассказать о втором моряке по имени Джон.

Он служил на морях с двенадцати лет. Его отец, английский судовладелец плавающих по Средиземноморью кораблей, брал Джона в плавания и готовил для службы в королевском флоте.

Но став опытным мореплавателем, Джон не стал дисциплинированным. Презирал авторитеты. Смотрел сквозь пальцы на распутство матросов. Вёл дружбу с дурными

людьми. И хотя опыт и знания позволяли ему служить офицером, поведение часто было причиной порки и понижения в звании.

Ему было двадцать с небольшим, когда он отправился в Африку, соблазнившись прибыльной торговлей рабами. В двадцать один год он сделал источником наживы работорговое судно «Грейхаунд», бороздившее Атлантику.

Джон насмехался над моралью и злобно шутил над верующими. Он сочинял анекдоты о книге «Подражание Христу», которая фактически помогла ему изменить жизнь. Даже за несколько часов до того ужасного шторма он умудрился унижительно отозваться о той книге.

В ту ночь волны яростно били «Грейхаунд», то крутя и вздымая его на гребень волны, то повергая в пучину.

Очнувшись ото сна, Джон обнаружил, что его каюта залита водой. Борт «Грейхаунд» обрушился. Вообще-то такого рода повреждения достаточно, чтобы любой корабль пошёл ко дну. Но «Грейхаунд» нёс непотопляемый груз и потому оставался на плаву.

Всю ночь Джон работал на помпе. Девять часов он вместе с другими матросами сражался, чтобы не дать кораблю затонуть. Но с каждой минутой становилась ясна тщетность их усилий. И вот, когда его надежда стала потрёпаннее, чем судно, он пал ничком на мокрую и солёную палубу с мольбой: «Господи, смилуйся над нами, даже если этого нельзя делать.»

Джон не заслужил милости, но получил её. «Грейхаунд» и его команда спаслись.

А Джон уже никогда не забывал Божьей милости, оказанной ему в тот бурный день в ревущей Атлантике. Вернувшись в Англию он стал композитором и сочинил много песен. Наверняка вы пели, например, такую:

Поразительная милость! Так нежен твой напев.

Она спасла такого грешника как я.

Однажды сбился я с пути и найден вновь теперь.

Был слеп и вижу вновь.(15)

Этим работорговцем, ставшим автором многих песен, был Джон Ньютон.

Он не только сочинял гимны, но и был хорошим проповедником. Пятьдесят лет с церковных кафедр он рассказывал о Спасителе, который приходит к вам и ко мне во время шторма.

За год или два до смерти люди упрашивали Джона прекратить чтение проповедей из-за ухудшающегося зрения. «Что?! - восклицал он, - Будет ли старый африканский богохульник останавливаться, пока может говорить?»

И он не останавливался. Он не мог остановиться. Что началось как молитва в страхе, стало жизнью в вере. В последние годы жизни на вопрос о здоровье он признавался, что силы его уходят. «Я почти ничего не помню, - говаривал он, - но две вещи я буду помнить всегда: я - великий грешник, а Иисус - великий Спаситель.»

А что ещё нужно помнить вам и мне?

* * *

Два моряка и два моря. Два корабля в двух штормах. Две молитвы в страхе и две жизни в вере. Объединяет их - один Спаситель - один Бог, прошедший сквозь ад и девятый вал, чтобы протянуть руку помощи дитю, взывающему о ней.

23. ЧЕМУ УЛЫБАЕТСЯ БОГ

У МЕНЯ ЕСТЬ РИСУНОК СМЕЮЩЕГОСЯ ИИСУСА. И висит тот рисунок на стене напротив моего письменного стола.

Это всего лишь набросок. Голова Иисуса откинута назад, открыт рот, глаза сверкают. Он не просто усмехается. Не просто посмеивается. Он хохочет так, что ему трудно вздохнуть. Такое впечатление, что Он давно не видел и не слышал ничего более смешного.

Этот рисунок был подарен мне епископальным священником, который носит в кармане сигары и собирает портреты смеющегося Иисуса. «Я дарю их любому, кто, возможно, склонен воспринимать Бога слишком серьезно.» - объяснил он, вручая мне этот подарок.

Он хорошо поддел меня.

Я не из тех, кто легко может представить себе смеющегося Бога. Рыдающего - да. Рассерженного - конечно. Могущественного - несомненно. Но смеющегося? Это, кажется, слишком ... слишком ... слишком непохоже на то, что следует делать Богу ... или каким Ему следует быть, т.е. свидетельствует лишь о том, что я либо много, либо мало знаю о Боге.

Однако, что Господь чувствовал, вытягивая жирафу шею? Какие у него были мысли, давая совет страусу, куда девать голову от страха? Какое у него было выражение лица, размышляя о том, как будет кричать самец обезьяны, или придумывая восемь ног для осьминога? А как Он смотрел на Адама, бросающего первые взгляды на Еву? Скучающе?

Едва ли.

Так вот, поскольку я теперь лучше различаю цвета и оттенки жизни и способен уловить многое, я вижу, что единственное, почему Господь терпит нас так долго, так это потому, что обладает чувством юмора.

Не Он ли с улыбкой взирал на замедленную реакцию Моисея у горящего и говорящего куста?

Не Он ли улыбается вновь, когда на берег приземляется Иона, с которого течет желудочный сок, и от которого воняет, как из китового брюха?

А не в Его ли глазах сверкают искорки смеха, глядя, как ученики кормят тысячи людей завтраком маленького мальчика?

Вы считаете, Его лицо бесстрастно, когда Он рассказывает о человеке, указывающим на соринку в глазу друга, имея в своём не меньшую?

Честно говоря, можете ли вы представить себе Иисуса, качающего детей на коленях с мрачным лицом?

Нет. Полагаю, Иисус улыбался. Я думаю, Он слегка подсмеивался над людьми, но много смеялся вместе с ними.

Позвольте пояснить это примером.

* * *

Мы ничего не знаем о ней. Мы не знаем её имени ... её происхождения ... её взглядов ... её родного города. Она пришла ниоткуда и ушла в никуда. Она исчезла так же, как и появилась, как облачко дыма.

Но каким восхитительным облачком она была.

Ученики, обучаясь два года, не сделали того, что сделала она за несколько минут разговора. Она поразила Бога своей верой. Наверняка, сердца учеников были хороши. Наверняка, их помыслы были искренними. Но их вера не повернула головы Господа.

А её - да. Многого мы не знаем о ней, но одна замечательная истина нам известна. Она поразила Бога своей верой. Поэтому всё остальное, что она делала после, было неважно.

«Женщина, у тебя великая вера.» - констатировал Иисус.(1)

Вот это заявление! Особенно, если учесть, что его сделал Бог, который может положить на Свою ладонь пригоршню галактик. Тот, кто шутя создаёт Эверест. Кто расписывает красками без холста. Кто сможет измерить толщину крыла комара одной рукой и высоту гор другой.

Считается, что Создателя нелегко удивить. Но что-то в этой женщине зажгло искру в Его глазах... скорее всего... улыбку на Его лице.

Матфей назвал её «ханаанской женщиной». Говоря так, он подчеркнул два минуса. Каких? Первое – ханаанская, значит посторонняя. Второе - женщина, значит что-то вроде дворняжки. Она принадлежала культуре, мало уважавшей женщину вне спальни и кухни.

Но она встретила Учителя, проявившего к ней большое уважение.

Но как оно проявляется! Внешне диалог кажется грубым и не лёгким для понимания до тех пор, пока вы не привыкните к мысли, что Иисус умел смеяться. Если вы с трудом восприняли рисунок смеющегося Иисуса в моём кабинете, то принять мою историю вам будет не легко. Но если это не так, если мысль об улыбающемся Боге приносит вам хоть какое-то облегчение, тогда вам понравятся несколько следующих абзацев.

Вот моя интерпретация.

* * *

Это - отчаявшаяся женщина. Её дочь душевно больна, как говорят одержима дьяволом.

У этой ханаанской женщины нет никаких прав просить что-либо у Иисуса: она - не еврейка, не Его ученица. Она не предлагает никаких денег за работу. Она не даёт никаких обещаний посвятить себя служению. Вам понятно, что она, как и любой другой, хорошо знает, что Иисус ей ничего не должен, а она просит всё. Однако это её не останавливает: она настойчива в своей мольбе:

«Смилуйся надо мной!»(2)

Матфей пишет, что сначала Иисус ничего не говорит. Ничего. Он просто нем. Почему?

Чтобы испытать её? Так считают большинство толкователей Библии. Вероятно, они полагают, Иисус медлит с ответом, чтобы увидеть, как важно ей просимое. Мой отец бывало заставлял меня ждать неделю прежде, чем давал ответ на мою просьбу. По большей части я забывал о чём именно просил. Время обладает свойством отделять прихоти от нужды. Но разве в данном случае Иисус поступает также?

У меня есть собственное мнение. Я думаю, он любовался ею. Я считаю, что доказательство её мужественной веры порадовало Его сердце. Я полагаю, Его ободрил сам факт того, что кто-то просит сделать именно то, за чем Он пришёл в этот мир - одаривать великими дарами недостойных детей.

Но не странно ли, что мы не даём Ему поступать так чаще.

Вероятно, самым поразительным откликом на Божий дар является наше нежелание принять его. Мы, вроде бы, нуждаемся в нём. Но готовы принять на своих условиях. По какой-то странной причуде мы будем чувствовать себя лучше, если заработаем его. Поэтому мы создаём религиозные «обручи» и работаем с ними, т.е. имеем из религии цирк, из Бога - дрессировщика для нас, Его подопечных.

Та ханаанская женщина была умнее нас. Не имея образования, денег, власти, она хорошо знала только две вещи: её дочь немощна, а Иисус - могуществен.

* * *

Ученики раздражены. А поскольку Иисус сидит и молчит, они становятся самодовольными. «Отошли её прочь.» - требуют они. Все смотрят на Иисуса. Он тоже смотрит сначала на учеников, а потом на женщину. И следующий за этим разговор является одним из самых интригующих диалогов Нового Завета.

«Я послан только к заблудшим овцам Израиля.» - говорит Он.(3)

«Господи, помоги мне!»(4)

«Но неправильно брать у детей хлеб и бросать его их собакам.» - говорит Он.(5)

«Но даже собаки едят крошки, что падают со стола их хозяина.» - отвечает она.(6)

Груб ли в данный момент Иисус? Измучен ли? Расстроен ли? Правда ли, что Он называет женщину собакой? Как объяснить этот диалог?

Толкователи Библии дают нам три варианта.

Некоторые говорят, что Иисус был загнан в угол. Ему не положено помогать этой женщине, потому что Он, прежде всего, был послан к заблудшим овцам Израиля. Остроумная теория, но имеет много противоречий. Как быть с самаритянской женщиной? С центурионом? Иисус уже помогал язычникам и оставался верен цели Своей миссии. Так почему же Он не мог сделать этого теперь?

Другие считают, что Иисус был грубым. И можно ли Его винить? Он устал: до этого был долгий путь, да и ученики были не менее усталые. А эта просьба была последней соломинкой, сломившей верблюду спину.

Нравиться такое объяснение? Мне нет. Тот, кто пожалел пять тысяч человек ... кто оплакивал Иерусалим ... кто пришёл в этот мир, чтобы найти и спасти таких как эта женщина ... огрызнулся бы так грубо на такую нуждающуюся душу?

Но самая популярная теория - будто бы Иисус испытывал её ... ещё раз, чтобы просто быть уверенным в значимости для неё просимого, чтобы удостовериться в подлинности её веры.

Хорошо, но намекать на то, что она собака?

Не думаю, что Иисус поступил бы подобным образом. Позвольте мне предложить ещё один вариант объяснения.

Может такое быть, что с его языка срывается лёгкая дерзость? То есть может такое быть, что Иисус добродушно подтрунивает над ней? Я имею ввиду, может такое быть, что Иисус настолько восхищён тем, что нашёл того, в ком нет гордыни Христова

наследия и кто не ведёт с религией торг «ты мне - я тебе», что не может устоять, чтобы слегка не поддразнить её? Разве их разговор не ироничный обмен мнениями, где безграничной Божьей милости придаётся большое значение?

Он знает, что может вылечить её дочь и ничем не ограничен. Он знает, какое хорошее у неё сердце. Может быть, поэтому Он решает вступить в добродушную перепалку с той, кто так преисполнен веры. По существу, вот - что они сказали друг другу:

«Ты же знаешь, что Бог печётся только о евреях.» - говорит Иисус и улыбается.

Получив Его подачу, она отпасовывает её назад: «Но Твой хлеб так ценен, что я буду счастлива есть даже крошки.»

В избытке чувств Он восклицает: «Никогда я не видел такой веры! Твоя дочь излечена.»

Такое объяснение не даёт портрет высокомерного Бога. Оно рисует Того, кто охотно готов восхищаться искренним искателем веры.

Разве вы не рады этому?

* * *

Эта история случилась в тот день, когда удрал конь Наполеона. Какой-то бдительный рядовой вскочил на свою лошадь и помчался вдогонку за генеральским конём. И вот, когда он подвёл его под уздцы к Наполеону, правитель, взяв поводья, улыбнулся своему добровольному помощнику и сказал: «Благодарю, капитан.»

Глаза солдата расширились от услышанного, но вытянувшись во фрунт и отдав честь, он рявкнул: «Спасибо, сир!»

Сразу в след за этим он отправился в казарму, забрал свои пожитки, отнёс старую форму и обменял её у квартирмейстера на новую, капитанскую. По генеральскому слову он стал офицером, произведённым в чин из рядовых. Он не спорил. Он не пожимал недоумённо плечами. Не сомневался. Он знал, что так мог поступить тот, у кого была власть. И солдат принял дар.

Если бы мы поступали также. Если бы мы верили как тот рядовой и уповали как та ханаанская женщина. Если бы только на слова Бога, сообщившего с улыбкой о нашем спасении, мы отдали Ему честь, поблагодарили и жили как те, кто только что получил дар от главнокомандующего. Однако мы редко так поступаем. Мы предпочитаем получить спасение старомодным способом: мы зарабатываем его. Принять милость для нас означает признать поражение - шаг, который мы колеблемся совершить. Наш выбор - удивить Бога тем, насколько мы хороши, а не признать, как Он велик. Мы морочим себе головы учениями. Отягощаем себя правилами. И полагаем, что Бог улыбнётся, видя наши усилия.

А Он не улыбается.

Улыбка Бога не столь для розовощёкого туриста, похваляющегося, что совершил путешествие в одиночку, сколь для увечного прокажённого, молящего Бога подставить спину, на которой можно ехать.

Таким же был смысл слов той женщины. Ей казалось, что её просьба нелепа. Но она знала, что Иисус - Господь.

И слова пророка Даниила могли бы быть её словами: «Мы уповаем не на праведность нашу, но на Твоё милосердие.»(7)

Она пришла, возлагая надежду на то, что Иисус ответит на её мольбу по великодушию Своему, а не по её достоинствам.

Он так и поступил. С улыбкой.

Размышляя о молитвах, на которые ответил Господь в моей жизни, я полагаю, что Он, должно быть тоже улыбается.

Поэтому я сохраню Его портрет на стене.

24. ПРИШЕДШИЙ ПРИНЕСТИ ЖЕРТВУ

ПОЗВОЛЬТЕ МНЕ СНАЧАЛА ОПИСАТЬ ОДНУ СЦЕНУ, а потом попросить вас вернуться к ней в конце этой главы.

По флоридскому пляжу бредёт старик. На песок накатываются волны. Воздух напоён запахом солёной воды. Солнце как оранжевый мяч катиться к горизонту. Ни его тепла, ни света недостаточно, чтобы соблазнить позагорать или порыбачить. Пляж почти пуст, и старик находится в стороне от немногих прогуливающих и бегающих по пляжу трусцой.

В руке у него ведро. Ведро с креветками. Не для себя. Не для рыбалки. Креветки - для чаек.

Старик идёт к дальнему пирсу, вызолоченному заходящим солнцем. Он подходит к краю пирса. Настало время еженедельного ритуала.

Он стоит и ждёт.

Вскоре небо покрывается бесчисленными танцующими точками. Вечерняя тишина сменяется пронзительными криками птиц. Они заполняют всё небо, а потом все швартовы. Они летят, чтобы встретиться со стариком.

Полчаса, а может дольше этот окружённый птицами старик с кустистыми бровями и опущенными плечами будет стоять на пирсе, пока не опустеет ведро.

Но даже и после того, как закончится корм, его пернатые друзья медлят улетать. Медлят, как будто что-то ещё кроме еды удерживает их. Они садятся на его шляпу. Они расхаживают по пирсу. Эти мгновения принадлежат им и старику.

Представили сцену? А теперь на несколько минут отодвиньте её на задний план.

* * *

Перейдя оттуда, пришёл Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собой хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым; и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходячими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева.

Иисус же, призвав учеников Своих сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при мне, и нечего им есть; отпустить же их не евшими не хочу, не ослабели бы в дороге.(1)

Это не тот день, когда Иисус накормил пять тысяч человек; это - день, когда Он накормил четыре тысячи. И хотя в эпизодах много общего, в некотором отношении они разнятся.

- Когда Иисус накормил пять тысяч человек, Он был у евреев. Когда Он накормил четыре тысячи человек (плюс женщины и дети), Он был в Декаполисе, языческом районе.
- Когда Он накормил пять тысяч человек, Он проповедовал и лечил их. Когда Он был с четырьмя тысячами человек, нет сведений, что Он проповедовал - Он только лечил.
- Когда Иисус был с пятью тысячами человек, Он провёл с ними один день. Когда Он был с четырьмя тысячами человек, Он провёл с ними три дня.

И за эти три дня Он совершил самое значительное: Он исцелил их. «Хромые, слепые, увечные, немые и иные многие» приходили к Нему, писал Матфей, «и Он исцелил их.».

Как часто мне хотелось, чтобы авторы Нового Завета были бы чуточку красноречивее, например вот здесь: «И Он исцелил их.» Это слишком короткая фраза, чтобы описать то, что должно было быть потрясающим зрелищем.

Дайте простор своему воображению.

Мысленно нарисуйте такую сцену.

Можете представить себе слепого мужа, который видит свою жену в первый раз? К её плавающим в слезах глазам его взор прикован так, будто она царица утра.

Видите человека? До этого дня он никогда не ходил! Разве не понятно, что он не мог усидеть на месте? Разве не понятно, что он бегал, и прыгал, и даже станцевал со своими детьми?

Ну а тот немой, что сумел заговорить? Представляете себе его, сидящего у костра и говорящего без умолку? Говорящего и поющего всё подряд и что угодно, что он когда-то хотел сказать и спеть.

А глухая женщина, которая теперь слышит? На что это похоже, когда она впервые услышала, как дитя называет её «Мама».

И так продолжалось три дня. Человек за человеком. Больной за немощным. Один с костылями за другим. Благодарность за благодарностью. Не даётся ни одной записи о том, как Иисус проповедовал, или учил, или наставлял, или ободрял. Он просто исцелял.

«Люди, - писал Матфей, - были изумлены, когда видели, что немые говорят, увечные чувствуют себя хорошо, хромые ходят, а слепые видят.» Четыре тысячи изумленных людей и каждый с историей, что одна поразительней другой. А в центре всего этого Иисус. Не жалующийся. Не откладывающий работу. Ничего не требующий. Просто ценящий каждое мгновение.

А потом Матфей, этот великий экономайзер слов, дарит нам фразу, над которой было бы не худо поработать:

«Они возблагодарили Бога Израиля.»

Мне интересно, как они это делали? Я быстрее могу представить, что они не делали, чем то они делали. Уверен, комиссию чествования точно не создавали. Торжественные одежды тоже не одевали. И не сидели рядами, уставившись в затылки впереди сидящих.

Глубоко сомневаюсь, чтобы они писали благодарственные речи этому, прежде им не восхваляемому, Богу. Невозможно представить, чтобы они обсуждали разные детали праздника, и могли бы задуматься, не провести ли его в каком-нибудь торжественном месте.

Мне точно известно, что они не ждали субботы для возблагодарения. Со всей очевидностью они делали это сразу. Каждый по своему, как подсказало сердце, они славили Иисуса. Может быть некоторые подходили и падали Ему в ноги. Может быть некоторые выкрикивали Его имя. Может кто-то просто поднимался на склон холма, смотрел в небо и улыбался.

Я вижу, как перед Целителем стоят безмолвные мать с отцом, держа своего только что исцелённого младенца.

Я вижу прокажённого, в благоговейном страхе взирающего на Того, кто избавил его от ужаса проказы.

Я могу представить себе толпы людей, толкающихся и пихающихся. Желающих подойти поближе. Не для того, чтобы попросить что-нибудь, а просто, чтобы сказать: «Благодарю, Тебя.»

Возможно некоторые пытались заплатить Иисусу, но какой суммы было бы достаточно?

Возможно некоторые пытались чем-то отдариться, но что может отдать человек, чтобы выразить свою благодарность?

Всё, что люди могли сделать, так это то, о чём сказал Матфей: «Они возблагодарили Бога Израиля.»

И не важно каким образом. Иисус был тронут, тронут настолько, что настоял, чтобы они остались на трапезу прежде, чем уйдут.

Не используя слово *молиться* этот отрывок точно определил происходящее. Молятся, когда осознают, что полученное намного больше того, что можешь отдать. Молитва – это осознание того, что не будь Его прикосновения, вы бы всё ещё хромали, страдали, горевали и чувствовали себя разбитыми. Молитва – это сияние глаз на иссушенном пустыней лице пилигрима, когда тот осознаёт наконец, что оазис перед его глазами – вовсе не мираж.

Молитва есть благодарение, отказывающееся молчать.

Что за попытки сделать из молитвы науку?! Мы не в состоянии этого сделать. Мы можем «предложить любовь» или «просить о мире», но не более того.

Молитва есть добровольный акт благодарности, предложенный спасённым своему Спасителю, исцелённого своему Целителю и освобождённого своему Освободителю. И если мы с вами сумеем пройти по жизни, не ощущая стремления поблагодарить Того, кто спасал, излечивал и освобождал, то хорошо хотя бы помнить о том, что Он делал.

* * *

Тот старик с пирса не мог прожить неделю без того, чтобы не сказать «Благодарю, Тебя.»

Его звали Эдди Риккенбекер.

Тот, кто в октябре 1942 года был достаточно взрослым, может помнить сообщение о пропавшем без вести лётчике, посланным с заданием доставить важное сообщение генералу Дугласу МакАртуру. С тщательно подобранным экипажем на самолёте Б-17, известным как «Летающая крепость» Эдди летел над южной частью Тихого океана и где-то сбился с курса. Горючее кончилось и самолёт рухнул в море. Однако все восемь членов экипажа остались живы. На спасательном плоту они сражались с волнами,

акулами, дождём и солнцем. Через восемь дней закончилось продовольствие. Перспектив никаких. Требовалось чудо, чтобы их спасти.

И чудо произошло.

Днём помолившись, когда каждый высказал Богу, что считал необходимым, команда пыталась забыться сном. Риккенбекер дремал, прикрыв глаза шляпой, когда что-то опустилось на неё. Позже он скажет, что знал, что это была чайка. Он не знал откуда это ему было известно: он просто знал. Та чайка означала еду... если он сможет её поймать. И он поймал.

Мясо съели. Внутренности использовали как наживку для рыбы. И команда спаслась.

Что делала чайка за сотни миль от суши?

Одному Богу известно.

Но как бы то ни было Риккенбекер был ей благодарен. И в результате каждую пятницу вечером этот старый капитан приходил на пирс с ведром полным креветок и сердцем полным благодарности.

И нам следовало бы быть такими же мудрыми. У нас много общего с Риккенбекером. Нас тоже спас Пришедший Принести Жертву.

Мы тоже были спасены Тем, кто пришёл к нам настолько издалека, что об этом известно только Богу. И у нас, как у того капитана, есть своя причина, чтобы смотреть в небо... и молиться.

25. СВЯТОСТЬ В БАННОМ ХАЛАТЕ

КОГДА ВАШ МИР СОПРИКАСАЕТСЯ с миром Божьим, то рождается священное мгновение. Свят тот момент, когда высшее чаяние Господа коснется губами ваших земных невзгод. Этот момент может настать воскресным днём во время причастия или в четверг вечером на катке. В соборе, в метро, может сверкнуть "из горящего куста" или "из яслей с сеном". Где и когда неважно. Важно то, что священное мгновение имеет место быть. Ежедневно. И я бы хотел рассказать вам о самых священных из них - о самых священных мгновениях вашей жизни.

Я не говорю о моменте вашего рождения, о вашей свадьбе. Эти мгновения особые. Они сверкают благоговением. Но я говорю об определенных и более священных мгновениях.

Я говорю о святом часе.

Не о часе вашего крещения или наречения имени при крестинах. Не о вашем первом причастии или первой исповеди, и даже не о первом свидании. Я знаю эти часы ценны и несомненно священные, но я имею ввиду другое мгновение.

* * *

Оно имело место быть сегодня утром. Сразу после того, как вы проснулись. Прямо здесь в вашем доме. Неужели пропустили этот миг? Позвольте мне воссоздать эту сцену.

Звонит будильник. Ваша жена или ваш муж толкают вас локтем в бок, а может мама или папа трясут за плечо. И вы просыпаетесь.

Вы уже три раза пытались заткнуть глотку этому будильнику; будете пытаться дальше - и опоздаете. Вы просили дать вам ещё пять минуточек.... и ещё пять раз по пять минут; попросите ещё раз и вас обольют водой.

А между тем пришёл этот час. День настал. И так, с ворчанием и стонами вы скидываете одеяло с простыней и теплой ногой ступаете в холодный мир, чтобы приступить к следующим процедурам.

Вы выпрямляетесь и садитесь на край кровати, но поднять веки нет сил. Вы приказываете им открыться, но они противятся. Тогда с помощью рук вы разлепляете их и сквозь щелочки смотрите на комнату.

(Это ещё не священный миг, но он почти здесь).

Вы встаёте. Сейчас у вас болит всё, что может болеть. Это как будто у вас в мозгу сидит маленький человечек, отвечающий за боль, решительно настроенный испытать всю вашу систему, до того, как вы заставите себя отправиться в ванную.

"Боль в спине?"

"Проверим."

"В шею надуло?"

"Узнаем."

"А как поживает колено, ушибленное ещё в школьные годы?"

"Всё ещё болит."

"Перхоть в голове имеется?"

"А как же"

"Симптомы ещё каких болячек?"

"Ух!"

С грацией беременной слонихи вы заходите в ванную и мечтаете лишь о том, чтобы свет включался помедленней, но... увы. И так вы нажимаете выключатель, мигаете, пока глаза не привыкнут к свету и забираетесь в ванну.

Вы приближаетесь к священному мигу. Вы можете не знать этого, но вы только что ступили на священный подиум. Вы находитесь в святая святых. В сверкающем центре вашего мира.

Самый священный момент в вашей жизни почти наступил. Послушайте. Вы слышите трепыханье ангельских крыл, возвещающий их приход. В райском оркестре замерли трубы. Облако тайны окутывает ваши ноги. Обитатели рая замерли в момент, когда вы поднимаете глаза и...

(Готовы? Он близок, наступает этот Священный момент.)

Ударяют цимбалы. В священных залах эхом звучат трубы. Дети рая мчатся по вселенной, разбрасывая лепестки цветов. Танцуют звёзды. Рукоплещет вселенная. В изящном реверансе склоняются деревья.

Им, конечно, следует это сделать, ведь пробудилось царское дитя.

Вглядись в зеркало. Узри священный миг. Не отворачивайся. Образ совершенства смотрит на тебя. Священный миг настал.

Я знаю, о чём вы думаете. *"И это ты называешь «священным»? Это ты называешь «совершенным»? Ты просто не знаешь, как я выгляжу в 6:30 утра."*

Да, я не знаю, но догадываюсь. Волосы встрёпаны. Пижама или ночная сорочка измяты. Глаза, как у китайца. В уголках глаз прилипли кусочки сна. Живот отвис. Губы

пересохли. Запах изо рта такой, что может оставить пятна на стене. Лицо такое, что собаки испугаются.

"Что угодно, но не святость," - говорите вы, - "дайте мне часок, и я буду выглядеть священно. Дайте мне немного кофе, макияжа, и будет есть на что посмотреть. Немного духов... пригоршня одеколona - потом забирайте меня в Святая Святых. Тогда я заставлю улыбнуться небеса."

Ах, вот в этом-то вы и не правы.

Понимаете, честность - вот, что делает этот утренний миг таким священным. Утреннее зеркало делается освященным потому, что в нём вы видите как раз того, кого видит Бог.

И кого Бог любит.

Никакого макияжа. Никаких отутюженных рубашек. Никаких галстуков. Никакой стильной обуви. Никакой одежды, создающей имидж. Никаких драгоценностей, указывающих на ваш статус. Просто *неприкрытая* честность.

Просто вы.

Если люди любят вас в 6:30 утра, ясно одно - они любят *вас*. Они любят не ваше положение в обществе. Они любят не ваш стиль. Они любят не ваши достижения. Они любят просто вас.

"Любовь, - писала одна прощённая душа, - покрывает бесчисленное множество грехов."(1)

Ведь сказано о любви Бога.

"Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освященных." - писала другая душа.(2) Обратите внимание на слово *совершенными*. Заметьте, что не *лучшими*, *улучшенными* или *первыми*. Бог не улучшает, Он совершенствует. Он не усиливает, Он завершает. Чего же совершенному человеку не достаёт?

Сейчас я понимаю, что существует то, в чём мы несовершенны, в чём мы всё ещё ошибаемся, где мы всё ещё спотыкаемся, и делаем как раз то, что не желательно. И в соответствии с вышеприведенным стихом, эта часть в нас "делается освящаемой".

И вот, когда дело доходит до нашей сущности, перед Богом мы совершенны. Когда Он видит каждого из нас, Он видит того, кто сделался совершенным через Единственного, кто является совершенным - Иисуса Христа.

"Все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись."(3)

В это утро я "облачаюсь" в одежды, чтобы спрятать несовершенства, которые я предпочёл бы не выставлять на показ. Когда вы видите меня, полностью облаченным, вы не увидите моих шрамов, шишек или бородавок. Это спрятано.

Когда мы выбираем крещение во Христе по образу жизни, мы имеем то же облачение. Наши грехи и ошибки теряются в чистом сиянии Его покрова. "Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге."(4) Пожалуйста, не упустите значение этого стиха. Когда Господь видит нас, Он также видит Христа. Он видит совершенство! Не совершенство, заработанное нами, запомните это, а совершенство, оплаченное Им.

Задержимся на минутку на следующих словах.

"Ибо Незнавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нём (курсив автора) сделались праведными перед Богом."(5)

А теперь прочитайте эти стихи в переводе Филлипса.

"Ибо Бог заставил Христа, который сам ничего не знал о грехе, стать грехом за нас, чтобы во Христе мы могли бы сделаться совершенством."

Обратите внимание на два последних слова. Совершенство Бога - ваше совершенство. Вы - абсолютное совершенство. Без изъяна. Без дефектов и ошибок. Незапятнанны. Несоперничествующие. Неиспорченные. Несравненные. Девственно чистые. Незаслуженно, но всё же абсолютно совершенные.

Неудивительно, что небеса рукоплещут, когда вы просыпаетесь. Шедевр пробудился.

"Ш-ш, - шепчут звезды, - взгляните на чудо, на то дитя."

"Мой Бог! Что за диво Ты сотворил!" - в волнении произносят ангелы.

Итак, пока вы охаете, вечность задыхается от восторга. Пока вы ковыляете в ванную, звёзды и ангелы поражаются чуду. То, что вы видите в зеркале, как утреннее бедствие, на самом деле является утренним чудом. Святость в банном халате.

А теперь вперёд одевайтесь. Давайте надевайте кольца, браслеты, причёсывайтесь, закрывайте свои бородавки. Делайте это для себя. Делайте это ради своего имиджа. Делайте это, чтобы сохранить работу. Делайте это ради тех, кому придётся сидеть рядом с вами. Но не делайте этого для Бога.

Он уже видел, что вы есть на самом деле. И в Его книге вы совершенны.

26. ВЫБОР

"ПОЧЕМУ Я ХОЧУ ВЕСТИ СЕБЯ ПЛОХО?" - спросила моя дочь, неосознанно поставив вопрос, задаваемый многими искателями истины. "Почему я делаю то, что ненавижу? Что это за обезьяна, бормочущая во мне?" А может быть, задаётся и более фундаментальный вопрос: "Если грех отделяет меня от Бога, почему Бог не отделяет меня от греха? Почему Он не уберёт из меня возможность грешить?"

Чтобы ответить на это, давайте вернёмся к началу.

Давайте войдем в райский сад и увидим то семя, которое и благословенно, и проклято. Давайте увидим, почему Бог дал человеку... выбор.

* * *

И за всем стоял выбор. Обдуманное решение. Поступок, основанный на знании. Он мог бы не делать этого, но предпочёл сделать. Он знал цену своему поступку. Он видел, что за этим стоит. Он отдавал отчёт последствиям.

Мы не знаем, когда Он решил совершить этот поступок. Не можем знать. Не только потому, что нас там не было тогда, но и потому, что там времени не существовало. Не существовало *когда*. Не было ни *завтра*, ни *вчера*, ни в *следующий* раз. Потому что не было времени.

Мы не знаем, когда Он задумал создать выбор. Но мы точно знаем, что Он создал его. Он мог бы этого не делать, но сделал.

Он выбрал сотворение.

"И в начале Бог сотворил..."(1)

С одного решения Бытие началось. Оно стало измеримым.

Из ничего родился свет.

Из света образовался день.

Потом появилось небо и земля.

А на этой земле? Могущественная Рука принялась за работу.

Вырыто место для океанов. Высечены каньоны. Из плоской земли подняты горы. Раскиданы звёзды. Вселенная засверкала.

Наше солнце стало одним из миллионов. Наша галактика стала просто одной из тысяч. Планеты невидимо привязанные к светилам, мчатся в космосе с головокружительной скоростью. Звёзды излучают тепло, способное расплавить нашу планету в секунды.

И за всем этим была могущественная Рука. Он - могуч.

И этой мощью Он творил. Творил также естественно, как птица поёт, как плавают рыба. Как художник не может не писать, так и Он не мог не творить. Он был Творцом. До мозга костей Он был Творцом. Неутомимым Мечтателем и Архитектором.

Из ничего Вечный Художник сотворил неподражаемое великолепие. Чудо Его творений зародилось ещё до того, как нашёлся человек, который мог бы это увидеть. Цветы не просто росли, они цвели. Цыплята не просто рождались, они вылуплялись. Лосось не просто плавал, он умел подпрыгивать.

В Его вселенной не нашлось места мирскому.

Он, должно быть, любил Свою вселенную. Творцы обычно наслаждаются процессом творения. Я уверен, что Его команды были восхитительны! "Бегемот, ты будешь ходить не просто, а.... в перевалку!" "Гиена, лай? - слишком скучно. Разреши Я покажу тебе, как надо смеяться!" "Пойди-ка сюда, жираф. Разреши Мне немного вытянуть твою шею!" "Посмотри, енот, Я сделал для тебя маску!" И так далее, и так далее. Заставить облака клубиться. Дать океанам синеву, а деревьям умение качаться. Подарить лягушкам прыжки и кваканье. Мощь обручилась с творчеством и родилось Бытие.

Он был велик. Он был созидающ.

То есть Он был любовь. Сильнее, чем Его мощь и глубже, чем Его созидание, была одна, всё поглощающая особенность Его характера:

Любовь.

Вода должна быть мокрой. Огонь - жгуч. Лишите воду её влажности, а будет ли то вода?! Будет ли огонь огнём без своего жара.

Аналогично, лишите любви Того, кто жил до времени, будет ли Он существовать?! Ведь Он был... и есть... Любовь.

Всмотритесь в Него внимательнее. Исследуйте каждый уголок, каждый закуток. Любовь - вот, что вы найдёте повсюду. Поднимитесь к началу любого решения, принятого Им, и вы увидите любовь. Спуститесь к концу любой истории, рассказанной Им, и вы обнаружите её -

Любовь.

Ни горечи. Ни зла. Ни жестокости. Просто любовь. Любовь без изъяна. Страстная любовь. Необъятная и чистая любовь. Он есть любовь.

И что же получается - у слона хобот, которым можно пить воду. У котёнка есть мама, которая может выкормить его. А у птенца есть гнездо, где можно спать. И сам Господь такой могущественный, что может прорезать каньоны, настолько нежен, что покрывает ножки бабочки-махаона волосиками, чтобы согреть их. Та же самая сила, что придаёт гармонию планетам, направляет крошку-кенгуру к материнской сумке, ещё до того, как мама узнает, что малыш родился.

Он делал всё это благодаря тому, кем Он был.

Он сотворил рай. Безгрешное святилище. Более убежище, нежели угроза. Более очаг, нежели жилище. Нет времени. Нет смерти, нет боли. Дар, созданный Богом для Своего последнего творения. И когда Он окончил, Он знал, "что это - хорошо." (2)

Но недостаточно.

Его величайшая работа не была завершена. До того, как остановиться Ему нужен был один прощальный шедевр.

Посмотрите на каньоны, чтобы увидеть великолепие Бога. Дотроньтесь до цветов и почувствуйте Его нежность. Послушайте гром и услышите силу Его мощи. А теперь глядите пристально вот на это - апогей Его творения - и станьте свидетелями Его великолепия, нежности, мощи ... и ещё ...

Вообразите вместе со мной, что могло происходить в тот день.

* * *

Один кусок глины Он положил на другой, и это лежало безжизненной формой на земле.

Все обитатели райского сада замерли, чтобы стать свидетелями события. Ястребы спустились пониже. Жирафы вытянули шеи. Деревья склонили ветви, а бабочки сели на лепестки и наблюдали.

"Ты будешь любить Меня , природа. - сказал Господь - Я сотворил тебя так. Ты будешь Мне послушна, вселенная, потому что была задумана работать именно так. Вы будете отражать Мою славу, небеса, потому что только так вы были созданы. Ну, а это есть тот, кто будет подобен Мне. Это есть тот, кто будет способен выбирать."

Все молчали, когда Творец поднял руки и вынул из Себя что-то ещё невидимое. Семя.

"Это называется "выбор". Семя выбора.

В молчании стояли Его творения, глядя на безжизненную форму.

И тогда заговорил ангел: "А что, если он..."

"Что, если он не выберет любовь? - закончил Бог. - Пошли, Я покажу тебе кое-что"

Не привязанные ко времени Господь и ангел отправились в царство будущего.

"Вон там, смотри, плоды семени выбора.

Ангел ахнул от того, что увидел. Искренняя любовь. Преданность не по принуждению. Желание быть добрыми. Никогда он не видел ничего подобного. Он видел любовь потомков Адама. Он слышал радость дочерей Евы. Он видел, как делятся едой и тяготами жизни. Он впитывал доброту и восхищался теплотой чувств.

"Небеса никогда не видели такой красоты, Господи. Истинно, это Твоё величайшее творение."

"А-а, но ты видел только сладкие плоды. Стань теперь свидетелем горьких."

Зловоние окутало двоих. Ангел в ужасе отпрянул и воскликнул: "Что это?"

Творец произнёс только одно слово: "Себялюбие."

Ангел оставался безмолвным, пока они проходили сквозь столетия мерзости. Порочные сердца. невыполненные обещания. Забытая верность. Дети Его творения, слепо скитающиеся в лабиринтах одиночества.

"Это - результат выбора?" - спросил ангел.

"Да."

"Они забудут Тебя?"

"Да"

"Они отвергнут Тебя?"

"Да"

"Они никогда не вернуться?"

"Некоторые вернуться. Большинство - нет."

"Что нужно, чтобы заставить их слушать?"

Творец продолжал идти во времени дальше и дальше в будущее до тех пор, пока не остановился у дерева. У дерева, из которого когда-то сделают колыбель. Даже в тот момент Он мог ощутить запах сена, которое когда-то будет окружать Его.

Ещё один шаг в будущее, и Он остановился перед другим деревом. Оно стояло одиноко: упрямый правитель голого холма. Ствол был толст, древесина крепка. Скоро его установят на скалистом выступе другого холма. И скоро на нём распнут Его.

Он почувствовал, как древесина трётся о Его спину, ещё не касавшуюся её.

"Ты спустишься туда?" - спросил ангел.

"Да."

"Неужели не существует другого пути?"

"Не существует."

"Может быть, было бы проще не сажать это семя? Может быть, было бы проще не давать выбора?"

"Может быть." - сказал Творец медленно.

"Но отнять выбор - это отнять любовь."

Он оглянулся на холм и заранее увидел сцену: на трёх крестах висят три фигуры. Руки раскинуты в стороны. Головы упали на грудь.

Люди, одетые в солдатскую форму, сидели на земле рядом с повешенной троицей. Они играли в пыли и смеялись.

Люди, одетые в рясы, стояли поодаль. Они улыбались: высокомерно и заносчиво. Им казалось, что, убивая этого фальшивого бога, они защищают Настоящего.

Женщины, одетые в траур, теснились у подножия холма. Безмолвные. На лицах следы слёз. Глаза опущены вниз. Одна обняла рукой другую женщину, пытаясь увести её прочь. Но та не уходила. "Я останусь, - говорила она тихо, - Я останусь."

Все небеса поднялись, чтобы вступить в борьбу. Вся природа встала, чтобы спасти. Вся вечности приготовилась защищать. Но Творец не подавал команды.

"Это должно произойти..." - сказал Он и удалился.

Но отступив назад во времени, Он услышал крик, однажды сорвавшийся с Его губ: "Мой Бог, Мой Бог, почему Ты покинул Меня?"(3) Он резко дёрнулся от завтрашней боли.

И снова заговорил ангел: "Может быть, это могло быть менее болезненным...."

Творец перебил его мягко: "Но это не была бы любовь."

Они вновь вернулись в райский сад. Мастер серьёзно посмотрел на глиняное творение. Волна любви захлестнула Его. Он умер за Своё творение прежде, чем создал его. Бог склонился над скульптурным лицом идохнул. Пыль облачком взвилась над губами нового создания. Грудная клетка поднялась, и по красной глине легли трещинки. Щеки порозовели. Шевельнулся палец. И открылись глаза.

Но момент пробуждения духа был более невероятным, чем момент, когда плоть стала двигаться. Те, кто мог видеть невиданное, взволнованно задышали. Возможно, то

был ветер, сказавший об этом первым. Возможно, то что увидела в тот момент звезда, заставило её сверкать вечно. А может быть, то оставили прошептать ангелу:

"Оно похоже... кажется оно так похоже... на Него!"

Ангел говорил не о чертах лица или теле. Он смотрел внутрь - в душу.

"Оно – вечное!" - произнёс в волнении кто-то ещё.

В человека Господь поместил священное семя. Семя Себя самого. Могущественный Бог сотворил самого могущественного на земле. Творец сотворил не творение, а ещё одного творца. И Тот, кто избрал любовь, сотворил того, кто может любить в ответ.

Теперь это - наш выбор.

27. БЕЗ ТРУСОВ, НО С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ

СТИВА ЛАЙНСА БУДУТ ПОМНИТЬ как игрока, скинувшего свои спортивные трусы во время матча. Его могли бы запомнить как выдающегося полевого игрока команды Чикаго Вайт Сокс... игрока, умеющего играть на любой позиции ... парня, всегда бросавшегося на переднюю линию противника... любимца публики, которого приветствовали, аплодируя поднятыми над головой руками, и который мог поймать гнилой мяч, летящий в трибуну. Он мог бы запомниться как игрок высокого класса, которым он стал, несмотря на свои средние физические данные.

Но этого не будит. Его запомнят как игрока, который 16 июля 1990 скинул трусы во время матча.

Команда Вайт Сокс играла с Тиграми Детройта. Как бодающийся бык, Лайнс врезался в первую линию игроков. Он знал, что придётся туго, поэтому нырнул под ноги противников. Порядок! Но подающий Тигров запротестовал. Вместе с судьёй он принялся шуметь, Лайнс тоже возмутился, бурно выражая свой протест.

Поглощённый игрой и спором, Лайнс, однако, почувствовал, как грязь струйкой затекает ему за трусы. И, о ужас, - на глазах у потрясённой публики, у которой аж челюсти стукнулись о доски трибун от изумления, - Лайнс, не прекращая перепалки, но для того, чтобы вытереть грязь, сдёрнул с себя спортивные трусы.

Можете себе представить, какие посыпались шутки. Когда он шёл по полю, то женщины, болельщицы команды Вайт Сокс, размахивали банкнотами. А один обозреватель писал: «Никто и никогда не скидывал своих подштанников на поле. Такого не сделала ни одна знаменитость!»(1) Двадцать четыре часа на всеобщем обозрении! Он удостоился внимания к своей персоне за эти часы больше, чем за всю свою карьеру: пять прямых телевизионных и около двадцати радиопередач.

«У нас тут есть подающий, ну тот, кто в начале этого месяца подал неотбиваемый, - говорил Лайнс, - «так я вам даю гарантию, что после этого он не имел и двух прямых теле-интервью. А я, спустив штаны, имею семь. В этой игре к сумасбродству не адекватное отношение.»

К счастью Стив носил обычные трусы под своими спортивными штанами, в противном случае игру бы не засчитали.

Со Стивом Лайнсом я не знаком и не являюсь поклонником команды Вайт Сокс. Мне вообще не нравятся люди, скидывающие свои подштанники на публике. Но я

думаю, что Стиву Лайэнсу надо отдать должное. Я считаю, что любой, кто бросается на переднюю линию, заслуживает того, чтобы ему отдали честь.

Многих ли вы знаете парней, мчащихся на передовую линию жизни, парней, думающих больше о работе, чем о собственной шее? Как часто вы встречаете людей, первыми бросающимися в дело?

Слишком редко, правильно? Но когда мы встречаем их ... когда мы видим, как смелый человек, отбросив предосторожность делает отчаянные попытки ... ах, говорим мы, вот теперь есть человек, достойный похвалы.

Так что за ваше здоровье все Стивы Лайэнсы всего мира

Так держать хорошая группа из Мемфиса, штат Теннесси, чьи члены хотя и с заметным отставанием в умственном развитии, но отважными сердцами. Послушайте их, и вы не останетесь равнодушными.

За твоё здоровье герой Сан-Францисского марафона, пересекшего финишную ленточку, не видя её. (Он был слепой).

За ваше здоровье, сударыня, - муж бросил вас с целым выводком детей, которых надо растить, а вы каждое воскресенье говорите мне, что Бог никогда не был к вам ближе, чем сейчас.

За твоё здоровье, папаша, воспитывающий двух дочек, и научившийся заплетать им косички.

За вас, дедушка с бабушкой, ушедших на пенсию, чтобы воспитывать внуков, т.к. их родители не могут этого делать.

За ваше здоровье, родители, взявшие на воспитание ребёнка, и заботившиеся о нём достаточно долго, чтобы он завладел их сердцами - а потом вернувшие его настоящим родителям.

За тебя, девочка, тебе все советовали сделать аборт, но ты предпочла оставить ребёнка.

За ваше здоровье, доктор, лечащий более половины своих больных бесплатно.

За вас, миссионеры, работающие над возвращением к жизни пристрастившихся к наркотикам.

За вас, кто ведёт группы по изучению Библии.

За всех вас, безрассудно любящих Бога и жизнь, стоящих на передней линии, потому что заплатили за это высокую цену.

Ну и что с того, если вы забудете о том, как выглядеть на публике и будете застигнуты в момент, когда с вас спали штаны? По крайней мере, вы играли с профессионалами.

А многие из нас не играют даже в своей команде.

28. ЛИМОНАД И МИЛОСТЬ

«ЛИМОНАД - 5 центов»

Буква «и» больше, чем буква «л». «М» задрана вверх, следующие за ней стоят много ниже, а две последние вообще закругляются вниз, потому что художнику не хватило места на плакате.

Но, думаю, Норману Роквеллу рисунок понравился бы.

Две маленькие девочки сидят на маленьких стульчиках за маленьким столиком на тротуаре. Та, которой шесть лет, - кассирша; она отвечает за пластиковую чашку с мелочью для сдачи. Та, которой четыре года, - официантка; она управляется со льдом, наливает лимонад, расставляет и переставляет на столе бумажные стаканчики.

За ними на траве сидит папа, прислонившись спиной к дубу и улыбается, поскольку присутствует при инаугурации дочерей в сферу бизнеса. А он устойчив: поток покупателей этого субботнего полдня почти опустошил кувшин с лимонадом. На дне пластиковой кассы - тридцать пять центов выручки. Обслуживание - на высоте, за исключением двух-трёх расплёскиваний. Никаких жалоб. Куча комплиментов.

По правде сказать, часть успеха была заранее обусловлена стратегией маркетинга.

Дело в том, что на нашей улице не такое уж большое движение, поэтому пришлось сделать небольшую рекламу. Как только дочери нарисовали плакат, я позвонил нескольким соседям и пригласил их на «грандиозное открытие лимонадной стойки». Так что, сами понимаете, до сих пор все наши клиенты были людьми пристрастными.

И вот гордый я сижу, прислонившись спиной к дубу, закрыв глаза и наслаждаясь репортажем бейсбольного матча, передаваемого по радио, как вдруг слышу незнакомый голос:

«Я бы выпил стаканчик лимонада, если вы не против.»

Я открыл глаза. То был покупатель. Настоящий покупатель. Беззаботный проезжий, увидевший рекламу и остановившийся, чтобы заказать питьё.

«Ух ты,» - сказал я сам себе. Наш сервис должен пройти испытание.

Андреа, ей четыре года, схватила уже использованный стаканчик.

«Достань чистый.» - подсказал я.

«Ой!» - хихикнула она, доставая чистый стаканчик.

Потом, открыв ведёрко со льдом и заглянув в него, она сообщила мне: «Папа, у нас кончился лёд.»

Клиент услышал её: «Не волнуйтесь, я возьму тёплый.»

Андреа взяла кувшин и стала наливать лимонад. Сироп медленно потёк из кувшина. А затем: «Ой, папа, а здесь совсем мало.» И тут снова заговорил наш клиент: «Всё в порядке. Мне не надо больше.»

«Надеюсь, вы любите сладкий лимонад.» - сказал я очень тихо.

Андреа вручила стаканчик мужчине, а он вручил ей доллар. Официантка отдала его кассирше, а та, повернувшись ко мне, недоумевала: «Папа, что мне делать?» (С такими «крупными» купюрами мы не работали.)

В поисках сдачи я засунул руки в карманы - они были пусты.

«Знаете... у нас нет...» - начал я.

«Нет проблем. – сказал он и улыбнулся. – Сдачу оставьте себе.»

Я был сконфужен, а наш покупатель поблагодарил девочек, сказав им, что они делают большое дело, забрался в машину и уехал.

«Вот так дела, - подумал я. – Мы ему дали неполный стакан с тёплым лимонадным сиропом, а он одарил нас комплиментами и платой в двадцать раз большей.»

Я намеривался научить девочек свободному предпринимательству, а им преподали урок милости. И мне тоже.

Что же касается теологических рассуждений, разводимых нами, проповедниками, по поводу Божьей милости, то этим добрым прохожим она была реализована нагляднее, чем любой самой блестящей проповедью.

Может быть рассказом об этом незнакомце, принёсшим милость в наш дом, неплохо бы закончить эту книгу. По сути это есть история каждого из нас.

Все видели, как быстро тает лёд в стакане в лучах июльского солнца. И все мы пытались услужить самому лучшему клиенту, а оказывалось, что ему это не столь важно, да и кувшин наш требовалось наполнить снова? И нет такого человека, который не хотел бы узнать, что же делает Бог, когда наши обещания и дела даже близко не стоят друг с другом.

Уроки предпринимательства и реальная жизнь были бы слишком рискованными стремлениями, не появляйся на наших улицах вот такие добрые незнакомцы. Но слава Богу они приходят.

И слава Богу, что Он приходил.

Потому что разве Бог - не странник, ставший нашим другом уже после того, как узнал, что осталось на дне и заглянувший в наши сердца?

А разве мы не более, чем удивлённые дети, поражённые тем, что полученное нами больше в двадцать, нет воистину в миллион раз больше просимого?

Вспомните об этом в следующий раз, когда ваше спокойствие обратиться в хаос. Вспомните о лимонадной распродаже в следующий раз, когда вас застигнет буря и на горизонте трудно будет разглядеть Бога. А чтобы ваш путь среди пучины вод стал бархатным, как это случилось с Петром, поднимите глаза к небу и смотрите ...

Возможно Добрый Странник уже несёт милость в ваш дом ... в вашу жизнь.

Заключение

Я ТОЛЬКО ЧТО СДЕЛАЛ ТОЖЕ, ЧТО И ВЫ. Я только что прочёл эту книгу. С утренней почтой уйдёт рукопись, что лежит на столе в пакете с адресом. Издатель и корректоры ждут её. Наготове печатники со своими станками, только я всё ещё не готов отправить книгу и поэтому, сидя на диване под лампой, прихлёбывая кофе, я читаю её и... благодарно... улыбаюсь.

Мне понравилось, что я написал. Возможно вас удивит это, но каждому автору нравится, им написанное. Так должно бы, и это нормально. Но мною всегда овладевает чувство томительного страха перед любой законченной книгой - я боюсь, что онемею от написанной отсебятины, сев перечитывать её.

Но этого не случилось. И я был доволен.

Я улыбался правильности одного, другие отрывки грели мне душу. Приятно было снова оказаться на морском берегу, в самолёте в компании с прозорливой дамой. Мне было полезно перечитать эпизод о потерянных линзах и восстановленном видении сути вещей, о затерявшейся в океане команде Рикенбекера и неизвестно откуда появившейся морской чайке, о чудо-лестнице и безымянном плотнике.

И неплохо было вновь получить напоминание о том, как кратко наше путешествие по жизни, и о том, что Иисус знает о наших переживаниях, и что Он сдвинет горы и пройдёт сквозь любую бурю ради нас.

Я доволен, что вновь оказался в эпицентре шторма с учениками и Иисусом. Надеюсь, что и вам это было полезно. Спасибо, что прочли мою книгу, потратили время и деньги. Мне бы хотелось, чтобы она стоила и того и другого.

И ещё я надеюсь, что вы никогда не забудете последнего Закона Маяка:

Относитесь к жизни как к путешествию по морю на шхуне. Насладитесь окружающим вас видом. Поработайте с парусами. Подружитесь с капитаном. Порыбачьте немного. А потом покиньте корабль, прибыв в гавань.

Счастливого плавания!